p. 324.154

30. VII. 96 г. Ив. Татаркина

9. I. № 130

И/284

Николай Ивановичъ Ильминскій.

ИЗБРАННЫЯ МѢСТА ИЗЪ ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЙ,

НѢКОТОРЫЯ СВѢДѢНІЯ О ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

И О ПОСЛѢДНИХЪ ДНЯХЪ ЕГО ЖИЗНИ.

съ портретомъ *Н. И. Ильминскаго*,

съ видомъ Учительской Семинаріи и Крещено-татарской школы.

Изданіе почитателей покойнаго.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1892.

И/284

Николай Ивановичъ Ильминскій.

Избранныя мѣста изъ педагогическихъ сочиненій,

нѣкоторыя свѣдѣнія о его дѣятельности

и о послѣднихъ дняхъ его жизни.

92.И 494
371

Проверено 1944 г.

съ портретомъ *Н. И. Ильминскаго.*

Изданіе почитателей покойнаго.

Ревизія 1917-1918 г.
9/146
Библиотека им. Н. Марра

Казань.
Типографія Императорскаго Университета.
1892.

Заглавие
371.1 : 92

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
Сев.-Каз.
им. К. Маркса
3
324.154 Р.
БИБЛИОТЕКА

Проверено
1957—36 г.

Цензурою дозволено. Казань, 7 марта 1892 года.

324.157

Н. Шелгуновъ.

Сев.-Каз.

Изданіе трудовъ и переписки Николая Ивановича Ильминскаго можно будетъ осуществить лишь въ нѣсколько лѣтъ. Въ виду этого между почитателями покойнаго возникла мысль издать въ настоящее время предлагаемую книжку, чтобы теперь же дать многочисленнымъ почитателямъ и ученикамъ Николая Ивановича что нибудь на память о немъ.

Настоящая книжка издана на деньги, собранныя по подпискѣ между почитателями покойнаго; вся сумма, которая будетъ выручена отъ продажи изданія, пойдетъ на образованіе капитала имени Н. И. Ильминскаго; на проценты съ этого капитала предполагается содержать стипендіатовъ въ учрежденной покойнымъ Центральной Крещено-татарской школѣ.

Издатели.

О ПРИМѢНЕНІИ РУССКАГО АЛФАВИТА КЪ ИНОРОДЧЕСКИМЪ ЯЗЫКАМЪ.

Первая книжка на татарскомъ языкѣ русскими буквами переведена и напечатана мною въ 1862 году. Это букварь съ статьями христіанскаго, вѣроучительнаго и молитвеннаго содержанія для крещенныхъ татаръ. Должно замѣтить, что еще въ 1847 году [1]) по случаю отпаденія крещенныхъ татаръ въ магометанство, обусловливаемыхъ и оффиціально объясняемыхъ преимущественно незнаніемъ ими Православной Вѣры и непониманіемъ церковнаго Богослуженія, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о переводѣ на татарскій языкъ главнѣйшихъ богослужебныхъ книгъ. Вслѣдствіе этого и были переведены: Литургія Св. Іоанна Златоустаго, Часословъ и Евангеліе. Эти переводы сдѣланы были на языкъ книжный магометанскій и напечатаны арабскими буквами. Въ переводной коммиссіи состоялъ и я, какъ лицо впрочемъ второстепенное, и я вполнѣ раздѣлялъ магометанско-научный взглядъ на языкъ и алфавитъ татарскій, и сказанные переводы мнѣ представлялись основательными и удовлетворительными. По окончаніи уже этой работы привелось мнѣ въ 1856 году на мѣстѣ освѣдомляться о пригодности ея для крещеныхъ татаръ, и я увидѣлъ, что наши переводы, особенно Литургія и Часословъ, для тѣхъ почти совершенно непонятны и потому безполезны. Послѣ того, непосредственное знакомство съ крещенными татарами, киргизами и частію туркменами охладило мою прежнюю ревность къ книжному татарскому языку и воспитало во мнѣ рѣшительное уваженіе къ живой народной рѣчи, какъ единственному вѣрному памятнику дан-

[1]) Въ другомъ изданіи И. И. Ильминскій цитуетъ именной Высочайшій указъ отъ 9 января 1803 года о переводѣ на татарскій языкъ символа вѣры и нѣкоторыхъ молитвъ. Опыты переложенія вѣроучительныхъ книгъ на татарскій и нѣкоторые другіе инородческіе языки. Казань. 1885 г. стр. 73—74.

наго языка. Народный языкъ я сталъ считать особенно важнымъ и необходимымъ въ дѣлѣ миссіонерскомъ и учебномъ. Арабско-татарскій алфавитъ я разлюбилъ, особенно тогда, когда во время своей трехлѣтней Оренбургской службы увидѣлъ его несоотвѣтствіе киргизской фонетикѣ и вообще неспособность къ выраженію звуковыхъ особенностей разныхъ Тюркскихъ нарѣчій. Въ букварѣ 1862 г., составленномъ подъ вліяніемъ уже этого взгляда, я старался употребить народный татарскій языкъ, какимъ говорятъ старо-крещеные татары Мамадышскаго уѣзда Казанской губерніи, среди и при помощи которыхъ я переводилъ букварь. Главная моя забота была о народности языка; алфавитъ же имѣлъ второстепенное значеніе. Я принялъ русскій алфавитъ потому, что крещеные татары вообще не знакомы съ арабскою грамотою, а нѣкоторые, обучавшіеся въ русскихъ школахъ, довольно хорошо умѣли читать по русски. Русскій алфавитъ и русскую систему письма я принялъ цѣликомъ; я писалъ такъ, какъ мое ухо слышало татарскіе звуки; но долголѣтняя привычка къ арабско-татарской книжной орѳографіи препятствовала мнѣ вслушиваться въ точное произношеніе татарскихъ словъ. На первыхъ порахъ я находилъ нужными только два знака: иг (сліяніе *н* и *г* для обозначенія носоваго *н*) и ӱ; послѣднее для одного только слова *ӱй*—домъ, въ отличіе его отъ слова *уй*—мысль. Въ 1863 году положено въ Казани небольшое начало для ученія крещено-татарскихъ дѣтей, а въ 1864 году формально открыта Казанская крещено-татарская школа, отъ которой чрезъ два послѣ того года начали отдѣляться отрасли — школы въ крещено-татарскихъ селеніяхъ разныхъ уѣздовъ и губерній, пользующіяся руководствомъ и направленіемъ Казанской школы и имѣющія для начальнаго обученія дѣтей тѣ же книги на татарскомъ языкѣ. Болѣе тѣсное сближеніе съ крещеными татарами служило къ исправленію языка переводовъ и обнаружило неудовлетворительность моей орѳографіи, и каждое новое изданіе имѣло нѣкоторыя разности, такъ что орѳографія въ главныхъ и существенныхъ чертахъ окончательно установилась въ 1866 году въ изданіи Евангелія отъ Матѳея. Къ числу важныхъ особенностей татарской фонетики относится то, что кромѣ звука *у*, ясно и опредѣленно произносимаго какъ въ русскомъ языкѣ, татары имѣютъ другой звукъ, который для моего слуха былъ неуловимъ, составляя что-то среднее между *у* и *о*, но для природнаго слуха татаръ конечно онъ былъ совершенно ясенъ: его мы стали писать буквою *о*. Точно такъ же при ясномъ и опредѣлительномъ *и* есть неопредѣленный бѣглый звукъ, средній между *и* и *е*, который мы стали

писать буквою *е*. Замѣчу кстати, что въ киргизскомъ языкѣ существуетъ обратное явленіе: опредѣлительное и ясное произношеніе имѣютъ *о* и *е*, а *у* и *и* произносятся бѣгло. Такимъ образомъ по татарски: *кулъ*—рука, *колъ*—рабъ, *бирь*—дай, *берь*—одинъ; а въ киргизскомъ—совершенно наоборотъ: *колъ*—рука, *кулъ*—рабъ, *берь*—дай, *бирь*—одинъ. Въ этомъ отношеніи съ киргизскимъ языкомъ сходныя языки: Алтайскій и Турецкій. Далѣе въ языкахъ татарской группы существуетъ законъ созвучія, по которому въ данномъ словѣ со всѣми его приставками и окончаніями должны быть или все твердыя гласныя, или все мягкія. Поэтому гласныя буквы въ татарскомъ языкѣ идутъ слѣдующими парами: *а*, *ӓ* (я); *у*, *ӱ* (ю); *о*. *ӧ*; *ы*, *е* (э), (*и* не имѣетъ у татаръ соотвѣтственной пары). При своемъ консерватизмѣ, я въ окончательно установившейся орѳографіи употреблялъ русскія мягкія *я* и *ю* гдѣ можно, т. е. послѣ согласныхъ, а въ началѣ словъ долженъ былъ писать *ӓ* и *ӱ*; точно такъ же вмѣсто *е* я писалъ въ началѣ словъ *э*. Такимъ образомъ въ нашъ крещено-татарскій алфавитъ вошли буквы съ различительнымъ двоеточіемъ *ӓ*, *ӧ*, *ӱ*. Отсюда видно, что буквамъ *о*, *ӧ* и *е* я далъ *условное* значеніе неопредѣленныхъ и бѣглыхъ татарскихъ звуковъ, не обозначивъ этого никакими знаками, потому собственно, что у татаръ нѣтъ звуковъ ясныхъ, соотвѣтствующихъ русскому произношенію этихъ буквъ. На томъ же основаніи я употребляю букву *ж* въ значеніи *дж* (=итальянск. *j*), которое находится обыкновенно въ началѣ словъ на мѣстѣ турецкой согласной *й*: такъ какъ чистаго русскаго звука *ж* у татаръ вовсе нѣтъ, то условно принятая мною въ сказанномъ значеніи, эта буква не представляетъ въ татарскомъ письмѣ никакой сбивчивости. Въ другихъ инородческихъ языкахъ можетъ быть другое распредѣленіе гласныхъ и согласныхъ звуковъ по отношенію къ русскимъ звукамъ, которое сдѣлаетъ необходимымъ принять какіе нибудь отличительные значки на русскихъ буквахъ, во избѣжаніе сбивчивости. Такъ наприм. у чувашъ весьма характеристичны и въ языкѣ существенны бѣглые звуки, которыми многія слова отличаются отъ другихъ словъ сходнаго состава по звукамъ, но разныхъ по значенію. Г. Яковлевъ въ своихъ чувашскихъ переводахъ, для выраженія этихъ бѣглыхъ звуковъ, сначала принялъ было *ъ* и *ь* въ ихъ древнемъ значеніи краткихъ гласныхъ или полугласныхъ; зато онъ не писалъ этихъ буквъ въ концѣ словъ въ значеніи твердаго и мягкаго знаковъ, какъ они употребляются теперь въ русскомъ языкѣ. Но такъ какъ многіе русскіе люди скандализировались, видя *ъ*, *ь* въ срединѣ и даже въ началѣ

словъ, то г. Яковлевъ замѣнилъ ихъ буквами *а*, *е* (съ краткимъ надъ ними знакомъ).—Скажу кстати о турецкомъ и древне-тюркскомъ согласномъ *й* (=Лат. j). Этотъ согласный звукъ въ разныхъ парѣчіяхъ получаетъ разныя произношенія, всегда впрочемъ очень смягченныя или йотированныя. У татаръ онъ произносится, у иныхъ какъ *дь*, у другихъ какъ *дзь*, у нѣкоторыхъ *зь*, у киргизовъ какъ *жъ*, у алтайцевъ какъ *ть*, у шорцевъ (тоже на Алтаѣ), какъ *чь*, у чувашъ какъ *сь*. И вотъ находится очень много словъ, начинающихся въ древне-тюркскомъ языкѣ съ согласнаго *й* и существующихъ теперь во всѣхъ сказанныхъ языкахъ и подрѣчіяхъ, которыя только и оразноображиваются сей-часъ объясненнымъ произношеніемъ начальнаго звука. Если-бы я началъ писать свои переводы среди крещеныхъ татаръ напр. Мензелинскаго уѣзда, гдѣ этотъ звукъ произносится какъ *зь*, я не могъ бы его выразить прямо русскою *з*, потому что она часто встрѣчается въ татарскомъ языкѣ въ своемъ правильномъ русскомъ произношеніи, и поневолѣ долженъ бы былъ отмѣтить йотированное значеніе ея какимъ-нибудь значкомъ. Гораздо удобнѣе было бы означить этотъ звукъ напримѣръ латинскимъ j, который бы далъ тожественнымъ словамъ одинаковое начертаніе, а произносился бы въ каждомъ парѣчіи по своему и, какъ знакъ посторонній, не производилъ бы путаницы при переходѣ инородцевъ къ чтенію русскихъ книгъ. Относительно того же звука въ чувашскомъ языкѣ присовокуплю, что г. Яковлевъ пишетъ его знакомъ ç, а г. Золотницкій въ своемъ корневомъ чувашско-русскомъ словарѣ и новѣйшихъ своихъ переводахъ выражаетъ сочетаніемъ *сь*.

Кромѣ приспособленія русскихъ буквъ къ татарскимъ звукамъ, мнѣ пришлось постепенно измѣнять и установлять орѳографію. Въ первомъ изданіи букваря я писалъ *су*,—вода, *ауль*—деревня, *аю*—медвѣдь. Теперь мы пишемъ *сыу*, *ауыл*, *айыу*. Это сочетаніе *ыу*, родъ двугласной, внушено мнѣ крещено-татарскими мальчиками, учениками Казанской школы, которые по чутью употребляли его въ своихъ письмахъ, но оно совпадаетъ съ нормальнымъ составомъ словъ въ основномъ тюркскомъ языкѣ. Должно замѣтить, что когда въ нашихъ переводахъ не было установившейся болѣе или менѣе раціональной орѳографіи и опредѣленнаго алфавита, обучающіеся татарчата постоянно путались и затруднялись въ своихъ письменныхъ работахъ. Орѳографія наша окончательно выработалась при ихъ содѣйствіи и избавила ихъ отъ всякихъ колебаній и недоразумѣній. Опредѣленность алфавита и орѳографіи и возможная приспособленность ея къ дѣйствительной сущности инород-

ческой фонетики полезны въ учебномъ дѣлѣ, потому что при самомъ первомъ обученіи грамотѣ установляютъ въ учащихся ясное и опредѣленное представленіе объ отношеніи буквенныхъ знаковъ къ звукамъ языка.

Послѣ того какъ татарчата усвоятъ чтеніе на своемъ родномъ языкѣ, они легко переходятъ къ чтенію русскихъ книгъ. Но опытъ показалъ, что они долго ошибаются какъ въ чтеніи русскихъ книгъ, какъ особенно въ письмѣ подъ диктовку, а также въ письмѣ русскихъ словъ, заученныхъ ими съ устнаго произношенія. Эти ошибки происходятъ большею частію отъ условнаго употребленія буквъ *у*, *о*, *и*, *е*. Татарчата нерѣдко смѣшиваютъ и перепутываютъ *у* съ *о*, *и* съ *е*, смотря по тому, есть ли надъ этими гласными удареніе, или нѣтъ. Поэтому, послѣ усвоенія инородческими учениками чтенія книжекъ на своемъ родномъ языкѣ и твердаго знакомства съ русскими буквами, примѣненными къ ихъ языку съ какими-нибудь дополненіями и измѣненіями или безъ всякихъ измѣненій и дополненій, во всякомъ случаѣ, необходимо нужно, при переходѣ къ русскому чтенію, снова пройти русскую азбуку и отчетливо уяснить точное значеніе тѣхъ же буквъ въ русскомъ языкѣ.

Изъ этого опыта видно, что нѣкоторое затрудненіе перехода инородцевъ отъ своихъ книжекъ къ чтенію русскихъ книгъ зависитъ не отъ діакритическихъ знаковъ или какихъ-либо дополненій въ алфавитѣ, а отъ той разности, какая существуетъ между фонетикой русской и таковой даннаго инородческаго языка; вслѣдствіе чего инородческіе ученики привыкаютъ соединять съ иными буквами звуковое значеніе, отличное отъ русскаго произношенія тѣхъ буквъ. Поэтому легкость сказаннаго перехода будетъ зависѣть не отъ отсутствія измѣненій и дополненій въ русской азбукѣ, а отъ устраненія всякихъ недоразумѣній чрезъ разъясненіе подлиннаго русскаго произношенія буквъ.

Русскій алфавитъ въ крещено-татарскихъ книгахъ, благодаря размножившимся школамъ и довольно значительному уже числу обучавшихся и учащихся въ нихъ крещеныхъ татаръ, а главное благодаря простотѣ и народности языка, на которомъ составлены эти книги, можно сказать, упрочился въ крещено-татарскомъ населеніи въ Казанской, Вятской, Уфимской и частью Оренбургской губерніяхъ, и оказываетъ важную услугу въ миссіонерскомъ отношеніи. Русскій алфавитъ рѣзкою гранью отдѣлилъ крещеныхъ татаръ отъ ихъ магометанскихъ единоплеменниковъ. Если бы христіанскія книги на татарскомъ языкѣ писались

арабскими буквами, въ такомъ случаѣ онѣ могли бы облегчать переходъ къ магометанской грамотѣ и чрезъ то увеличивать и безъ того значительное число поводовъ къ отпаденію крещеныхъ татаръ въ магометанство. Но это миссіонерское значеніе русскаго алфавита зависитъ отъ совершенной, и внѣшней и внутренней, разности его отъ арабскаго алфавита и ни сколько не уменьшается отъ какихъ-нибудь, во всякомъ случаѣ незначительныхъ, измѣненій и приспособленій, не измѣняющихъ существенно общаго вида русскаго письма.

Русская азбука, составленная приснопамятнымъ философомъ преподобнымъ Кирилломъ изъ греческаго алфавита, имѣетъ дополнительныя буквы для славянскихъ звуковъ, чуждыхъ греческому языку. Точно такъ же Коптскій алфавитъ къ греческимъ буквамъ прибавилъ нѣсколько особыхъ буквъ, необходимыхъ для звуковъ египетскаго языка. Это на православномъ Востокѣ. Между тѣмъ на католическомъ Западѣ вводился латинскій алфавитъ безъ всякаго прибавленія, и наприм. Германцы для выраженія своихъ особенныхъ звуковъ употребляютъ сочетанія по двѣ, по три и болѣе латинскихъ согласныхъ буквъ; ороографія венгерцевъ, которыхъ языкъ, какъ финскій, рѣзко отличается по звукамъ отъ латинскаго языка, просто можно сказать—безтолкова, потому именно, что католичество не дозволило имъ въ дополненіе къ латинскому алфавиту принять особыхъ буквъ для выраженія спеціально-маджарскихъ звуковъ. Только славянскіе народы, напримѣръ Чехи, сдѣлали по крайней мѣрѣ нѣкоторыя приспособленія латинскихъ буквъ къ своему языку. Такъ, надъ свистящими буквами c, s, z, они поставили рогульку для приданія имъ шипящаго звука: č = русскому ч; š = ш, ž = ж. Отсюда слѣдуетъ, что Православная церковь допускаетъ значительную свободу въ отношеніи внѣшностей, лишь бы сохранялись духъ и истина вѣры; напротивъ въ рабствѣ духовномъ держитъ своихъ исповѣдниковъ деспотическое латинство. Но и въ его области славянская натура не могла вполнѣ согнуться подъ гнетомъ католическаго деспотизма и придумала нѣкоторыя по крайней мѣрѣ приспособленія къ своему языку въ латинскихъ буквахъ, вмѣсто громоздкихъ нѣмецкихъ сочетаній нѣсколькихъ буквъ для выраженія одного звука. Когда мудрые и святые православные первоучители Славянъ, движимые духомъ христіанской любви и снисходительности, допустили значительныя прибавки къ греческому алфавиту согласныхъ буквъ, носовыхъ гласныхъ и полугласныхъ,— зачѣмъ мы, пренебрегая такимъ примѣромъ, стали бы цѣликомъ налагать свою русскую азбуку на инородческіе языки, совершенно рѣзко отличающіеся отъ нашего русскаго языка не только внутреннимъ пост-

роеніемъ, но и звуковой системой? Я впрочемъ долженъ сознаться, что въ своемъ алфавитѣ для крещеныхъ татаръ я не могъ освободиться отъ нѣсколько односторонняго русскаго чувства, не могъ возвыситься до полной свободы древнихъ составителей алфавитовъ преподобнаго Кирилла и святаго Стефана Великопермскаго. Именно я не приноровилъ русской азбуки вполнѣ точно къ фонетикѣ татарскаго языка, а оставилъ въ сущности русскую систему звукоизображенія, допустивъ только наименьшую степень самыхъ необходимѣйшихъ приспособленій, въ родѣ двоеточія надъ твердыми гласными. Татарскіе языки стоятъ внѣ индо-европейскаго семейства и имѣютъ совершенно особую фонетику, а финскіе языки отличаются фонетикой и отъ татарскихъ языковъ. Принявши за основное правило русской транскрипціи для инородческихъ языковъ то, чтобы дѣлать въ русской азбукѣ нѣкоторыя измѣненія и дополненія необходимыя по фонетическимъ свойствамъ *даннаго* языка, нужно допустить для разныхъ инородческихъ языковъ разную степень приспособленія русской азбуки, какъ это и дѣлается въ изданіяхъ Братства Св. Гурія для крещеныхъ инородцевъ. Поэтому обязательное установленіе не только абсолютно неприкосновенной русской азбуки, но и однообразной системы примѣненія ея ко всѣмъ татарскимъ и финскимъ языкамъ было бы крайне стѣснительно, а для нашего крещено-инородческаго дѣла, которое въ Казанскомъ краѣ уже установилось и получило опредѣленное и, смѣю думать, благотворное направленіе, было бы даже вредно.

Поучительно видѣть, какъ происходила эта передача алфавитовъ у разныхъ народовъ. Православная Греческая церковь передала греческій алфавитъ славянамъ и египтянамъ съ значительнымъ дополненіемъ особыхъ буквъ. Западные народы приняли латинскій алфавитъ отъ Римской церкви безъ прибавки особыхъ буквъ, а только съ діакритическими значками при буквахъ. Магометанство перенесло арабскій алфавитъ разноплеменнымъ и разноязычнымъ народамъ, тоже съ нѣкоторыми только значками, именно точками. Замѣчательное совпаденіе напизма съ магометанствомъ въ неуступчивости по приспособленію алфавитовъ и снисходительность православной Греческой церкви объясняются въ основѣ духомъ человѣчности послѣдней и духомъ преобладанія католичества и магометанства. А непосредственно, это безъ сомнѣнія зависѣло отъ того, что какъ въ Римской церкви Священное Писаніе читается и Богослуженіе совершается только на языкѣ латинскомъ, такъ и у магометанъ читаются Коранъ и молитвы въ мечетяхъ исключительно на арабскомъ языкѣ;

въ послѣдствіи времени наука у европейскихъ народовъ и у магометанъ излагалась тоже на этихъ только языкахъ: такъ алфавиты латинскій и арабскій и вошли повсюду безъ особыхъ измѣненій. На родныхъ языкахъ приводилось писать только какія-нибудь неважныя вещи, для которыхъ не стоило придумывать особаго алфавита. Православная церковь, напротивъ, всегда передавала Св. Писаніе и Богослуженіе на языкахъ мѣстныхъ, родныхъ, заботясь сообщить ученіе вѣры какъ образовательную силу. Поэтому на первыхъ же порахъ оказалась надобность обратиться къ родному языку народа, просвѣщаемаго христіанствомъ. Обиліе и обширность Священныхъ и Богослужебныхъ книгъ, возвышенность и новость содержанія требовали возможной опредѣленности какъ въ выраженіяхъ языка, такъ и въ самомъ звукоизображеніи. Отсюда естественно слѣдовала мысль о дополненіи, напримѣръ, алфавита греческаго новыми буквами для неимѣющихся въ греческомъ языкѣ звуковъ даннаго языка. Такъ явились особыя дополнительныя буквы славянскія и коптскія. Но при этомъ имена собственныя и нѣкоторыя названія священныя передавались съ точною ороографіею греческою, хотя бы она и не соотвѣтствовала фонетикѣ даннаго языка.

Есть языки съ двумя и болѣе разными алфавитами, напримѣръ въ Индіи, языкъ гиндустани имѣетъ три алфавита—арабскій у магометанъ, деванагарскій у язычниковъ и латинскій у христіанъ; Албанцы имѣютъ два алфавита—греческій православные и романскій католики.

Припомнимъ съ другой стороны, что коптскій, т. е. изъ греческаго передѣланный, алфавитъ не могъ поддержать внутреннюю солидарность египтянъ съ греками, когда ереси разорвали религіозное единомысліе. Еще: нѣмцы, у которыхъ алфавитъ цѣликомъ латинскій, кромѣ только двоеточія надъ гласными, отступили отъ папы; а поляки, при довольно значительныхъ измѣненіяхъ въ латинскомъ алфавитѣ, остаются преданными папѣ.

Такіе ясные историческіе факты приводятъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Алфавитъ составляетъ признакъ и памятникъ генетической религіозной связи народовъ, но онъ есть только слѣдствіе, а отнюдь не причина этой связи.

2) Когда религія передается отъ извѣстнаго народа къ другимъ на его языкѣ, тогда алфавитъ переходитъ цѣликомъ какъ есть, и уже впослѣдствіи принявшій народъ приспособляетъ его къ своему языку только діакритическими знаками. Но когда религія передается, какъ

сила образовательная и возрождающая, на языкѣ просвѣщаемаго народа и является надобность переводить священныя и богослужебныя книги на мѣстный языкъ, то алфавитъ, оставаясь въ основѣ тѣмъ же, принимаетъ дополнительныя буквы по требованію этого языка.

3) Какъ памятникъ религіозной связи народовъ, важенъ вообще алфавитъ, причемъ измѣненія и прибавки не имѣютъ никакой важности, т. е. отъ большей или меньшей степени приспособленія алфавита нельзя заключать пропорціонально къ степени близости между народами.

4) Алфавитъ не имѣетъ силы поддержать духовное единеніе народовъ, когда оно разрывается религіознымъ разномысліемъ. Но въ случаѣ навсегда окончательнаго разрыва алфавитъ остается уже какъ памятникъ прежней связи.

5) Религіозно-генетическая связь характеризуется также удержаніемъ коренной орѳографіи словъ священныхъ.

Что касается государственныхъ отношеній, мы видимъ примѣры двоякаго рода. Иные народы, потерявъ родной языкъ и усвоивъ на мѣсто его языкъ господствующаго народа, продолжаютъ однако же пользоваться своимъ прежнимъ алфавитомъ: мало-азійскіе греки пишутъ по турецки греческими буквами, марониты пишутъ по-арабски сирскими буквами, евреи употребляютъ свое еврейское письмо для разныхъ языковъ, которые они усвоили по мѣсту жительства. Другіе народы, впрочемъ меньшіе числомъ, приняли вмѣстѣ съ языкомъ и алфавитъ господствующаго народа. Я могу указать только на Коптовъ въ Египтѣ и на православныхъ христіанъ въ Сиріи, которые говорятъ по-арабски и пишутъ арабскимъ алфавитомъ. Копты по крайней мѣрѣ въ Богослуженіи употребляютъ свои коптскія книги а у православныхъ сирійцевъ и Библія и церковныя книги переведены на арабскій языкъ и написаны арабскими буквами. Но во всякомъ случаѣ сердце этихъ народовъ далеко отстоитъ отъ господствующаго народа и государства—именно благодаря ихъ иновѣрію. Въ 1853 году, когда началась Крымская война, я около трехъ мѣсяцевъ жилъ на Ливанѣ и посѣтилъ разныя его мѣстности, а также Дамаскъ и другіе города,—и вездѣ я видѣлъ явное расположеніе православныхъ сирійцевъ къ русскому народу и къ русскому Царю, блаженной памяти Николаю Павловичу, котораго они называли Меликна Никула (Царь нашъ Николай). Такое, можно сказать, влеченіе къ русскимъ людямъ и къ русскому Государю зависитъ единственно отъ православія, такъ какъ я видѣлъ въ то же время, что марониты и уніаты рѣшительно расположены къ государствамъ и народамъ католическимъ.

При этомъ языкъ и алфавитъ не имѣлъ, разумѣется, никакого значенія.

Такъ и у насъ въ Россіи единство алфавита, даже самое точное, не приведетъ къ внутреннему единенію инородцевъ съ русскими, пока первые не объединятся съ нами въ вѣрѣ православной. Я даже полагаю, что иновѣрные инородцы, имѣющіе свою религіозную письменность, какъ напримѣръ татары-магометане, или ламайцы-буряты, не примутъ русскаго алфавита ни цѣликомъ, ни съ какими угодно приспособленіями и прибавками. Всѣ наши инородцы, какъ и русскій сельскій народъ, находятся въ періодѣ религіознаго міросозерцанія и руководствуются религіозными мотивами.

Откровенно скажу, что историческія соображенія и мысли, въ родѣ вышеизложенныхъ, въ первый разъ стали приходить мнѣ въ голову въ 1870 году, когда Высокимъ Лицомъ [1]) возбужденъ былъ вопросъ о языкѣ и алфавитѣ въ изданіяхъ для крещеныхъ татаръ; тогда я долженъ былъ писать объясненіе въ защиту народнаго татарскаго языка противъ книжнаго и русскаго алфавита противъ арабскаго. Настоящій вопросъ, касающійся того же дѣла только съ противоположной стороны, заставилъ меня еще ближе всмотрѣться въ историческую судьбу и международное значеніе алфавита. Но въ 1862 году, когда совершенно случайно я перевелъ на татарскій языкъ и напечаталъ букварь, и въ слѣдующіе годы, когда переводились и издавались: Книга бытія, Премудрость Іисуса сына Сирахова и нѣкоторыя другія, я дѣйствовалъ безъ всякихъ мудрованій, по просту, по душѣ. Переводились и печатались книги на глазахъ крещено-татарской школы; свѣжіе, еще не просохшіе листы прямо изъ типографіи передавались ученикамъ и читались ими за отсутствіемъ книгъ. Тутъ не было мѣста умствованіямъ и разсужденіямъ, или преднамѣреннымъ и заднимъ мыслямъ. Надъ дѣтьми простыми и темными стала возникать едва замѣтная заря; впервые стали они слышать и даже сами читать, какъ бы—такъ сказать—осязать, животворныя христіанскія истины на языкѣ родномъ, простомъ и совершенно понятномъ, по своей простотѣ и естественности уму и сердцу ихъ близкомъ. Тутъ начался и происходилъ процессъ жизни, а не холодная разсудочная дѣятельность. Эти начальные годы возникшаго христіанскаго образованія крещеныхъ татаръ носятъ на себѣ отпечатокъ, можно сказать, религіозно-поэтическій. Меня Богъ привелъ стоять при колыбели духовной христіанской жизни крещено-татарскаго населенія. Я исклю-

[1]) Въ Бозѣ почившимъ Великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ.

чительно старался о языкѣ и изложеніи и вовсе не имѣлъ въ виду алфавита; между тѣмъ на повѣрку оказалось, что и алфавитъ не отступилъ отъ пути, указаннаго исторіей. У меня даже оказывается меньше приспособленій, чѣмъ въ другихъ, т. е. древнихъ алфавитахъ.

Обращаясь къ переводческимъ трудамъ отечественныхъ миссіонеровъ, мы почти вездѣ находимъ приспособленія русскихъ буквъ къ инородческимъ звукамъ. Въ краткомъ катихизисѣ, переведенномъ на мордовскій языкъ въ бывшей Казанской академіи въ 1803 году и напечатанномъ церковнымъ шрифтомъ, находятся ⁀іо = *ӧ*; ⁀а = *ӓ* (въ началѣ словъ). Подобныя приспособленія находятся въ другомъ катихизисѣ, напечатанномъ славянскимъ же шрифтомъ въ 1808 г. Въ черемисскомъ переводѣ Новаго Завѣта, изданномъ въ 1821 г. Россійскимъ Библейскимъ Обществомъ, видимъ тоже, только немного иначе, именно: ⁀іо = ӧ, ⁀ю = ӱ, ⁀я = ӓ, ⁀ю = ӱ. Въ якутскомъ переводѣ Евангелія, изданномъ въ 1858 году, находятся слѣдующія особенности: дк = *дж* (= итальянскому j); н = носовому *н*; ё = ӧ, краткій знакъ поставленъ надъ многими гласными, наприм. ӱ, ы̆, ю̆; есть *э* оборотное, въ церковной печати у насъ не употребляемое [1]). Въ алтайскихъ переводахъ, напечатанныхъ въ 1860 годахъ, видимъ ӧ, ӱ, к гортанное *к*, соотвѣтственное арабскому кафъ, н̄—носовому *н*, ⁀іо = *ой*.

Отсюда видно, что миссіонеры и переводчики христіанскихъ книгъ на разные инородческіе языки, не имѣвшіе между собой соглашенія, приходили однако къ одному результату—къ допущенію приспособленій въ русской азбукѣ къ инородческимъ звукамъ. Всѣ они, сколько мнѣ извѣстно, не лингвисты и не педанты, и по принципу увлекаться фонетическими соображеніями не могли. Стало быть, это естественно.

Примѣчаніе. Настоящая статья составляетъ извлеченіе изъ книги: Изъ переписки по вопросу о примѣненіи русскаго алфавита къ инородческимъ языкамъ. Казань. 1883.

---

[1]) Въ послѣдствіи Преосвященный Діонисій, Епископъ Якутскій и Вилюйскій, прислалъ мнѣ почти всѣ Якутскія книги, напечатанныя въ Москвѣ въ 1858 году. Въ этихъ книгахъ постоянно встрѣчаются всѣ эти приспособленія.

ОБЪ ОБРАЗОВАНІИ ИНОРОДЦЕВЪ.

Православная Русская Церковь всегда заботилась объ обращеніи къ вѣрѣ Христіанской инородцевъ. Эта миссія доселѣ продолжается, особенно въ Сибири, гдѣ тысячи полудикарей, ежегодно принимающихъ св. крещеніе, представляютъ фактическое доказательство успѣшной ревности русскихъ миссіонеровъ. Обращеніе имѣло, сколько извѣстно, большею частію характеръ обрядовый, внѣшній. Даже у тѣхъ инородцевъ, которые уже очень давно обратились къ Христіанству и покорно исполняютъ всѣ обрядовыя его дѣйствія, доселѣ продолжается двоевѣріе: прежняя вѣра продолжаетъ держаться въ мысли ихъ, составляя странную смѣсь съ Христіанскою внѣшностью.

Всѣ инородцы, населяющіе восточную часть европейской Россіи и всю Сибирь необъятную,—финны, татары, монголы и т. д. относятся къ одному этнографическому семейству, котораго древняя вѣра была шаманство, и доселѣ существующее въ захолустьяхъ Сибири. Шаманство признаетъ единаго верховнаго Бога, обитающаго на небѣ, и множество подчиненныхъ божествъ, попеченію которыхъ поручены разныя на землѣ мѣстности и урочища и даже различныя статьи хозяйства. Ихъ благодѣтельному дѣйствію противостоитъ враждебное черное существо, которое старается дѣлать зло человѣку. Человѣкъ поставленъ въ полную зависимость отъ этихъ невидимыхъ и могучихъ существъ, неотразимо дѣйствующихъ на него беззащитнаго. Ихъ можно умилостивлять только жертвами и заклинаніями, по указанію шамановъ, которые одни изъ всего народа таинственно, но непосредственно сносятся съ невидимыми существами и узнаютъ отъ нихъ ихъ желанія. Эти основныя идеи, плодъ самаго первичнаго мышленія, обусловливаютъ все міросозерцаніе инородцевъ-язычниковъ, но ни у одного племени онѣ не развиты въ подробную систему; простой бытъ, чуждый художествен-

наго образованія, не могъ создать разнообразія обрядовъ. Кромѣ того, внѣшнія дѣйствія, которыми проявляется отношеніе человѣка къ божествамъ, у всякаго народа и племени могутъ быть свои: на землѣ 72 языка и 72 вѣры. Христіанство, по взгляду шаманствующихъ инородцевъ есть русская, въ этомъ именно значеніи, вѣра, священникъ—тотъ же шаманъ, христіанскія священнодѣйствія и молитвы суть своеобразныя заклинанія и обряды—въ существѣ дѣла шаманскіе. Такимъ образомъ Христіанство, въ представленіи этихъ племенъ, мирится и сливается съ коренными понятіями инородцевъ. Они не отрицаютъ Христіанства, признаютъ его вѣрой истинной, но только русской, не своей. Вопросъ объ обращеніи поэтому ограничивается для нихъ перемѣной народности, и только въ смыслѣ обрядовомъ. Какъ долго коренныя народныя понятія могутъ уживаться съ внѣшностью другой религіи и какъ внѣшняя обрядность мало способна преобразовать понятія и убѣжденія, примѣромъ этому можетъ служить слѣдующее обстоятельство. Въ одинъ изъ сороковыхъ годовъ въ Казанской губерніи была засуха. Мордва,—это племя наиболѣе обрусѣлое,—пошли къ своему приходскому священнику просить, чтобъ онъ позволилъ имъ принести жертву по ихъ старому обычаю для испрошенія дождя. Священнику многихъ трудовъ стоило отклонить ихъ отъ этого языческаго дѣйствія, да и то подѣйствовалъ больше ultima ratio—страхъ земской полиціи.

Точно въ такомъ же отношеніи стоитъ шаманство къ исламизму, какъ къ вѣрѣ татарской. Въ эпоху Казанскаго царства, въ которомъ, безъ сомнѣнія, господствующею вѣрой была магометанская, между татарами было такое же двоевѣріе съ перевѣсомъ даже шаманства. Если этого нельзя доказать историческими документами, за скудостію послѣднихъ, то оно несомнѣнно подтверждается тѣмъ, что старокрещеные татары, каковыхъ много въ Мамадышскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, доселѣ хранятъ домагометанскую старину и ни малѣйшаго признака магометанства. И этой именно устойчивости коренной старины мы обязаны тѣмъ, что большинство старокрещеныхъ татаръ не враждебно Церкви, а напротивъ покорно исполняетъ необходимыя церковныя требы. Но теперь татары ведутъ дѣятельную мусульманскую пропаганду посредствомъ простыхъ житейскихъ сношеній и обширнѣйшаго распространенія въ народѣ мусульманской грамотности. По ближайшему сосѣдству, некрещеные татары могутъ дѣйствовать на крещеныхъ татаръ и уже мѣстами начинаютъ ихъ переработывать на свой ладъ. Даже грамотность магометанская начинаетъ понемногу проникать къ старо-

р. 324.154

крещенымъ. Магометане татары дѣйствуютъ не на однихъ только крещеныхъ татаръ, какъ людей по племени имъ совершенно родственныхъ, но и на финскія племена. Такъ въ тридцатыхъ или сороковыхъ годахъ цѣлыя семейства крещеныхъ чувашъ отпали въ магометанство. А отдѣльныя обращенія язычествующихъ финновъ къ магометанству должны быть нерѣдки. Приведу въ переводѣ слѣдующій любопытный и характеристичный документъ. „184. года мѣсяца—дня, О. губерніи, Б. уѣзда, деревни Т., двадцатилѣтняя вотячка М. Ш. сдѣлала надлежащее, по шаріату, заявленіе такого рода. Я, сначала некрещеная простая вотячка, послѣ 12-лѣтняго возраста искренно возлюбила вѣру ислама, и не по принужденію или насилію, ни по денежному подкупу, ни по страху, ни по чьему-либо внушенію, а по своей доброй волѣ и усердію, съ чистымъ намѣреніемъ сдѣлалась мусульманкой, приняла вѣру ислама и существующія въ ней обязанности, произнесла устами слово исповѣданія (т.-е. нѣтъ бога кромѣ Бога, и Магометъ посланникъ Божій), съ сердечною вѣрой въ смыслъ сего исповѣданія, и отъ всѣхъ противныхъ исламу вѣръ отреклась, чтобъ, уповая на милость и благость Божію, избавиться въ день воскресенія отъ ада и муки, но воскреснувъ въ числѣ мусульманъ и сподобившись ходатайства владыки пророковъ Магомета-Мустафы, войдти въ рай сладости. Теперь, въ присутствіи вѣрныхъ свидѣтелей, возобновляя свою вѣру, произношу устами слово исповѣданія, въ смыслъ котораго сердечно вѣрую, и дѣлаюсь настоящею мусульманкой. Во свидѣтельство чего, для предъявленія въ случаѣ надобности въ надлежащихъ мѣстахъ и въ доказательство предъ начальствомъ, собственноручно прилагаю къ сему тамгу“. Далѣе рукоприкладства свидѣтелей. — Этотъ документъ, написанный по-татарски очень краснорѣчиво, очевидно приноровленъ къ извѣстной статьѣ Уложенія о наказаніяхъ, по которой подвергается наказанію „магометанинъ, еврей или язычникъ, который, пользуясь простотой или невѣжествомъ кого-либо изъ инородцевъ русскихъ подданныхъ, приведетъ его изъ одной нехристіанской вѣры въ другую нехристіанскую, чрезъ обольщенія, подговоры и внушенія“ и т. д. Впрочемъ это обращеніе совершилось безъ особенной пропаганды, вслѣдствіе знакомства съ молодымъ татариномъ, за котораго дѣвушка потомъ вышла замужъ,—для записи ихъ брака въ метрики и понадобился вышеприведенный документъ. Этимъ подтверждаются мои прежнія слова, что татарская пропаганда идетъ посредствомъ простыхъ житейскихъ сношеній.

Считаю излишнимъ доказывать, какъ исламизмъ, исключительный

я нетерпимый, упорно и враждебно поставленъ противъ Христіанства: изъ него уже обратить человѣка несравненно труднѣе, чѣмъ крестить простодушнаго шаманствующаго инородца. Быть можетъ, такъ же устойчивъ и упоренъ буддизмъ, который можетъ съ юго-востока проникать къ племени монгольскому. Духовенство должно стараться предупредить эти враждебныя вліянія.

Что полицейская строгость не властна проникать во внутреннее святилище мысли и совѣсти, объ этомъ и говорить нечего: опытъ, кажется, достаточно доказалъ это.

Съ тѣхъ поръ, какъ открыты народныя школы въ нѣкоторыхъ селахъ, дѣти инородцевъ поступали въ нихъ и обучались грамотѣ по русскимъ книгамъ. Сначала сельскія школы плохо зарекомендовали себя въ глазахъ народа. Первый выпускъ былъ опредѣленъ начальствомъ на писарскія въ сельскихъ и волостныхъ управахъ должности; полуграмотные мальчишки пустились брать взятки и пить вино, и дерзко обращались съ стариками и даже своими родителями. Простодушные крестьяне приписали это зло школьному воспитанію, и деньгами и хитростями старались избавить своихъ дѣтей отъ поступленія въ школу; а кто поступалъ въ школу, того считали погибшимъ, потеряннымъ. Писаря изъ инородческихъ мальчиковъ, вышедшихъ изъ сельскихъ школъ, своею заносчивостію и глупыми поступками превзошли своихъ русскихъ товарищей по грамотѣ. Это впрочемъ было явленіе временное. Впослѣдствіи многіе примѣры доказали, что и такое необширное сельское образованіе имѣетъ сильное вліяніе на образъ мыслей. Такъ напр. для обученія русскому языку и русской грамотѣ поступали дѣти некрещеныхъ татаръ, и нѣкоторые пожелали креститься. Поэтому магометане перестали отдавать своихъ дѣтей въ русскія школы, думая, что ихъ тамъ обратятъ въ русскую вѣру.

Я знакомъ съ однимъ старокрещенымъ татариномъ, учившимся въ школѣ своего приходскаго села. Образованіе такъ поставило всѣ его убѣжденія, что онъ сталъ смотрѣть на своихъ родителей и другихъ жителей той же деревни какъ на упорныхъ язычниковъ, и ихъ старинные обряды называлъ Діемъ и Аполлиномъ—выраженіе, которое онъ заимствовалъ изъ Четь-миней. Юноша ушолъ въ Казань и поселился въ монастырѣ, думая поступить въ монахи. Здѣсь онъ жилъ болѣе года, былъ исправнымъ послушникомъ, читалъ и пѣлъ на клиросѣ. Сельское общество не уволило его, и онъ долженъ былъ вернуться въ свою семью. Теперь онъ женатъ, отлично работаетъ, какъ искусный и

честный малый; но усердіе къ церкви доселѣ въ немъ не охладѣло. Каждый воскресный и праздничный день онъ неотмѣнно является за пять верстъ въ церковь и становится на клиросъ. Его зовутъ Василій Тимоѳеевъ. Онъ сталъ учить грамотѣ своего младшаго брата. Старуха-мать запретила ему это, опасаясь, что младшій сынъ, узнавъ грамоту, убѣжитъ изъ дома, какъ Василій.

Отсюда слѣдуетъ, что грамотность и образованіе въ народныхъ школахъ могутъ имѣть добрыя послѣдствія лично для учившихся. Но съ другой стороны, учась наравнѣ съ русскими крестьянскими мальчиками исключительно по русскимъ книгамъ, инородецъ хотя и получаетъ общее православное направленіе, но многаго не понимаетъ или понимаетъ неправильно, и главное—не можетъ пріобрѣтенныхъ имъ свѣдѣній облечь въ живую форму своего языка и убѣдительно предложить ихъ въ своей семьѣ. Такое образованіе, безъ всякаго перехода, рѣзко отрываетъ получившихъ его отъ понятій инородческой массы и ставитъ ихъ къ ней враждебно. Грамотные въ большинствѣ народа почти безъ слѣда должны исчезать, какъ единицы въ тысячахъ.

Образованіе инородческимъ дѣтямъ должно преподавать въ такомъ видѣ, чтобъ и имъ легче оно усвоивалось, и удобнѣе могло переходить въ массу неграмотнаго народа. А для этого самое лучшее средство—образовательныя книги, полезныя и назидательныя для простаго народа, изложить на собственномъ языкѣ инородцевъ. Кромѣ того, что ученики безъ особеннаго труда поймутъ и усвоятъ ихъ содержаніе, ихъ родственники, прислушиваясь къ читаемымъ книгамъ, сами увидятъ, что въ этихъ книгахъ нѣтъ ничего дурнаго, вооружающаго противъ родителей и своего крестьянскаго состоянія. И чтобъ эти книги какъ можно яснѣе и легче понимались инородцами, нужно изложить ихъ на чистомъ разговорномъ языкѣ, не только въ отдѣльныхъ словахъ и грамматическомъ сочиненіи и расположеніи словъ, но и въ логической постановкѣ мыслей, по возможности приближенной къ простонародному складу.

Какъ бы ни были просты и неразвиты понятія и вѣрованія инородцевъ, но они составляютъ всю сущность ихъ мышленія и основу ихъ нравственности; они не сознательны, но глубоки и любимы, какъ наслѣдіе отдаленнѣйшей старины. Простой человѣкъ мыслитъ и чувствуетъ цѣльно, въ одномъ органически послѣдовательномъ направленіи, и дорожитъ своими какія-ни-на-есть религіозными убѣжденіями, потому что онъ живетъ ими. Станемъ ли смотрѣть на инородцевъ свысока и

попирать ихъ понятія какъ глупость? Чтобы преподаваемыя истины глубоко укоренились въ сознаніи простолюдина, надобно войдти въ его міросозерцаніе, принять его понятія за данное и развивать ихъ. Архаически простыя и немногосложныя понятія шаманствующихъ инородцевъ могутъ быть ассимилированы Христіанствомъ, наполниться и освятиться его божественнымъ содержаніемъ.

Мышленіе народа и все міросозерцаніе выражается въ его родномъ языкѣ. Кто владѣетъ языкомъ инородцевъ, тотъ понимаетъ, хотя бы только инстинктивно, мірозерцаніе ихъ. Кто говоритъ съ инородцами на ихъ родномъ языкѣ, того они легко понимаютъ и могутъ убѣждаться его доказательствами, потому что вмѣстѣ съ словами онъ употребляетъ ихъ же элементы мысли.

Такимъ образомъ и съ гуманной точки зрѣнія учебныя и вообще образовательныя книги для инородцевъ должны быть изложены и преподаны на ихъ родномъ языкѣ въ подлинномъ, чистомъ его видѣ.

Примѣчаніе. Статья эта впервые была напечатана въ Православномъ обозрѣніи 1863 г., затѣмъ перепечатана въ сборникѣ: Казанская крещено-татарская школа. Казань. 1887 г.

ПРАВОСЛАВНОЕ БОГОСЛУЖЕНІЕ НА ТАТАРСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Самое дѣйствительное средство къ возбужденію и воспитанію въ инородцахъ христіанскаго религіознаго чувства есть пѣніе церковныхъ молитвъ на родномъ языкѣ. Это положеніе выработано опытомъ Казанской школы и оправдалось надъ другими инородческими племенами здѣшняго края. Впрочемъ извѣстно, что когда, по архипастырской заботливости Преосвященнаго Иннокентія, въ 50 годахъ было переложено православное богослуженіе на якутскій языкъ и въ первый разъ совершено въ Якутскѣ, то оно привело якутовъ въ совершенный восторгъ. Это и естественно: православное богослуженіе отличается богатствомъ, разнообразіемъ и глубокою трогательностію содержанія; а инородческія племена, и притомъ чѣмъ проще, тѣмъ въ большей степени, имѣютъ искреннее и живое религіозное чувство; и потому, если только въ доступномъ для нихъ изложеніи на ихъ родномъ языкѣ предлагается имъ христіанское богослуженіе, оно должно возбуждать ихъ религіозное чувство и приводить ихъ въ умиленіе [1]).

Съ самаго начала, еще предъ открытіемъ Казанской школы, на татарскій языкъ переведены были утреннія, вечернія и другія обычнѣйшія молитвы, которыя обыкновенно помѣщаются въ букваряхъ синодальнаго изданія. Потомъ, въ виду духовныхъ потребностей крещено-

[1]) Въ Алтайской миссіи бывали опыты богослуженія на туземномъ языкѣ, а съ 1866 г. по станамъ миссіи литургія совершается на языкѣ тамошнихъ инородцевъ, по благословенію Свят. Синода, по переводу, сдѣланному Алтайскими миссіонерами и напечатанному въ синодальной типографіи. Практика Алтайской миссіи вполнѣ подтверждаетъ положеніе Н. И. Ильминскаго. Въ настоящее время Алтайскою миссіею приготовленъ переводъ всенощнаго бдѣнія, напечатаны послѣдованіе часовъ, чинъ крещенія и переводится Требникъ. *Примѣч. Архим. Владиміра (Начальника Алтайской Миссіи).*

татарскихъ учениковъ на случай говѣнія, переведенъ былъ покаянный канонъ св. Андрея Критскаго и нѣкоторыя великопостныя стихиры. Ученики пѣли эти молитвы, ирмосы и стихиры. Пѣніе замѣтно одушевляло и настраивало ихъ. Успѣхи и благотворное вліяніе пѣнія въ школѣ поощряли къ дальнѣйшимъ переводамъ. Въ 1866 году, по приказанію Графа Д. А. Толстаго, переведена вся сполна литургія Іоанна Златоустаго; потомъ переведены нѣкоторыя свящ. пѣсни и стихиры для всенощнаго богослуженія и т. д. Все это пѣлось въ школѣ по частямъ, домашнимъ образомъ, въ видѣ учебнаго упражненія.

Когда воспитанники Казанской школы возвращались домой въ крещено-татарскія селенія, и когда впослѣдствіи были открыты мѣстныя школы-отрасли, тогда пѣніе церковныхъ молитвъ на татарскомъ языкѣ огласило домы и улицы крещено-татарскихъ мѣстностей. Это весьма понравилось пожилымъ крещенымъ татарамъ, особенно женщинъ приводило въ умиленіе, а иныхъ трогало до слезъ. Съ благословенія Казанскаго Архіепископа, Преосвященнаго Антонія, татарское пѣніе стало отчасти входить въ церковное богослуженіе въ нѣкоторыхъ селахъ. Прежде, къ церковному богослуженію на непонятномъ для нихъ церковно-славянскомъ языкѣ татары являлись неохотно и рѣдко; но они оживились, когда въ церкви началось пѣніе на ихъ родномъ языкѣ, хотя на первый разъ только нѣкоторыхъ, немногихъ молитвъ,—и стали охотнѣе посѣщать церковь. Особенно замѣчательно было впечатлѣніе татарскаго пѣнія при освященіи церкви, вновь построенной въ деревнѣ Елышевой, Мамадышскаго уѣзда, жители которой, старо-крещеные татары, вообще не отличались усердіемъ къ православію.

Наконецъ въ Казанской школѣ, въ нынѣшнемъ году, осуществилось полное церковное богослуженіе на татарскомъ языкѣ,—благодаря участію Алтайскаго миссіонера, іеромонаха Макарія [1]). Находясь въ Казани съ Іюля прошлаго 1868 года, по дѣламъ Алтайской миссіи, этотъ опытный и въ высшей степени симпатичный и дѣятельный миссіонеръ посвящалъ всѣ свои досуги Казанской школѣ; онъ систематически упражнялъ ея воспитанниковъ въ хоровомъ церковномъ пѣніи, и составилъ хоръ изъ мальчиковъ и дѣвицъ. На первой недѣлѣ прошлой Четыредесятницы всѣ наличные воспитанники школы,—числомъ до ста лицъ обоего пола,—говѣли. Такъ какъ многіе изъ нихъ почти вовсе не понимаютъ по-русски, то просили о. Макарія, чтобы онъ ис-

[1]) Нынѣ епископа Томскаго и Семипалатинскаго

повѣдывалъ ихъ по-татарски; это было о. Макарію удобно, потому что здѣшнее татарское нарѣчіе очень близко къ Алтайскому языку, въ совершенствѣ изученному о. Макаріемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пришла мысль, чтобы онъ отслужилъ всенощную и литургію, для причащенія воспитанниковъ школы, на татарскомъ же языкѣ. Онъ и отслужилъ въ субботу вечеромъ всенощную въ школѣ, а литургію въ недѣлю Православія въ кладбищенской церкви, что близъ школы. Эта служба, задуманная ex-promtu, была однакожъ исполнена удовлетворительно и произвела сильное впечатлѣніе на воспитанниковъ. Въ прежніе годы они пріобщались за литургіей на церковно-славянскомъ языкѣ; простоять часа два въ церкви, когда служба совершается на языкѣ непонятномъ,— это утомитъ самое усердное благочестіе, и утомленные, съ охладѣвшимъ духомъ, они должны были приступать къ высочайшему изъ таинствъ. А теперь религіозное настроеніе въ нихъ было поддержано съ начала до конца. За причастнымъ учитель Василій Тимоѳеевъ произнесъ на татарскомъ языкѣ назидательное слово. Когда священникъ вышелъ изъ олтаря съ св. Дарами, учитель велѣлъ ученикамъ приблизиться и съ чувствомъ, выразительно сталъ читать молитву: „Вѣрую Господи и исповѣдую“. Сознательно и убѣжденно, всѣ въ одинъ голосъ, повторяли ученики за своимъ учителемъ, на своемъ родномъ языкѣ, эту молитву, заключающую въ себѣ трогательное исповѣданіе. И потомъ стали они подходить къ причащенію св. Таинъ степенно и благоговѣйно,—не видно было ни заученной выправки, ни суетливой толкотни.

Итакъ мысль ограничивалась одной службой для причащенія воспитанниковъ школы; но первый, такъ удавшійся, опытъ пробудилъ въ самихъ воспитанникахъ желаніе чаще слушать церковное богослуженіе на родномъ языкѣ. И потому, пропустивши только вторую недѣлю великаго поста, о. Макарій служилъ потомъ въ каждый воскресный и праздничный день Четыредесятницы всенощную въ школѣ (кромѣ крестопоклонной недѣли, когда и всенощная была отслужена въ церкви), а литургію въ кладбищенской церкви, такъ рано, чтобы окончить до начала поздней обѣдни. Между тѣмъ довольно оживленно пошла переводческая работа: переведены на татарскій языкъ—шестопсалміе, часы первый, третій и шестый, какъ необходимыя части церковнаго богослуженія. Къ Благовѣщенію, недѣлѣ Ваій и другимъ праздникамъ заблаговременно приготовлялись положенныя стихиры, ирмосы и т. п.; переведены были надлежащія чтенія изъ апостоловъ, а евангелія переведены всѣ еще прежде. Такимъ образомъ постоянное совершеніе богослуженія

на татарскомъ языкѣ вело къ постепенному пополненію переводовъ. Для пасхальнаго богослуженія были во время переведены: канонъ вечера великой субботы и пасхальный канонъ и всѣ стихиры, которыя поются въ первый день св. Пасхи, и напечатаны особой книжкой. Утреня и ранняя литургія въ первый день Пасхи совершены были по-татарски въ Богоявленской церкви почти въ центрѣ города Казани, благодаря сочувствію мѣстныхъ священника и церковнаго старосты. Здѣсь ясно обнаружилось благодушно-сочувственное отношеніе православныхъ русскихъ прихожанъ къ богослуженію на татарскомъ языкѣ, и торжественно ознаменовалось братство о Христѣ русскихъ съ инородцами, такъ какъ тѣ и другіе, каждый на своемъ родномъ языкѣ, пѣснословили вокресшаго Христа Спасителя въ одномъ храмѣ и въ одно время.

Мысль о постоянномъ богослуженіи на татарскомъ языкѣ для школы дѣтей крещеныхъ татаръ къ Пасхѣ уже положительно установилась и созрѣла, и Преосвященный Архіепископъ Антоній предположилъ упрочить навсегда въ Казанской школѣ татарское богослуженіе рукоположеніемъ особаго священника.

На Пасху о. Макарій долженъ былъ отправиться въ Москву, чтобы принять участіе въ обсужденіи новаго проекта устава Миссіонерскаго Общества. Въ Москвѣ онъ познакомился съ Комиссаровскимъ ремесленнымъ училищемъ, въ которомъ обратилъ онъ особенное вниманіе на обученіе пѣнію по методѣ Шеве, т. е. по цифрамъ вмѣсто нотъ. Изучивши основательно самъ эту методу, о. Макарій, по возвращеніи изъ Москвы въ Казань, сталъ, такъ сказать, водворять ее въ Казанской школѣ. Онъ окончательно поселился въ школѣ и постоянно занимался то переложеніемъ нашихъ переводныхъ текстовъ на цифры, то обученіемъ школьнаго хора пѣнію по цифрамъ. Его цѣль была та, чтобы довести этотъ хоръ до возможности, безъ всякой посторонней помощи, отправлять воскресное и праздничное богослуженіе—всенощную и литургію, и дѣйствительно онъ почти достигъ этой цѣли. Въ числѣ пѣвчихъ оказался замѣчательный талантъ къ пѣнію у двѣнадцатилѣтняго мальчика Ефрема Макарова, отличающагося хорошими способностями и къ книжному ученію. Этотъ мальчикъ не только имѣетъ вѣрный голосъ—альтъ, которымъ отчетливо владѣетъ, но онъ въ короткое время такъ хорошо усвоилъ цифирное обозначеніе тоновъ, что иные мотивы со слуха можетъ довольно удачно перелагать на цифирныя ноты. Онъ и сталъ регентомъ школьнаго хора, подъ руководствомъ о. Макарія.

Выборъ Преосвященнаго для рукоположенія во священники для школы еще передъ Пасхой (какъ я сказалъ выше) остановился на учителѣ школы Василіи Тимоѳеевѣ. Владыка скоро предложилъ мысль свою на обсужденіе Совѣта Братства св. Гурія, въ томъ собственно отношеніи,—не нарушитъ ли священническій санъ близкія отношенія его къ крещенымъ татарамъ. Послѣ обстоятельнаго и серьезнаго обсужденія этого вопроса, Совѣтъ склонился въ пользу рукоположенія Василія Тимоѳеевича. Что касается до канонической, такъ сказать, стороны дѣла, то еще въ 1866 году Г. Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, обозрѣвая, по званію Министра народнаго просвѣщенія Казанскій учебный округъ и посѣтивъ все Приволжье, гдѣ такъ много разноплеменныхъ инородцевъ, въ числѣ мѣръ къ православно-христіанскому просвѣщенію татаръ, предположилъ полезнымъ—въ селенія крещеныхъ татаръ назначать священниковъ по возможности изъ татаръ же, обучавшихся въ школахъ, облегчивъ имъ экзамены и не обязывая ихъ проходить семинарскіе курсы. Мысль эта получила Высочайшее одобреніе; послѣ того Г. Оберъ-Прокуроръ поручилъ мнѣ составить подробныя соображенія о главныхъ основаніяхъ и условіяхъ для удостоенія крещеныхъ татаръ священно-служительскихъ должностей. Мои посильныя соображенія были разсмотрѣны Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ Казанскимъ Антоніемъ, который вообще благоволилъ ихъ одобрить, присовокупивъ и нѣкоторыя свои соображенія. Наконецъ въ Маѣ 1867 года Г. Оберъ-Прокуроръ предложилъ этотъ вопросъ на обсужденіе Св. Синода. Св. Синодъ, вполнѣ раздѣляя мнѣніе о пользѣ назначенія въ селенія крещеныхъ татаръ священно-служителей по возможности изъ ихъ же одноплеменниковъ, получившихъ образованіе въ школахъ для нихъ учрежденныхъ, постановилъ, для полученія сими инородцами священническаго сана, слѣдующія условія: 1) зрѣлый, не менѣе какъ 30-ти лѣтній возрастъ, 2) заповѣданныя Апостоломъ (1 Тим. III, 2 и 3) и требуемыя канонами Церкви нравственныя качества, 3) знаніе важнѣйшихъ (въ исторіи домостроительства нашего спасенія) событій Ветхаго и Новаго Завѣта, особенно же земной жизни Господа нашего Іисуса Христа, также знаніе основныхъ догматовъ Вѣры Православной (насколько они излагаются въ катихизическихъ поученіяхъ для простаго народа), равно церковнаго богослуженія, практическое знаніе русскаго языка и достаточную начитанность въ Словѣ Божіемъ, а особенно въ Евангеліи. И присовокупивъ, согласно съ мнѣніемъ Высокопреосвященнаго Антонія, что желающіе принять священно-служительскій санъ инородцы не должны

быть обязываемы къ прохожденію семинарскаго курса, но лучшіе и способнѣйшіе изъ нихъ могутъ, по ихъ желанію, быть допускаемы къ слушанію собственно богословскихъ наукъ въ семинаріяхъ,—Св. Синодъ, указомъ отъ 19 Іюля 1867 года, поручилъ Преосвященному Казанскому (а также Преосвященнымъ Симбирскому, Астраханскому и Самарскому), въ видахъ утвержденія крещеныхъ татаръ въ Православной Вѣрѣ и вообще возвышенія ихъ религіознаго состоянія—въ приходы, гдѣ находится значительная часть ихъ, назначать, по мѣрѣ возможности, священно-служителей изъ ихъ одноплеменниковъ, на указанныхъ выше основаніяхъ. Василій Тимоѳеевъ совмѣщалъ всѣ постановленныя Св. Синодомъ условія, какъ по своему возрасту (ему 33 года), такъ и по нравственнымъ и умственнымъ своимъ качествамъ, особенно же по искреннему усердію къ Православной Вѣрѣ и той ревности къ христіанско-православному просвѣщенію крещеныхъ татаръ, которую онъ доказалъ пятилѣтнею своею дѣятельностію. Онъ также вполнѣ сознавалъ необходимость совершенія, для крещеныхъ татаръ, церковнаго богослуженія на ихъ родномъ языкѣ, а для лучшаго осуществленія этого, необходимость посвященія особаго священника изъ татаръ же и во первыхъ для Казанской школы, которая стоитъ какъ средоточное учрежденіе, откуда христіанское просвѣщеніе исходитъ и все болѣе распространяется на крещено-татарское населеніе Казанской епархіи; видѣлъ онъ, что, кромѣ его, пока еще нѣтъ никого изъ крещеныхъ татаръ, кто бы, по лѣтамъ и по зрѣлости образованія религіознаго, былъ способенъ къ принятію священническаго сана. Но онъ вполнѣ сознавалъ всю высокость этого священнаго сана и не могъ рѣшиться въ скоромъ времени къ принятію онаго.

Между тѣмъ во все продолженіе лѣта богослуженіе на татарскомъ языкѣ совершалось неопустительно о. Макаріемъ, который по прежнему продолжалъ дальнѣйшее переложеніе богослужебныхъ переводовъ на цифирныя поты и упражненіе школьнаго хора въ пѣніи и въ уставномъ порядкѣ церковнаго богослуженія. Но дни шли за днями, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше и рѣзче представлялась мысль, что о. Макарій, рано или поздно, долженъ будетъ уѣхать на свой любимый Алтай, и въ Казанской школѣ вдругъ замолкнетъ татарское богослуженіе. Нужно было ускорить рукоположеніе Василія Тимоѳеева, чтобы о. Макарій самъ руководилъ новопоставленнаго въ школѣ священника. И вотъ, около 20 числа Августа эти соображенія высказаны были въ домашнемъ кружкѣ, въ школѣ, въ присутствіи Василія Тимоѳеева. Пока эти

соображенія высказывались и съ разныхъ сторонъ развивались, онъ все сидѣлъ молча, въ глубокомъ раздумьи; ясно было, что внутри его совершается борьба,—борьба между сознаніемъ собственной немощи и недостоинства съ одной стороны и сознаніемъ необходимости поддержать въ школѣ богослуженіе на языкѣ татарскомъ съ другой. Но на мысль ему пришли слова Спасителя: „безъ Мене не можете творити ничесоже“; съ вѣрою въ благодатную помощь Христа Спасителя, онъ къ Нему обратился съ молитвою—положилъ предъ св. иконами три земныхъ поклона и произнесъ свое рѣшеніе, какъ преданность волѣ Божіей. Въ нѣсколькихъ словахъ онъ высказалъ свое внутреннее состояніе. Мнѣ случилось быть очевидцемъ при этомъ. Сцена была трогательная по своей простотѣ: тутъ все было просто, не многословно, но существенно, многосодержательно и глубоко-искренне; ничего заученнаго или преднамѣреннаго, ни малѣйшей аффектаціи, ни малѣйшаго движенія или слова, отзывающагося ханженствомъ или желаніемъ порисоваться. Но, разумѣется, въ простомъ человѣкѣ и не можетъ быть ничего заученнаго, изъ книгъ вычитаннаго, или искусственнаго; простой человѣкъ износитъ именно отъ сокровища сердца. Скорѣе опасность искуственности можетъ угрожать людямъ ученымъ и образованнымъ, и научныя средства, которыми они располагаютъ, могутъ устранять и подавлять силу природную, самородную. Въ образованномъ человѣкѣ только сильная натура способна проторгаться изъ-подъ наноснаго слоя образованія,—весьма часто образованіе надѣляетъ искусственными и формальными пріемами дѣятельности. Простому же человѣку, если у него нѣтъ самородной внутренней силы, взяться нечѣмъ, и потому если простой человѣкъ дѣлаетъ или высказываетъ что-нибудь серьезное, дѣльное, это прямой знакъ его самородной истинной силы. Дѣйствительнымъ, въ сокровищѣ сердца имѣющимся искреннимъ чувствомъ внушенныя слова способны убѣждать и преклонять къ послушанію; а искусственныя, по научнымъ пріемамъ сооруженныя, рѣчи не трогаютъ слушателей, при всемъ видимомъ ихъ краснорѣчіи. Съ этой точки зрѣнія, назначеніе въ крещено-татарскіе приходы священниками одноплеменныхъ имъ инородцевъ, не искушенныхъ систематически-школьнымъ образованіемъ,—въ видахъ утвержденія крещеныхъ татаръ въ Православной Вѣрѣ,—имѣетъ глубокое, психологическое основаніе.

Итакъ съ молитвой и вѣрой рѣшившись принять санъ священническій, Василій Тимоѳеевъ потомъ отслужилъ молебны предъ чудотворной Казанской иконой Божіей Матери и Святителю Гурію, первому

насадителю въ магометанской Казани Христовой вѣры, а вечеромъ того же дня явился ко Владыкѣ на его архипастырское распоряженіе; Владыка принялъ его съ истинно-отеческою любовью.

Такимъ образомъ окончательно рѣшенъ былъ вопросъ о рукоположеніи особаго священника для Казанской школы. Василій Тимоѳеевъ былъ рукоположенъ 31 Августа въ діакона, а 7 Сентября во священника. При посвященіи Василія Тимоѳеева присутствовали ученики и ученицы, остававшіеся на все лѣто въ Казани, и мать его, нарочно пріѣзжавшая къ этому случаю. Первые были очень рады, а мать, старушка лѣтъ 70, въ продолженіи всей литургіи 7 Сентября почти постоянно плакала—отъ радости, какъ она послѣ объясняла. По окончаніи литургіи она и семья, а равно и ученики Тимоѳеева являлись ко Владыкѣ, и онъ милостиво преподалъ имъ благословеніе.

Новопоставленный о. Василій, и во дьяконствѣ недѣлю, и потомъ другую недѣлю по рукоположеніи во священника, ежедневно служилъ всенощную и литургію. О. Макарій съ величайшею попечительностію постоянно руководилъ его, пріучая къ церковному служенію; и въ то же время онъ постоянно занимался съ хоромъ. Въ эти двѣ недѣли въ школѣ шла оживленная работа: то спѣвки, то письмо вновь переводимыхъ богослужебныхъ текстовъ. И душой всего этого движенія въ школѣ продолжалъ быть о. Макарій.

Такимъ образомъ крещено-татарское дѣло сдѣлало новый и весьма важный шагъ впередъ. Надобно сказать, что Провидѣніе какъ устроило открытіе школы повидимому случайно, такъ и въ дальнѣйшемъ ходѣ ея отъ времени до времени сводило случайныя обстоятельства и событія, которыя сразу придавали ей роста и развитія. На этотъ разъ, повидимому случайное пребываніе въ Казани Алтайскаго миссіонера іеромонаха Макарія было такимъ условіемъ, благодаря которому исключительно осуществилось и упрочилось въ Казанской школѣ богослуженіе на татарскомъ языкѣ. Совѣтъ Братства св. Гурія, въ уваженіе его трудовъ на пользу школы, избралъ его навсегда членомъ Братства, а Казанская школа должна навсегда сохранить о немъ благодарную память.

Примѣчаніе. Статья эта впервые напечатана въ Православномъ Обозрѣніи 1869; перепечатана въ цитованномъ выше сборникѣ.

О ЦЕРКОВНОМЪ БОГОСЛУЖЕНІИ НА ИНОРОДЧЕСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ.

Еще въ 1846 году Императоръ Николай I-й повелѣлъ перевести церковное богослуженіе на татарскій языкъ, когда по дѣлу объ отпаденіи крещеныхъ татаръ чистопольскаго и спасскаго уѣздовъ Казанской губерніи дознано было, что крещеные татары потому и отпадаютъ изъ православія въ магометанство, что не понимаютъ православно-русскаго богослуженія. Эта теоретически вѣрная мысль, что употребленіе роднаго языка въ образованіи крещеныхъ инородцевъ и въ церковномъ для нихъ богослуженіи можетъ служить дѣйствительнымъ средствомъ къ утвержденію ихъ въ православіи, мысль, облеченная силою Высочайшаго повелѣнія, стала осуществляться, для Казанскаго края, въ 1860 годахъ, когда, можно бы сказать случайно, найденъ былъ вѣрный способъ переложенія христіанскихъ вѣроучительныхъ, священныхъ и богослужебныхъ книгъ на инородческіе языки, и когда эти переводы сдѣлались не кабинетной работой, а стали совершаться въ виду живыхъ представителей инородческаго племени и сейчасъ же поступали въ дѣйствительное употребленіе въ инородческихъ школахъ, т. е. читались и пѣлись учащимися инородцами, и по степени ихъ вліянія или возбужденнаго ими вниманія и участія въ инородцахъ, эти переводы получали фактическую оцѣнку, въ случаѣ надобности исправлялись, и въ концѣ концовъ получали, такъ сказать, народное утвержденіе. Такъ какъ самая мысль объ инородческихъ переводахъ богослужебныхъ и вѣроучительныхъ книгъ возникла по поводу отпаденія крещеныхъ татаръ, а эти отпаденія не переставали и доселѣ продолжаютъ періодически возобновляться, то естественно прежде всего стали появляться переводы богослужебныхъ и вѣроучительныхъ книгъ на татарскій языкъ. Въ 1860 годахъ открыта

была Казанская крещено-татарская школа, а за нею и другія школы по ея образцу въ разныхъ крещено-татарскихъ селеніяхъ. Въ Казанской крещено-татарской школѣ и сосредоточилось, такъ сказать, производство, а вмѣстѣ провѣрка переводовъ богослужебныхъ и вѣроучительныхъ книгъ на татарскій языкъ. Дѣло это возбуждалось и направлялось самою жизнію. Нужно было преподавать татарскимъ дѣтямъ основныя и главнѣйшія событія и догматы христіанской вѣры,—это заставило перевести краткую священную исторію и катихизисъ. Нужно было дать назидательное духовное чтеніе,—переведены книги: Бытія и Премудрости Сираха, Евангеліе отъ Матѳея. Учащіяся дѣти должны были молиться,—переведены были главнѣйшія молитвы и нѣкоторыя, особенно умилительныя пѣснопѣнія изъ церковныхъ службъ. Въ виду наступавшаго великаго поста переведенъ былъ покаянный канонъ Андрея Критскаго и нѣкоторыя молитвы изъ послѣдованія ко святому причащенію, которыя и дѣйствительно были читаемы и пѣты во время говѣнія учащихся. Но особенно сильно и рѣшительно подвинулось и упрочилось дѣло переводовъ, когда въ Казанской крещено-татарской школѣ, съ благословенія покойнаго архіепископа Антонія, въ 1869 году началось настоящее церковное богослуженіе на татарскомъ языкѣ, сначала въ недѣлю православія для причащенія питомцевъ школы и въ нѣкоторые праздничные и воскресные дни великаго поста, и особенно въ пасху того года,—чрезъ алтайскаго миссіонера іеромонаха, нынѣ игумена, Макарія, потомъ чрезъ рукоположеннаго 7-го сентября того же 1869 года священника изъ крещеныхъ татаръ Василія Тимоѳеева, наконецъ въ домовой при школѣ церкви, устроенной П. В. Щетинкинымъ и освященной блаженной памяти архіепископомъ Антоніемъ 12 декабря 1871 года. Открывшееся въ 1867 году братство св. Гурія содѣйствовало своими средствами инородческимъ переводамъ христіанскихъ, въ томъ числѣ богослужебныхъ книгъ. Особенно предсѣдатель Совѣта Братства П. Д. Шестаковъ своими распоряженіями и научными изслѣдованіями старался упрочить и разъяснить религіозно-воспитательное значеніе и употребленіе инородческихъ языковъ.

Но еще гораздо раньше мысль о необходимости вѣроучительныхъ и богослужебныхъ переводовъ для христіанскаго просвѣщенія и утвержденія крещеныхъ инородцевъ разработывалась и осуществлялась незабвеннымъ просвѣтителемъ дальняго Востока преосвященнымъ Иннокентіемъ, который считалъ переводы краеугольнымъ камнемъ и необходимымъ пособіемъ миссіонерской дѣятельности. Когда онъ Высочай-

шею волею былъ поставленъ во главу Православнаго Миссіонерскаго Общества онъ внесъ въ это общество то же убѣжденіе. Въ 1875 году въ совѣтѣ Православнаго Миссіонерскаго общества возбужденъ былъ Предсѣдателемъ вопросъ объ учрежденіи въ Казани переводческой коммиссіи, именно въ видахъ развитія и упроченія переводческаго дѣла, и притомъ главнымъ образомъ для подготовленія богослуженія на инородческихъ языкахъ. Вопросъ этотъ, начавшись въ Совѣтѣ Православнаго Миссіонерскаго Общества, былъ переданъ чрезъ командированнаго имъ своего члена протоіерея А. О. Ключарева, нынѣ преосвященнаго Амвросія, епископа харьковскаго, на окончательное обсужденіе въ Совѣтѣ Братства св. Гурія. Вслѣдствіе этого, существовавшая до того времени при совѣтѣ братства, коммиссія для инородческихъ переводовъ преобразовалась въ свой настоящій видъ и, получивъ щедрыя денежныя средства изъ суммъ Православнаго Миссіонерскаго Общества (4000 руб. въ годъ), могла развить переводную и издательскую свою дѣятельность. Въ настоящее время [1]) изъ области богослужебной уже существуютъ слѣдующіе переводы на татарскомъ языкѣ: 1) Служебникъ, содержащій чинопослѣдованіе вечерни, утрени и литургіи святаго Іоанна Златоустаго, 2) Требникъ, содержащій, начиная съ молитвы: „По внегда родити женѣ отроча“, крещеніе, вѣнчаніе, исповѣдь и погребеніе, въ полномъ составѣ всѣхъ упомянутыхъ чинопослѣдованій, 3) Часословъ, въ которомъ къ обыкновенному нашему часослову присоединены нѣкоторыя необходимыя для богослуженія статьи, какъ то: первыя стихиры на „Господи воззвахъ“ и богородичны догматики воскресные всѣхъ 8 гласовъ, тропари, кондаки и богородичны тоже 8 гласовъ, 4) стихиры на „Господи воззвахъ“ съ богородичными, тропари съ кондаками, величанія, прокимны утренніе и литургійные двунадесятыхъ праздниковъ, а также воскресные прокимны утренніе и литургійные всѣхъ 8 гласовъ (въ приложеніи къ книгѣ Главные праздники Господни и Богородичны), 5) Воскресная служба 6-го гласа, великая вечерня и утреня, 6) Молитвенникъ, въ которомъ кромѣ ежедневныхъ читаемыхъ молитвъ заключаются нѣкоторыя богослужебныя пѣснопѣнія и ирмосы, 7) Служба пасхальная и 8) Евангеліе отъ Матѳея, а прочія въ рукописи. Всѣ перечисленныя книги богослужебнаго содержанія напечатаны, но кромѣ того не мало есть переводовъ въ рукописяхъ, какъ напримѣръ болѣе или менѣе полныя службы праздничныя,

[1]) Въ 1883 г.

покаянный каконъ св. Андрея Критскаго, Послѣдованіе ко святому причащенію и молитвы послѣ причащенія, нѣкоторые болѣе доступные и примѣнительные къ состоянію инородцевъ отрывки изъ Апостольскихъ посланій и проч. Эти рукописныя статьи также употребляются въ надлежащихъ мѣстахъ и случаяхъ при богослуженіи.

Богослуженіе на татарскомъ языкѣ, какъ замѣчено выше, началось въ Казанской крещено-татарской школѣ и изъ нея распространяется по школамъ, отъ нея произшедшимъ, и частію по крещено-татарскимъ приходамъ Казанской епархіи, а отсюда распространяется и въ нѣкоторыя сосѣднія епархіи. Главнымъ двигателемъ и главною поддержкою богослуженія на татарскомъ языкѣ служитъ живое, радостное и благоговѣйное вниманіе и участіе крещеныхъ татаръ къ богослуженію, совершаемому на ихъ родномъ языкѣ. Это доказано фактически, подтверждается не однимъ какимъ либо отдѣльнымъ случаемъ, но всегда и вездѣ. Для уясненія степени и качества впечатлѣнія, производимаго на крещеныхъ татаръ богослуженіемъ на ихъ родномъ языкѣ, приведу изъ письма инспектора народныхъ училищъ Уфимской губерніи: „27 февраля 1882 г. (пишетъ онъ) въ первый разъ въ жизни довелось мнѣ присутствовать на христіанскомъ богослуженіи, совершенномъ исключительно на татарскомъ языкѣ. Дѣло было въ Сарашлинской школѣ. Впечатлѣніе самое отрадное вынесено мною. Стройное пѣніе и благоговѣніе молящихся инородцевъ вполнѣ соотвѣтствовали христіанскому богослуженію“.

27-е февраля въ 1882-мъ году приходилось въ субботу 3-й седмицы великаго поста. Служба была, значитъ, великопостная; крещеные татары говѣли. Священникъ тамъ изъ крещенныхъ татаръ, учительница и ученики изъ того же племени. Видно, что родной языкъ въ богослуженіи не только содѣйствуетъ пониманію богослужебныхъ книгъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ объемлетъ и восторгаетъ душу. Деревня Сарашля находится въ приходѣ Бакалинскомъ Белебеевскаго уѣзда Уфимской губерніи. И священникъ и учительница воспитывались въ Казанской крещено-татарской школѣ.

Выше перечислено, какія части богослуженія переведены уже на татарскій языкъ; съ теченіемъ времени имѣется въ виду болѣе и болѣе пополнять богослужебные переводы, напр.: перевести весь Псалтирь, Апостольскія посланія, изъ Октоиха воскресныя службы всѣхъ гласовъ, кромѣ 6-го, который уже есть въ переводѣ и проч. Кромѣ того въ Казанской центральной крещено-татарской школѣ вырабатывается и уже достаточно выработался способъ исполненія богослуженія на татар-

скомъ языкѣ. Такъ какъ употребленіе татарскаго языка вошло въ обученіе и богослуженіе въ видахъ собственно просвѣтительныхъ, то эта просвѣтительная цѣль постоянно имѣется въ виду и никогда не забывается и въ церковномъ богослуженіи для крещеныхъ татаръ и, можно сказать, рѣзко отличаетъ это богослуженіе отъ нашего русскаго, почти обычнаго. Та механичность, поспѣшность, невнятность, невыразительность, какія къ крайнему прискорбію нерѣдко замѣчаются во многихъ церквахъ, особенно сельскихъ, потому что христіанско-воспитательное значеніе богослуженія забыто многими нашими священнослужителями,— эта механичность и сродственныя ей качества невозможны были въ крещено-татарской школѣ. Поэтому шестопсалміе и другіе псалмы, „Иже на всякое время“ и другія подобныя молитвы въ школѣ во время всенощной читались какими-нибудь 14-лѣтними татарчатами съ такимъ глубокимъ и сильнымъ выраженіемъ, что нельзя было слушать безъ особеннаго сочувствія и умиленія. Пѣніе исполнялось школьнымъ хоромъ, въ началѣ неопытнымъ и малознающимъ, съ какою-то необыкновенно трогательною задушевностью. Въ настоящее время пѣніе церковное уже большею частью изложено на нотахъ и приведено въ согласіе съ нашими православными напѣвами, что̀ не легко было сдѣлать. Церковные православно-русскіе напѣвы приспособлены къ текстамъ, такъ, чтобы не только не затемнять смыслъ текстовъ, но еще болѣе усиливать ихъ смыслъ и выразительность: наиболѣе значительныя слова и въ пѣніи отличаются особеннымъ повышеніемъ или выраженіемъ голоса. При переводѣ на татарскій языкъ, какъ и вообще на всѣ инородческіе языки, прежде всего и чаще всего измѣняется порядокъ словъ, такъ что значительныя слова являются совсѣмъ на другихъ мѣстахъ. Кромѣ того напѣвъ не мало зависитъ и отъ количества слоговъ текста въ каждой музыкальной части, и въ инородческихъ переводахъ приходится иногда большее, иногда меньшее число слоговъ сравнительно съ славянскимъ текстомъ. Отъ этого происходитъ большая трудность, и требуется довольно музыкальнаго образованія и опытности, чтобы сохранить русскіе церковные напѣвы и примѣнить ихъ къ смыслу и силѣ переводнаго текста, такъ что не смотря на нѣкоторую разницу въ движеніи звуковъ, русскій человѣкъ, даже вовсе незнающій потатарски, сразу узнаетъ по напѣву, что̀ именно поется. Итакъ это вовсе не легкая работа— примѣненіе русскихъ напѣвовъ къ татарскимъ переводамъ, такъ чтобы благолѣпіе пѣнія православной русской церкви вполнѣ сохранилось и въ богослуженіи татаръ и по пріобрѣтенному съ ихъ стороны сочувствію

сродилось съ ихъ душею какъ бы нѣніе національное. Однообразная интонація голоса и перебитый языкъ, дѣлающіе произношеніе эктеніи діаконами невнятнымъ, отчего самыя благопотребныя и несомнѣнно необходимыя и близкія къ сердцу моленія и просьбы выслушиваются предстоящими безъ вниманія и участія, не могутъ быть допущены въ богослуженіи для крещеныхъ татаръ; тѣмъ болѣе недопустима всякая невнятность и безчувственность въ возгласахъ и чтеніяхъ священническихъ. Можно по всей справедливости сказать, что въ центральной крещено-татарской школѣ, подъ руководствомъ вышеупомянутаго алтайскаго миссіонера игумена Макарія, установился образъ исполненія и совершенія богослуженія на татарскомъ языкѣ благоговѣйный и выразительный, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ русскій, православный, а не какой либо протестантскій. И отсюда такое же выразительное и благоговѣйное, а по духу чисто русское православное исполненіе богослуженія постепенно распространяется по крещено-татарскимъ приходамъ, потому что священники, поставленные изъ крещеныхъ татаръ, всѣ получили свое воспитаніе и свои богослужебные вкусы и навыки въ Казанской центральной школѣ и ея домовой церкви. Такая генетическая связь крещено-татарскихъ приходовъ со школой въ отношеніи церковнаго богослуженія на татарскомъ языкѣ и необходима, потому что въ противномъ случаѣ торопливое, механическое и безучастное исполненіе богослуженія въ возгласахъ, эктеніяхъ, нѣніи и чтеніи можетъ лишить всякаго вліянія и значенія самые лучшіе богослужебные переводы.

Когда открылась, въ 1872 году, Казанская учительская семинарія, и въ ней начали съ 1874 года постепенно открываться начальныя инородческія школы: чувашская, черемисская и мордовская, тогда въ семинаріи и въ находящихся при ней инородческихъ школахъ стали, такъ сказать, заготовляться богослужебные матеріалы и на другихъ инородческихъ языкахъ. Наши русскіе церковные напѣвы примѣнялись къ переводнымъ текстамъ чувашскимъ, черемисскимъ и мордовскимъ. Эти переложенія исполнялись на каждомъ языкѣ въ соотвѣтственной школѣ въ вечернее время, а иногда въ семинарской церкви, въ которой при господствѣ церковно-славянскаго текства поются нѣкоторыя молитвы, стихиры или ирмосы на инородческихъ языкахъ въ великіе праздники, особенно же въ пасхальную утреню.

Къ тому времени организовалась въ Симбирскѣ центральная чувашская школа, въ которой воспитываются почти исключительно чуваши разныхъ губерній: казанской, симбирской, самарской и проч., и изъ

которой, по объему ея образованія, выходятъ учители начальныхъ чувашскихъ училищъ. Учредитель этой школы И. Я. Яковлевъ, самъ природный чувашенинъ, еще бывши въ гимназіи, заботился объ образованіи единоплеменныхъ ему чувашъ. Когда поступилъ онъ въ университетъ въ 1870 году, какъ разъ въ то время, когда въ Казанской крещено-татарской школѣ и переводы и богослуженіе на татарскомъ языкѣ уже возникли и организовались, онъ наглядно убѣдился во-первыхъ въ томъ, что христіанское религіозно-нравственное воспитаніе есть самое прочное основаніе для образованія инородцевъ, и во-вторыхъ, что родной языкъ въ школьномъ преподаваніи и въ церковномъ богослуженіи есть самое дѣйствительное средство къ поднятію умственнаго и религіозно-нравственнаго развитія инородцевъ. Соединивъ такое убѣжденіе съ постоянной заботой объ образованіи чувашъ, г. Яковлевъ еще во время своего университетскаго курса усердно занимался, какъ подготовительной работой, составленіемъ чувашскаго букваря и переводомъ на чувашскій языкъ священной исторіи, Евангелія отъ Матѳея, Марка и Луки, Начальнаго наставленія въ православной христіанской вѣрѣ, Главныхъ праздниковъ Господнихъ и Богородичныхъ, Пасхальной службы, Наставленія св. Тихона Задонскаго. При переводахъ своихъ, кромѣ руководительныхъ книгъ, онъ обращался къ совѣтамъ и указаніямъ покойнаго профессора Казанской академіи Гордія Семеновича Саблукова, соединявшаго глубокое богословское образованіе съ основательнымъ знаніемъ древнихъ, восточныхъ и инородческихъ языковъ. Переводы г. Яковлева тогда же печатались, съ одобренія Совѣта Братства св. Гурія, на счетъ министерства Народнаго Просвѣщенія. По окончаніи университетскаго курса въ 1875 году, г. Яковлевъ былъ опредѣленъ инспекторомъ чувашскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа. Вышеупомянутая Симбирская чувашская школа, заведенная имъ въ малыхъ размѣрахъ, когда онъ учился еще въ гимназіи, и заочно имъ поддерживаемая, когда онъ былъ студентомъ университета, сдѣлалась отселѣ предметомъ непосредственныхъ его заботъ и руководства; въ настоящее время она имѣетъ четырехклассный составъ въ родѣ учительской школы, а при ней находятся начальное училище для мальчиковъ и особое отдѣленіе для образованія дѣвочекъ. Начала инородческаго образованія, усвоенныя г. Яковлевымъ въ Казанской крещено-татарской школѣ и развитыя его собственнымъ размышленіемъ и опытомъ, вполнѣ примѣнены въ Симбирской центральной чувашской школѣ. Эта школа сдѣлалась средоточіемъ и источникомъ, и вмѣстѣ

образцомъ для чувашскихъ школъ, въ которыя поступаютъ учителями ея воспитанники; она же можетъ и должна быть такимъ же мѣстомъ выработки церковнаго богослуженія на чувашскомъ языкѣ, какъ Казанская центральная школа для богослуженія на языкѣ татарскомъ. Стоитъ впрочемъ пожалѣть, что Симбирская центральная чувашская школа доселѣ не имѣетъ своей домовой церкви и своего священника: единственно недостатокъ матеріальныхъ средствъ препятствуетъ осуществленію этой мѣры, необходимость которой для христіанско-русскаго воспитанія чувашъ сознаетъ и учредитель школы г. Яковлевъ. Что же касается до прочихъ условій подготовки православнаго богослуженія на чувашскомъ языкѣ, то всѣ они существуютъ и исполняются въ ней. Въ ней продолжаются и исправляются переводы вѣроучительныхъ и богослужебныхъ книгъ на чувашскій языкъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ г. Яковлева, его помощниками учителями школы природными чувашами, и изъ числа воспитанниковъ подготовляются особые искусные переводчики. Однимъ словомъ дѣло переводовъ на чувашскій языкъ поставлено въ Симбирской центральной чувашской школѣ основательно и прочно; въ ней Казанская переводческая коммиссія имѣетъ усердную и достаточную помощницу по отдѣлу чувашскому. Вотъ перечень переводовъ, уже приготовленныхъ г. Яковлевымъ и его школой, относящихся къ церковному богослуженію, частью напечатанныхъ, а частью остающихся еще въ рукописи. Напечатаны: 1) Евангелія Матѳея, Марка, Луки и Іоанна; 2) Пасхальная служба; 3) Ежедневныя молитвы при священной исторіи и букварѣ; тропари и кондаки двунадесятыхъ праздниковъ при книгѣ подъ заглавіемъ „Главные церковные праздники Господни и Богородичны“ и 4) Чинъ исповѣди и како причащати больнаго. Въ рукописи имѣются: 1) Часословъ, 2) Дѣянія св. апостоловъ, 3) Сборникъ, составленный въ виду наступившей безотложной надобности въ переводахъ для отправленія богослуженій новопоставленными священниками изъ чувашъ и заключающій въ себѣ слѣдующее: 1) всенощное богослуженіе, изъ воскресныхъ службъ осьми гласовъ—стихиры на Господи воззвахъ, богородичны, тропари, прокимны, ирмосы, а также прокимны на литургіи, 3) литургію Іоанна Златоустаго, 4) изъ службъ праздничныхъ: стихиры на Господи воззвахъ, на литіи и на стиховнѣ, тропари, величанія, ирмосы, кондаки, 5) литургію преждеосвященныхъ даровъ, 6) изъ пѣснопѣній великаго поста, 7) изъ панихиды, и 8 изъ молебныхъ пѣній [1]).

[1]) Свѣдѣнія эти относятся къ 1883 г.

Въ Симбирской центральной школѣ преподавателемъ церковнаго пѣнія, вполнѣ знающимъ дѣло и ревностнымъ, усвоившимъ направленіе Казанскихъ миссіонерскихъ учрежденій, продолжается и вновь составляется примѣненіе церковныхъ напѣвовъ къ чувашскимъ богослужебнымъ переводамъ и съ успѣхомъ организуется церковное пѣніе на чувашскомъ языкѣ. Этотъ учитель чувашенинъ, воспитанникъ Казанской учительской семинаріи Андрей Петровъ составилъ довольно большой и прекрасно поющій хоръ изъ воспитанниковъ школы. Хотя въ школѣ нѣтъ церкви и священника изъ чувашъ, но въ ней совершается всенощная накануне воскресныхъ и праздничныхъ дней, а на первой недѣлѣ великаго поста, когда говѣютъ учащіеся, и всѣ дневныя службы, кромѣ литургіи. Службы эти совершаются русскимъ священникомъ, который все относящееся къ священнику и діакону, произноситъ порусски, а воспитанники, съ благословенія Симбирскаго преосвященнаго, читаютъ и поютъ почувашски.

Само собою понятно, что для вполнѣ благоуспѣшной выработки богослуженія на чувашскомъ языкѣ необходимо нужна Симбирской школѣ особая церковь и свой священникъ изъ природныхъ чувашъ, подобно тому, какъ это имѣется въ Казанской крещено-татарской школѣ. Поэтому крайне желательно, чтобы Церковнымъ Правительствомъ, Православнымъ Миссіонерскимъ Обществомъ, или частными благотворителями устроена была (и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше) домовая церковь въ Симбирской центральной чувашской школѣ (для этого требуется единовременнаго расхода не болѣе 3 тысячъ руб.) и назначено было бы ежегодно до 600 руб. на содержаніе священника изъ чувашъ [1]). Пока не будетъ при центральной школѣ своей церкви и своего священника, доголѣ не будетъ образца исполненія богослуженія на чувашскомъ языкѣ, которымъ-бы могли руководиться всѣ чувашскіе священники, какіе съ нѣкоторыхъ поръ начали рукополагаться, а впослѣдствіи число ихъ должно постепенно увеличиваться, соотвѣтственно чувашскому населенію и количеству чувашскихъ приходовъ въ приволжскихъ губерніяхъ.

На другихъ инородческихъ языкахъ: черемисскомъ, вотяцкомъ, мордовскомъ и проч. могутъ въ нѣкоторой степени заготовляться элементы для богослуженія единственно при Казанской учительской семинаріи, потому что для черемисъ, мордвовъ и вотяковъ [2]) нѣтъ такихъ

[1]) Распоряженіемъ св. Сунода все это осуществлено.

[2]) Распоряженіемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1890 г. учреждена центральная школа для вотяковъ въ Уржумскомъ уѣздѣ.

центральныхъ образовательныхъ заведеній, какъ центральныя школы Казанская крещено-татарская и Симбирская чувашская. Но и на этихъ языкахъ существуютъ нѣкоторыя нѣснопѣнія: Молитва Господня, Символъ, Господи помилуй, Тебѣ Господи, Подай Господи, Пасхальный тропарь и нѣкоторые пасхальные ирмосы, а на черемисскомъ—всенощное бдѣніе и литургія.

Крещено-татарскія и чувашскія школы распространяются въ разныхъ губерніяхъ: Казанской, Симбирской, Самарской, Уфимской, Оренбургской и Вятской; учителями въ оныя поступаютъ воспитанники Казанской учительской семинаріи, Казанской крещено-татарской школы и Симбирской центральной чувашской школы. Они приносятъ съ собою пріобрѣтенное въ мѣстахъ своего воспитанія расположеніе къ церковному пѣнію и богослуженію на родномъ языкѣ, но доселѣ нерѣдко встрѣчали препятствіе къ тому со стороны мѣстныхъ причтовъ и настоятелей, а оо. настоятели ссылались на непмѣніе распоряженій со стороны своихъ епархіальныхъ начальствъ, которыя въ свою очередь могли не принять на свою отвѣтственность допущеніе въ церковное богослуженіе инородческихъ языковъ. Поелику, какъ видно изъ опыта и частью выше объяснено, въ инородческихъ приходахъ церковное богослуженіе на языкѣ родномъ для прихожанъ составляетъ дѣйствительное и животворное средство къ христіанскому просвѣщенію инородцевъ, воспитанію въ нихъ религіознаго духа и любви къ Православной церкви, то въ устраненіе нерѣдко являющихся сомнѣній и недоразумѣній, задерживающихъ примѣненіе этого полезнаго дѣла, ожидалось распоряженіе Святѣйшаго Правительствующаго Сунода и разрѣшеніе совершать въ инородческихъ приходахъ Волжско-Камскаго края церковное богослуженіе, общественное и частное, на соотвѣтственныхъ инородческихъ языкахъ. Благопопечительное Священноначаліе православно-русской церкви само издавна слѣдило за инородческими переводами какъ подготовительными работами къ совершенію богослуженія на инородческихъ языкахъ.

Такъ, въ февралѣ 1870 года Святѣйшій Правительствующій Сунодъ, грамотой за подписомъ своего Первенствующаго Члена Высокопреосвященнѣйшаго Исидора Митрополита Новгородскаго и Санктпетербургскаго, „по вниманію къ засвидѣтельствованію преосвященнаго Казанскаго о весьма усердныхъ и полезныхъ трудахъ священника Василія Тимоѳеева по переводу на татарскій языкъ богослужебныхъ чтеній и нѣснопѣній, съ цѣлію открытія богослуженія на семъ языкѣ“, преподалъ священнику Тимоѳееву свое благословеніе. Въ настоящее время

Святѣйшій Правительствующій Сунодъ самымъ дѣломъ осуществляетъ эту цѣль. Вслѣдствіе предложенія господина Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Сунода состоялся синодальный указъ отъ 15 января 1883 года, слѣдующаго содержанія:

„Имѣя въ виду, что при содѣйствіи Православнаго Миссіонерскаго Общества и существующей въ городѣ Казани при Братствѣ св. Гурія переводческой коммисіи, получающей средства отъ означеннаго Общества, дѣло по переложенію и изданію православныхъ богослужебныхъ и вѣроучительныхъ книгъ на инородческіе языки получило въ настоящее время столь значительное развитіе, что съ благословенія преосвященныхъ въ нѣкоторыхъ приходахъ совершается даже богослуженіе на инородческихъ языкахъ, и признавая съ одной стороны, что отправленіе богослуженія для крещеныхъ инородцевъ на родномъ ихъ языкѣ можетъ служить однимъ изъ главныхъ средствъ къ духовному ихъ просвѣщенію и утвержденію въ вѣрѣ православной, а съ другой,— что примѣненіе сего средства съ успѣхомъ и пользою для дѣла зависитъ отъ ближайшаго усмотрѣнія мѣстнаго епархіальнаго начальства, Святѣйшій Сунодъ опредѣляетъ: предоставить епархіальнымъ архіереямъ разрѣшать, по ближайшему своему усмотрѣнію, совершеніе богослуженія на инородческихъ языкахъ съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій: а) гдѣ есть болѣе или менѣе значительное число крещеныхъ инородцевъ, допускать церковное богослуженіе, общественное и частное, на соотвѣтствующихъ языкахъ, вполнѣ или по частямъ, б) при богослуженіи должны быть употребляемы изданія Православнаго Миссіонерскаго Общества, напечатанныя существующею при Братствѣ св. Гурія въ Казани переводческою коммисіею; можно допускать временно и рукописные переводы, но одобренные означенною коммисіею, в) при введеніи и исполненіи богослуженія на инородческихъ языкахъ обращать вниманіе на то, производитъ-ли оно на инородцевъ благотворное и религіозное впечатлѣніе, и г) если съ инородцами въ церкви присутствуютъ Русскіе, то полезно соединять пополамъ или въ извѣстныхъ пропорціяхъ богослуженіе на славянскомъ и инородческомъ языкахъ“ [1]).

Настоящее распоряженіе должно, безъ сомнѣнія, оживить и ускорить дальнѣйшее составленіе и изданіе богослужебныхъ переводовъ на инородческихъ языкахъ.

Примѣчаніе. Статья эта была напечатана въ Март. кн. Православнаго собесѣдника за 1883 г.

---

[1]) Этотъ указъ вполнѣ напечатанъ въ Извѣстіяхъ по Казанской епархіи за 1883 годъ, № 5, и въ другихъ духовныхъ и епархіальныхъ повременныхъ изданіяхъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРІИ ВЪ КАЗАНИ [1]).

Въ 1866 году Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія Графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой обозрѣвалъ Казанскій учебный округъ, начавъ съ самаго крайняго на югѣ пункта—Астрахани и постепенно восходя вверхъ по Волгѣ. По всему поволжью онъ былъ пораженъ множествомъ и разнообразіемъ инородческихъ племенъ.—Въ Казанской губерніи въ томъ же году появилось сильное отступническое движеніе среди крещеныхъ татаръ.—Не задолго передъ тѣмъ открыта была въ Казани частная школа для крещено-татарскихъ дѣтей, которая, какъ малый свѣточъ, мерцала среди общаго мрака и тѣмъ привлекла къ себѣ общее сочувствіе, такъ что Графъ Дмитрій Андреевичъ, какъ Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Сунода, отпустилъ на нее денежное пособіе, а почтенная корпорація профессоровъ и чиновниковъ Казанскаго Университета ознаменовала вѣрноподданическую свою радость о спасеніи жизни Государя Императора благотвореніемъ этой школѣ.—И вотъ въ началѣ Сентября Г. Министръ пріѣзжаетъ въ Казань. При первомъ знакомствѣ съ высшимъ ученымъ сословіемъ нашего города, въ залѣ Университета, Графъ высказалъ свои соображенія, навѣянныя продолжительнымъ путешествіемъ.

„Если распространеніе просвѣщенія, сказалъ онъ, необходимо во всѣхъ концахъ Имперіи, то ни гдѣ эта необходимость не чувствуется болѣе, чѣмъ именно здѣсь, на окраинѣ Востока. Какихъ племенъ не видалъ я въ продолженіи кратковременнаго моего путешествія: и калмыковъ, и киргизовъ, и мордву, и черемисъ, и татаръ; все это дико и невѣжественно, все это еще не тронуто просвѣщеніемъ, все это непочатой матеріалъ для науки и цивилизаціи. Я знаю, что скорыхъ успѣховъ здѣсь ждать невозможно, но была бы большая заслуга положить начало

[1]) Казанская Учительская Семинарія помѣщалась нѣкоторое время въ крещено-татарской школѣ; здѣсь и состоялся актъ ея открытія. Настоящая статья есть рѣчь сказанная Николаемъ Ивановичемъ при этомъ.

просвѣщенія этихъ восточныхъ племенъ, а за ними и дальнѣйшаго Востока. Вотъ достойныя Россіи завоеванія на Востокѣ, завоеванія цивилизаціи, самыя прочныя и притомъ самыя дешевыя изъ всѣхъ завоеваній. Пусть Православная Церковь проложитъ путь Евангеліемъ, а за нимъ послѣдуетъ наука съ своимъ свѣтомъ. Это совокупное дѣйствіе вѣры и науки несомнѣнно разсѣетъ восточную тьму. Конечно не намъ, а нашимъ преемникамъ возможно будетъ разрѣшить эту нелегкую задачу; но крайней мѣрѣ положимъ ей начало. Въ недавнемъ времени уже сдѣланъ опытъ устройства татарской школы однимъ изъ вашихъ сослуживцевъ въ самой Казани. Я старался помочь ему, сколько могъ по православному духовному вѣдомству. Вы также удѣлили часть вашихъ собственныхъ денежныхъ средствъ. Школа пошла весьма удачно и все предвѣщаетъ ей хорошую будущность. Нужно надѣяться, что дѣло на этомъ не остановится, а со временемъ возникнетъ много такихъ школъ, и тогда просвѣщеніе между восточными племенами утвердится на прочныхъ основахъ".

Послѣ этого въ Казани, какъ средоточномъ пунктѣ инородческаго населенія по всему Приволжью, Графъ старался подробно ознакомиться съ религіознымъ состояніемъ крещеныхъ татаръ и собрать данныя для предначертанія мѣръ къ образованію инородцевъ и утвержденію ихъ въ Христіанствѣ. Вотъ какъ выражены соображенія Его Сіятельства объ этомъ дѣлѣ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о ревизіи Казанскаго учебнаго округа:

„Доселѣ благами просвѣщенія пользуются въ Казанскомъ округѣ едва ли не исключительно дѣти изъ средняго и высшаго сословій; народъ, какъ русскій, такъ и инородный, почти лишенъ его. Между тѣмъ инородцы обитаютъ въ большомъ числѣ почти во всѣхъ губерніяхъ этого округа, въ томъ же невѣжествѣ, въ которомъ находились нѣсколько столѣтій тому назадъ, и притомъ въ отчужденности отъ русскаго элемента. Просвѣщать постепенно инородцевъ, сближать ихъ съ русскимъ духомъ и съ Россіею составляетъ, по моему мнѣнію, задачу величайшей политической важности въ будущемъ. Въ прошломъ году два частныя лица, по убѣжденію и призванію, положили начало дѣйствительнаго и прочнаго миссіонерства. Профессоръ Университета Ильминскій и профессоръ Духовной Академіи Маловъ учредили на собственныя, весьма ограниченныя, средства школу для крещеныхъ татаръ. Школа эта заслужила всеобщее сочувствіе, а теперь устраиваются съ тою же цѣлію двѣ небольшія татарскія школы въ уѣздахъ, гдѣ пре-

подаватели будутъ молодые татары, обучавшіеся въ Казанской школѣ. Оказавъ этой школѣ все зависящее отъ меня содѣйствіе, я предполагаю сдѣлать изъ нея со временемъ центральное татарское училище, связывая съ нимъ всѣ татарскія школы, которыя удастся устроить какъ въ Казанской, такъ и въ смежныхъ съ нею губерніяхъ. Вообще же относительно просвѣщенія татаръ, я имѣю слѣдующее намѣреніе: 1) Казанскую татарскую школу устроить окончательно и увеличить; городъ подарилъ уже ей мѣсто, а одинъ купецъ вызвался на свой счетъ возвести зданіе", и проч.

Мѣсто, подаренное Казанской школѣ градскимъ обществомъ, есть это самое мѣсто; этотъ купецъ—благодѣтель школы—покойный Степанъ Аѳѳьевъ, построившій деревянный домъ на томъ углу усадьбы; а настоящій каменный домъ, въ которомъ теперь временно помѣщается Учительская Семинарія, есть вѣковѣчный памятникъ заботливости о Казанской школѣ Графа Дмитрія Андреевича. Много и другихъ благодѣяній постоянно оказываетъ и, безъ сомнѣнія, не престанетъ оказывать Его Сіятельство Казанской школѣ къ ея увеличенію и упроченію, и уже много школъ открылось не только въ Казанской, но и въ другихъ губерніяхъ, по отношенію къ которымъ Казанская школа сдѣлалась центральною и руководящею.

Между тѣмъ съ открытіемъ земскихъ учрежденій, все въ томъ же 1866 году, въ сосѣднихъ губерніяхъ стало оживляться народное образованіе, заводились школы, въ которыя, по мѣстнымъ условіямъ, поступали и инородческія дѣти, и возникли разныя воззрѣнія на способы обученія инородцевъ. Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, поставивъ вопросъ объ инородческомъ образованіи важнѣйшимъ государственнымъ вопросомъ и сознавая важность его для обширнаго края приволжскаго, предложилъ его на обсужденіе училищныхъ совѣтовъ всѣхъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ только есть инородцы въ Казанскомъ округѣ. Около двухъ лѣтъ продолжались работы училищныхъ совѣтовъ. Не мало за это время явилось статей въ періодической печати, въ которыхъ заявлялись и отстаивали себя противоположныя мнѣнія, иногда съ нѣкоторою горячностію. Министерство Народнаго Просвѣщенія съ своей стороны, для соображенія съ чужимъ опытомъ, собирало свѣдѣнія о томъ, какъ инородческое образованіе ведется передовыми государствами Европы: Англіею въ Индіи и Франціею въ Алжирѣ, и въ своемъ литературномъ органѣ помѣщало спеціальныя статьи, касающіяся того же предмета—инородческаго образованія.

Съ поступленіемъ на Казанскую епархію настоящаго Архипастыря Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Антонія, въ 1867 году основалось Братство Святителя Гурія, которое поставило своей главной задачей утвержденіе инородцевъ въ Христіанствѣ путемъ школьнаго образованія. А предсѣдатель братскаго совѣта П. Д. Шестаковъ, кромѣ того, въ цѣломъ рядѣ научныхъ работъ старался изслѣдовать и возстановить труды древнихъ русскихъ просвѣтителей инородцевъ, особенно св. Стефана Великопермскаго, даровавшаго зырянамъ письмена и книги на ихъ языкѣ,—и собралъ обширные статистическіе матеріалы о населеніи и религіозности инородцевъ на всемъ пространствѣ Казанскаго округа, результаты которыхъ изложены въ его соображеніяхъ и въ этнографическихъ картахъ разныхъ губерній.

И вся эта масса опытныхъ наблюденій, оффиціальныхъ протоколовъ, научныхъ изслѣдованій, статистическихъ данныхъ, полемическихъ статей—поступила къ концу 1868 года въ Министерство, и Ученый Комитетъ Министерства трудился надъ разборомъ ея, надъ параллельнымъ сводомъ разныхъ мнѣній и выводами изъ этихъ данныхъ, съ присовокупленіемъ своихъ собственныхъ соображеній.

Главный пунктъ всѣхъ разсужденій и споровъ относился къ инородческимъ языкамъ — допустить ли и въ какой мѣрѣ въ образованіи инородцевъ ихъ родные языки. Можно при этомъ замѣтить, что система Казанской школы и всѣхъ другихъ школъ Братства основывалась на самомъ широкомъ употребленіи инородческихъ языковъ.

Наконецъ, въ 1870 году Февраля 2-го, въ Совѣтѣ Министра Народнаго Просвѣщенія, подъ предсѣдательствомъ самого Графа Дмитрія Андреевича, въ присутствіи гг. попечителей Казанскаго и Одесскаго учебныхъ округовъ, вопросъ объ образованіи инородцевъ, съ которымъ всѣ члены Совѣта заблаговременно были ознакомлены посредствомъ печатныхъ сборниковъ и брошюръ,—окончательно обсуждался въ продолженіи многихъ часовъ тщательно и всесторонне. Заключенія Совѣта изложены въ журналѣ № 42. Совѣтъ построилъ цѣлую систему учебныхъ учрежденій (для инородцевъ христіанъ): начальныя школы на такихъ основныхъ началахъ, что „орудіе первоначальнаго обученія для каждаго племени должно быть народное нарѣчіе его: учители инородческихъ школъ должны быть изъ среды соотвѣтствующаго племени инородцевъ и притомъ хорошо знающіе русскій языкъ, или же русскіе, владѣющіе соотвѣтственнымъ инородческимъ нарѣчіемъ,—и для образованія учителей въ эти школы—учительскую семинарію—закрытое за-

веденіе на 240 человѣкъ, пополамъ изъ русскихъ и инородцевъ главнѣйшихъ племенъ: мордвы, черемисъ, чувашъ, вотяковъ и крещеныхъ татаръ.

Оставалось составить проэктъ Казанской Учительской Семинаріи, а также планъ и смѣту на постройку дома для нея. И вотъ въ настоящемъ году все это многосложное дѣло приведено къ концу путемъ дальнимъ и многотруднымъ, но основательныя дѣла и не творятся поспѣшно.

Вы изволили слышать Высочайше утвержденное положеніе только о Казанской Учительской Семинаріи; но въ докладѣ, при которомъ Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія представилъ проэктъ этого положенія въ Государственный Совѣтъ, начертана цѣлая образовательная система изъ начальныхъ училищъ съ учительскою семинаріею во главѣ, и цѣлію этой системы ясно и опредѣлительно поставлено—„*прочное сближеніе инородцевъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ путемъ просвѣщенія*“.

И такъ эта Учительская Семинарія есть по истинѣ Казанская, не по топографическому только положенію, но и по родственному нѣкоторымъ образомъ отношенію своему къ Казани, — къ Братству, къ крещено-татарской школѣ Казанской—этому предмету общаго и единодушнаго сочувствія Казанскаго общества.

Настоящимъ временнымъ помѣщеніемъ Семинаріи въ зданіи крещено-татарской школы и будущимъ постояннымъ водвореніемъ ея на мѣстѣ, особенно драгоцѣнномъ для Казани по воспоминанію о старинныхъ попыткахъ Казанскихъ Іерарховъ къ образованію инородцевъ—еще болѣе должна скрѣпляться родственная связь Семинаріи съ Казанью.

Казанская Учительская Семинарія имѣетъ цѣлію ближайшею и непосредственною—приготовленіе учителей въ русскія и инородческія сельскія народныя училища, а отдаленною и общею съ начальными инородческими школами—прочное сближеніе инородцевъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ путемъ просвѣщенія.

Это сближеніе есть слѣдовательно будущее, а въ настоящее время существуетъ рознь или отчужденность инородцевъ отъ русскаго народа, замѣченная Г. Министромъ и очевидная для всякаго жителя Казанской губерніи. Эту рознь нельзя объяснять ни затаенной враждой, воспоминаніемъ кровавыхъ столкновеній съ Русскими въ былое время,—то время давно миновало и исчезло изъ памяти народной; ни религіозною исключительностію, потому что шаманское суевѣріе, которое даже крещеные инородцы и доселѣ большею частію втайнѣ сохраняютъ, не имѣетъ

характера исключительнаго и фанатичнаго; ни сознательнымъ стремленіемъ къ поддержанію своей національности,—это возможно только при образованіи и своего рода развитости, чего инородцы наши вовсе не имѣютъ. Эта рознь основывается на неподвижности своеобразнаго инородческаго быта, привычекъ и понятій, на косности, такъ сказать, совершенно пассивнаго свойства. Но и въ своей пассивности рознь эта упорна, и въ перемѣщеніи дѣтей инородческихъ въ отдаленныя заведенія, притомъ русскія, можетъ подозрѣвать насиліе и посягательство, къ обоюдному глубокому огорченію и дѣтей и родителей. Какое же это было бы условіе къ ученію и образованію, какая надежда на прочное сближеніе съ русскими! Были опыты не очень давняго времени, что для помѣщенія инородческихъ мальчиковъ въ русскія училища принуждены были брать ихъ изъ семей насильственно,—но они не только не развивались, но тупѣли и увядали, какъ растеніе, пересаженное на чужую, несродную почву.

Въ чемъ же искать разрѣшенія этой трудной племенной задачи? Въ Христіанствѣ. „Здѣсь, какъ говоритъ Апостолъ, нѣтъ различія между Іудеемъ и язычникомъ, потому что одинъ Господь у всѣхъ, богатый для всѣхъ призывающихъ Его“ (Римл. 10; 11). И въ другомъ мѣстѣ тотъ же Апостолъ говоритъ: „Нѣтъ уже Іудея, ни язычника; нѣтъ раба, ни свободнаго; ибо всѣ вы одно во Христѣ Іисусѣ. Всѣ вы сыны Божіи по вѣрѣ во Христа Іисуса“. (Галат. 3; 28, 26). Христіанство не посягаетъ на народныя особенности, не сглаживаетъ ихъ формальнымъ или внѣшнимъ уровнемъ, не обезличиваетъ человѣка или народа, но соединяетъ народы и племена внутреннимъ, искреннимъ и прочнымъ союзомъ любви, дѣлая ихъ сынами Божіими и братьями во Христѣ. Христіанство есть религія, въ высшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ общечеловѣческая, облагороживающая и освящающая человѣческую природу. Эта религія, усвоенная инородцами, тѣмъ болѣе можетъ расположить ихъ къ русскимъ, что послѣдніе издавна исповѣдуютъ Христіанскую Вѣру, въ которой инородцы—новички. Какъ живая, созидающая и сплачивающая сила, Христіанство состоитъ не въ холодномъ, разсудочномъ только изученіи догматовъ, не въ формальномъ соблюденіи обрядовъ, но преимущественно въ убѣжденномъ и искреннемъ вѣрованіи, въ сердечномъ усвоеніи христіанскаго духа, въ проникновеніи нравственностію Евангелія, основанной на любви. Въ такомъ смыслѣ Христіанство твердо воспринимается только въ дѣтствѣ, чрезъ воспитаніе. Но такъ какъ инородческая семья не представляетъ никакихъ условій

къ христіанскому воспитанію, то эту воспитательную миссію по отношенію къ инородцамъ должна принять на себя школа, и именно первоначальная школа, построенная на особыхъ началахъ, примѣнительно къ инородцамъ. Семинарія же не можетъ этого исполнить, не потому только, что, какъ заведеніе сравнительно высшее, она требуетъ извѣстной уже научной подготовки, а потому главнымъ образомъ, что прямо изъ семьи инородческія дѣти выходятъ съ цѣльною своею натурой, съ полной своеобразностью, не тронутой никакимъ чужимъ вліяніемъ, не симпатичнымъ къ иноплеменному. Что начальныя школы, основанныя на началахъ инородческаго образованія, съ религіознымъ христіанскимъ характеромъ, дѣйствительно могутъ ослаблять и сглаживать нелюдимость къ русскимъ дѣтямъ, доказывается опытомъ. Въ одной и той же деревнѣ дѣти, не учившіяся въ школѣ, убѣгаютъ или дичатся при встрѣчѣ съ русскими, особенно съ священниками, а учившіяся въ школѣ сами довѣрчиво и любовно подходятъ къ русскому человѣку.

Къ счастію теперь уже инородческая отчужденность въ нѣкоторыхъ, пока еще немногихъ мѣстностяхъ въ значительной степени смягчена, благодаря школамъ, дающимъ христіанское религіозно-нравственное воспитаніе, каковы школы напр. братскія. И вотъ всѣ инородцы, которые находятся въ нынѣшнемъ составѣ Семинаріи, явились въ нее сами и родители ихъ отпустили—добровольно и довѣрчиво. Но Учительская Семинарія, принимая дѣтей инородческихъ съ такою подготовкой, должна еще болѣе поддерживать и развивать въ нихъ христіанскую религіозность.

Отсюда, далѣе, объясняется, каково должно быть просвѣщеніе, посредствомъ котораго возможно достигнуть прочнаго сближенія инородцевъ съ русскими. Оно должно быть религіозное, нравственное и умственное. Знанія сами по себѣ, какъ сборъ затверженныхъ фактовъ, безъ проникновенія ихъ нравственными идеями, не симпатичны, способны развивать эгоизмъ. Религіозность должна составлять душу образованія, основаніе всего; религіозно-нравственное одушевленіе придаетъ энергію и живость научнымъ даже занятіямъ.

Если помимо этой цѣли отдаленной, смотрѣть на Семинарію, какъ на заведеніе, приготовляющее учителей въ сельскія начальныя училища, то опять увидимъ необходимость образованія нравственно-религіознаго. Народное образованіе должно, по самому существу дѣла, основываться

на началахъ православно-религіозныхъ. Кромѣ того, сельское населеніе преимущественно интересуется религіею, любитъ людей набожныхъ и добрыхъ. Такому человѣку съ большею охотою станутъ поручать для обученія своихъ дѣтей, зная, что онъ не внушитъ имъ безбожія или безнравственности. По этому молодые люди, предназначаемые въ учителя сельскихъ народныхъ школъ, даже русскихъ, непремѣнно должны быть искренно-религіозными и нравственными для упроченія народныхъ школъ, въ которыхъ они будутъ учителями.

Учительская Семинарія, въ которой воспитываются русскіе и инородцы, какъ будущіе дѣятели, имѣющіе разрушить раздѣляющую инородцевъ отъ русскихъ отчужденность, должна представлять родъ одной семьи, въ которой всѣ воспитанники, не смотря на разность племенную, живутъ мирно, трудятся для одной цѣли, взаимно помогаютъ другъ другу въ занятіяхъ. Здѣсь должны завязаться и созрѣть симпатіи не абстрактныя, а дѣйствительныя, конкретно относящіяся къ извѣстнымъ личностямъ. Заведеніе закрытое, гдѣ вмѣстѣ живутъ всѣ воспитанники, представляетъ для этого болѣе удобства, нежели заведеніе открытое. Въ послѣднемъ ученики бываютъ вмѣстѣ только въ классѣ на урокахъ, и завязывать тѣсную дружбу не имѣютъ ни времени, ни удобства.

Но и въ родной семьѣ бываютъ столкновенія и раздоры; чтобы многолюдное собраніе учащихся въ Семинаріи удержать въ порядкѣ, нужно одушевить молодые умы высшей идеей будущаго ихъ служенія, поддерживать въ нихъ христіанское, религіозное одушевленіе, любовь къ труду, гуманный идеализмъ, словомъ держать ихъ въ постоянномъ, умственномъ и нравственномъ напряженіи. Лишь нравственныя пружины способны поддержать молодыхъ людей въ стройномъ порядкѣ. Внѣшними средствами не возможно поддерживать порядокъ въ заведеніи; внѣшнія средства не имѣютъ никогда воспитательнаго значенія; они способны скорѣе развить лицемѣріе, которое соединяетъ благопріличіе предъ глазами надзирателей, съ заочными унизительными поступками, и котораго не должно быть въ Учительской Семинаріи.

Воспитанники Учительской Семинаріи готовятся быть учителями въ сельскихъ начальныхъ школахъ, среди крестьянской обстановки, крайне тѣсной, бѣдной. По этому Семинарія не будетъ пріучать ихъ къ излишнему комфорту, къ роскоши. Напротивъ, здѣсь молодые люди должны пріобрѣсти навыкъ къ простой, скромной жизни и обстановкѣ.

И такъ, вотъ въ какихъ чертахъ рисуется Семинарія: закрытое заведеніе съ многочисленнымъ собраніемъ молодыхъ людей, не смотря

на разноплеменность единодушныхъ, какъ братья, религіозныхъ, нравственныхъ, честныхъ, одушевленныхъ любовію къ труду, развитыхъ умственно, благодушно уживающихся въ простой обстановкѣ, приблизительной къ сельскому быту, проникнутыхъ важностію своего назначенія.

Это, конечно, идеалъ, но мы сознательно ставимъ его предъ собою, какъ путеводную звѣзду, какъ свою задачу, если безъ надежды вполнѣ осуществить ее на дѣлѣ, то, по крайней мѣрѣ, для направленія въ нашихъ занятіяхъ и для посильнаго, хотя сколько нибудь, приближенія къ нему.

БЕСѢДЫ О НАРОДНОЙ ШКОЛѢ.

I.

Какая задача народной школы.

Народныя школы въ Высочайше утвержденномъ Положеніи 25 мая 1874 года называются „начальными народными училищами". Съ этого, закономъ установленнаго, названія и начнемъ наши бесѣды.

Народная школа есть начальное народное училище.

„Училище", разумѣется, вообще такое заведеніе, гдѣ учатся. Училища раздѣляются на высшія, среднія и низшія. Народная школа, по степени образованія, есть низшее училище: но какъ начальное училище, она полагаетъ начало и какъ бы основаніе къ образованію.

Чтобы опредѣлить значеніе названія „народная", противопоставимъ народной школѣ школы: земледѣльческую, ремесленную, живописную и т. п. Онѣ должны выпустить хорошихъ земледѣльцевъ, ремесленниковъ, живописцевъ и т. д. Тѣ школы приготовляютъ каждая свое сословіе спеціалистовъ; а народная школа должна образовывать непосредственно людей, изъ которыхъ слагается народъ. Поэтому она должна выпустить *хорошихъ людей*.

Какого человѣка называютъ *хорошимъ*? Бываетъ иногда прекрасный мастеръ, но какъ человѣкъ—не хорошъ. Можно быть даже художникомъ или ученымъ, и въ то же время нехорошимъ человѣкомъ. Хорошимъ человѣкомъ называется честный, доброжелательный, набожный и т. под. Словомъ, названіе хорошаго человѣка даютъ собственно *нравственныя качества*.

Что же отсюда слѣдуетъ? Художникомъ, ученымъ, даже ремесленникомъ не всякій можетъ быть и не всякій долженъ быть; а хорошимъ человѣкомъ, т. е. нравственнымъ, честнымъ, добрымъ и религіознымъ

Женское отдѣленіе Казанской Центральной Крещено-Татарской школы.

1872 г.

всякій можетъ быть и всякій обязанъ быть. Добрая нравственность есть основаніе, на которомъ всякая спеціальность, научная, ремесленная и тому подобная, получаетъ особенную прочность и цѣну. Пусть сначала образуется хорошій человѣкъ, а потомъ на этомъ основаніи будетъ хорошій спеціалистъ. Отсюда слѣдуетъ, что народная школа общеобязательна для каждаго человѣка.

Какъ народная школа исполнитъ свою задачу? Хорошій, нравственный, религіозный человѣкъ долженъ быть такимъ не на словахъ, а на дѣлѣ, и не въ мысляхъ только и понятіяхъ, а главнымъ образомъ въ дѣйствіяхъ и въ жизни, не предъ людьми подобно лицемѣрамъ, а по совѣсти и предъ Богомъ. Поэтому, чтобы образовать нравственнаго человѣка, недостаточно разъясненія или преподаванія, которое обыкновенно и всего чаще производится въ училищахъ, а надобно *воспитать* человѣка, т. е. сдѣлать такъ, чтобы онъ выросъ и укрѣпился существенно въ дѣлахъ добрыхъ и въ чувствахъ богобоязненныхъ и честныхъ.

Религіозность есть общехристіанская, нравственность есть общечеловѣческая; но та и другая, въ такомъ общемъ, отвлеченномъ ихъ видѣ, не умѣстны въ начальной народной школѣ. Объяснимъ эту мысль чрезъ аналогію тѣла.

Въ тѣлѣ человѣческомъ, при одинаковости общаго устройства и всѣхъ частей и органовъ, а также внутренней дѣятельности и жизни, какъ это излагается въ анатоміи и физіологіи, есть частныя особенности, пропсшедшія и упрочившіяся отъ условій страны и климата, отъ пищи и другихъ средствъ матеріальной жизни. Эти особенности важны для жизни настолько, что туземецъ холоднаго сѣвера не могъ бы вынести не только жаркаго климата, но и умѣреннаго, и на оборотъ; степной кочевникъ задохнется не только въ каменномъ городскомъ жилищѣ, но и въ сельской крестьянской избѣ; перемѣна пищи, даже воды непремѣнно сопровождается разстройствомъ здоровья. Кратко сказать, соблюденіе этихъ частныхъ особенностей доставляетъ здоровье и благосостояніе тѣлу, а нарушеніе ихъ ведетъ къ разстройству тѣла. Совокупность всякихъ частныхъ и мелкихъ особенностей составляетъ расу, или породу. Человѣкъ растетъ среди условій и обстановки своей родины и своей расы.

Подобнымъ образомъ въ душѣ человѣческой, кромѣ ея общечеловѣческаго, такъ сказать, состава, излагаемаго въ психологіи, есть частныя особенности, которыя весьма важны въ душевной жизни. Совокупность этихъ особенностей составляетъ народность, подъ сѣнію которой эти

особенности съ каждымъ поколѣніемъ углубляются и утверждаются все болѣе и болѣе. Такимъ образомъ и нравственность, даже христіанство, въ жизни и въ дѣйствительности, у каждаго народа имѣютъ свои особенныя отличія, при общемъ сходствѣ въ сущности. Поясняю эту мысль примѣрами. Богопочтеніе и молитва, въ общемъ, въ сущности, есть общехристіанское дѣло, но у каждаго народа, соотвѣтственно его исповѣданію и церковному устройству, различаются въ проявленіи. Намъ сочувственны и трогательны: наша православная церковная и богослужебная обстановка, наше внутреннее устройство церкви съ иконостасомъ и множествомъ священныхъ изображеній, облаченіе священнослужителей, наши напѣвы, славянская рѣчь, молитвенное положеніе и поклоны съ крестнымъ знаменіемъ,—словомъ тотъ чинъ и внѣшній видъ, съ которыми мы сроднились съ дѣтства. Такое богослуженіе производитъ на насъ сильное и благотворное впечатлѣніе, трогаетъ и умиляетъ нашу душу и располагаетъ насъ къ молитвѣ. Напротивъ, нѣмецкая церковь и богослуженіе въ ней намъ представятся лишь школой и урокомъ закона Божія, а молитвеннаго и богослужебнаго впечатлѣнія не произведутъ на насъ. Такъ каждый христіанинъ сочувствуетъ своему исповѣданію и остается равнодушнымъ къ исповѣданію чужому.—Благотворительность также выражается у всякаго народа по своему. У насъ благотворительность, въ видѣ милостыни, производится лично изъ руки въ руку, во имя Христа, съ крестнымъ знаменіемъ какъ принимающаго, такъ и подающаго.—Почтеніе къ родителямъ и къ старшимъ, вѣжливость выражаются у насъ опять по своему. Однимъ словомъ, религіозность и нравственность, при одномъ существѣ ихъ во всемъ христіанствѣ, выражаются въ разныхъ исповѣданіяхъ и народностяхъ разными формами и подробностями, которыя лишь для своихъ людей вполнѣ понятны и сочувственны, возбудительны и животворны.

Эти нравственно-религіозныя особенности, укрѣпившіяся съ поколѣніями, возникаютъ и существуютъ подъ сѣнію тѣхъ общественныхъ группъ, среди которыхъ растетъ и живетъ человѣкъ: подъ сѣнію семьи, общества, государства и православной церкви, которая все остальное возглавляетъ и благословляетъ. Наше русское семейное, общественное и государственное устройство, послѣдовательно основывающееся на власти съ одной стороны и повиновеніи съ другой,—на власти родительской, старѣйшинской и царской,—вполнѣ согласно съ ученіемъ слова Божія. При этомъ кстати обратить вниманіе на то, что искони въ русскій народный бытъ вошли многія черты и обряды церковные. Это по-

казываетъ, что православная церковь съ самыхъ первыхъ временъ имѣла сильное образовательное дѣйствіе на бытъ, внутреннія начала и одушевляющія идеи семейной, общественной и государственной жизни русскаго народа.

Вотъ въ этихъ-то формахъ и границахъ возрастаетъ русскій человѣкъ. Въ нихъ же должна воспитывать своихъ учениковъ русская народная школа. Такимъ образомъ задача русской народной школы опредѣляется такъ: она должна воспитывать нравственныхъ и религіозныхъ людей *по началамъ* и *въ формахъ православной церкви и русской народности*.

II.

Болѣе подробное разъясненіе понятія о воспитаніи.

Воспитаніе означаетъ развитіе и увеличеніе. Увеличеніе бываетъ двухъ родовъ: во-первыхъ, механическое и внѣшнее, которое принадлежитъ безжизненнымъ и мертвымъ предметамъ. Оно отличается тѣмъ, что можно бо́льшимъ и бо́льшимъ внѣшнимъ приложеніемъ матеріала увеличивать данный предметъ сколько угодно, въ какомъ угодно направленіи и въ какой угодно формѣ. Такъ строится, напримѣръ, домъ изъ кирпичей. Другой родъ увеличенія принадлежитъ предметамъ органическимъ и живымъ—растеніямъ и животнымъ. Растеніе увеличивается не совнѣ и не въ такомъ произвольномъ и неопредѣленномъ направленіи и объемѣ, какъ выше сказано. Уже въ маломъ сѣмени растеніе точно опредѣлено относительно своей породы, формы и величины. Оно увеличивается постепенно и извнутри, дѣятельностью внутреннихъ силъ и органовъ; при чемъ внѣшнія условія—почва съ заключающимися въ ней питательными веществами, воздухъ и свѣтъ—служатъ только матеріалами, которые растеніе принимаетъ въ себя, перерабатываетъ дѣятельностью своихъ органовъ—и тѣмъ растетъ. Еще яснѣе это видно въ животномъ: животное извнѣ принимаетъ пищу, которую оно внутри себя перерабатываетъ, и такимъ образомъ растетъ всегда по опредѣленному типу, и въ предназначенный ему природою ростъ и величину. При этомъ воспитатель оказываетъ услугу растительному или животному организму тѣмъ, что даетъ ему надлежащіе его природѣ условія и матеріалы и охраняетъ отъ вредныхъ или задерживающихъ вліяній.

Изъ этихъ двухъ способовъ увеличенія и развитія душѣ человѣческой принадлежитъ второй способъ. Не входя въ трудное и рискован-

ное разсмотрѣніе природы души, но руководясь христіанскимъ ученіемъ, при пособіи опытныхъ данныхъ наблюденія надъ собою и другими, мы представляемъ себѣ человѣческую душу, какъ существо отличное и и особое отъ тѣла, хотя съ нимъ тѣсно соединенное и частію отъ него зависящее, но болѣе имъ управляющее,—существо съ своими силами и законами, съ своей формой дѣятельности,—существо, начинающееся и постепенно возрастающее ему свойственнымъ, духовнымъ развитіемъ и ростомъ. Охваченные со всѣхъ сторонъ предметами матеріальными, съ головой погруженные въ бездну вещественнаго міра, мы не можемъ понять и представить существо духовныхъ предметовъ, а представляемъ ихъ только уподобительно предметамъ вещественнымъ. И такъ мы себѣ представляемъ,—съ надлежащей поправкой относительно духовности,—душу, въ началѣ бытія человѣка, въ видѣ малѣйшаго зародыша растительнаго сѣмени, который потомъ, при воздѣйствіи на него внѣшнихъ вліяній, соотвѣтствующихъ его природѣ, постепенно развивается и растетъ внутренними своими силами и по своимъ законамъ, и принимаетъ форму, свойственную своей природѣ.

Воспитаніе народной школы должно состоять въ томъ, чтобы она возбуждала, поддерживала и питала въ учащихся дѣтяхъ душевную жизнь; содѣйствовала бы органическому, внутреннему развитію и росту душевныхъ силъ и способностей въ прежде указанномъ нами, т. е. добромъ, нравственно-религіозномъ, направленіи.

Выражаясь уподобительно, слѣдуетъ въ силахъ душевныхъ различить ихъ, такъ сказать, организацію съ законами дѣйствованія и ихъ содержаніе. Такъ, напримѣръ, разсудокъ человѣческій составляетъ свои понятія, сужденія, заключенія и другія дѣйствія всегда по однимъ опредѣленнымъ формамъ и законамъ; точно такъ по опредѣленнымъ законамъ дѣйствуетъ память, воображеніе. Въ этомъ отношеніи образованіе и воспитаніе можетъ только укрѣпить и усилить способности, сдѣлать ихъ болѣе тонкими и оборотливыми или подвижными, но не можетъ существенно измѣнить природу способностей. Въ отношеніи природы и законовъ душевныхъ способностей и силъ люди такъ же одинаковы, какъ въ отношеніи своего тѣлеснаго состава, различаясь другъ отъ друга лишь тѣмъ, что одинъ повыше, другой по ниже, одинъ сильнѣе, другой слабѣе. Но другое дѣло — содержаніе этихъ способностей: въ области умственной различаются понятія и знанія, въ которыхъ между невѣжественными и просвѣщенными, между научными и вѣрными съ одной стороны и превратными и неосновательными съ дру-

гой—большое разстояніе. Но неизмѣримо бо́льшее разстояніе, въ нравственномъ отношеніи, отъ благодѣтеля человѣчества до изверга и злодѣя, отъ подвижника, который на землѣ уподобляется ангеламъ, до самаго грязнаго развратника. Воспитаніе, содѣйствуя укрѣпленію душевныхъ силъ, особеннымъ образомъ и преимущественно должно направить свои усилія на нравственное облагороженіе и возвышеніе человѣка. Нужно впрочемъ сказать, что природа человѣка, какъ она создана Богомъ, даже и теперь не безразлична въ отношеніи добра и зла. Есть въ ней естественное предрасположеніе къ добру и истинѣ; даже въ падшемъ и грѣшномъ человѣкѣ эти добрыя предрасположенія существуютъ какъ малыя искры подъ пепломъ. При несчастно сложившихся обстоятельствахъ, при безпечности или потворствѣ страстямъ, возникаютъ злыя наклонности и порывы и окончательно погашаютъ все доброе. Но это бываетъ, большею частію, съ теченіемъ времени. Въ ранней же молодости, особенно въ дѣтствѣ, добрыя расположенія еще не загромождены дурными и злыми навыками, и юное дѣтское сердце воспріимчиво ко всему доброму. Такимъ образомъ начальная школа застаетъ въ своихъ питомцахъ возрастъ еще болѣе или менѣе благопріятный для благотворнаго на нихъ воздѣйствія, и этимъ она должна пользоваться. Если пропустить эти годы, и человѣкъ возмужаетъ и вступитъ въ жизнь безъ нравственнаго воспитанія, тогда трудно и даже невозможно будетъ наверстать потерянное время.

III.

Въ растеніяхъ и животныхъ возрастаніе и развитіе идетъ постепенно, періодами, по возрастамъ. И эти возрасты имѣютъ опредѣленное время и продолженіе. Такъ, рожь сѣется съ осени, всходитъ и въ видѣ озими остается до весны. Весною начинаетъ она расти, проходитъ періоды стебля, колошенія, цвѣтенія, наконецъ налива и созрѣванія, до половины іюля. Каждый періодъ въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ довольно точно опредѣлены въ своей продолжительности: нельзя ни одного періода вычеркнуть или передвинуть; нельзя и общую сложность ихъ сократить, чтобы скорѣе получить жатву, какая бы крайняя ни была нужда въ новомъ хлѣбѣ. Въ жизни животныхъ есть періоды, которые рѣзко отличаются одинъ отъ другаго. Насѣкомыя въ постепенномъ ходѣ своего развитія представляютъ три формы, рѣзко отличающіяся одна отъ другой,—личинки, куколки и бабочки. Въ птицахъ рѣзко раз-

личаются два періода жизни: жизнь въ яйцѣ и по выходѣ изъ него. Въ млекопитающихъ также рѣзко различаются жизнь утробная и по рожденіи. Развитіе въ яйцѣ или утробѣ для каждаго вида животныхъ опредѣлено временемъ, такъ рѣзко и строго, что насильственно или искусственно вывести птенца изъ скорлупы или дѣтеныша изъ утробы— значило бы нанести ему существенный и рѣшительный вредъ. Въ жизни человѣка существуютъ три періода, рѣшительно отличающіеся между собою: въ утробѣ матери, по рожденіи въ тѣлѣ, и наконецъ послѣ смерти въ особомъ, обновленномъ состояніи. Первый періодъ продолжается девять мѣсяцевъ; второй, по указанію пророка Давида, семьдесятъ лѣтъ, аще же въ силахъ осьмдесятъ лѣтъ; третій—продолжится безконечные вѣки. И во второмъ періодѣ человѣческой жизни, когда человѣкъ по рожденіи существуетъ на землѣ въ этомъ смертномъ тѣлѣ, также усматриваются постепенно идущіе и смѣняющіеся періоды или возрасты: младенчество, юношество, мужество и старчество. Границы этихъ возрастовъ сливаются до неразличимости; но если взять въ каждомъ возрастѣ его срединное или особо выдающееся состояніе, то мы замѣтимъ рѣзкое различіе одного возраста отъ другаго. Каждый возрастъ имѣетъ свои потребности, формы и условія жизни, свои способы развитія, свои заботы и занятія, свои радости и печали. Каждый возрастъ имѣетъ болѣе или менѣе точно опредѣленное время и продолженіе. Правильный, слѣдовательно здоровый и благонадежный, ходъ жизни состоитъ въ томъ, когда каждый возрастъ проходитъ свою стадію назначеннымъ ему отъ Создателя порядкомъ и срокомъ. Если же замѣчается иногда въ дѣтяхъ склонность ускорять переходъ къ слѣдующему возрасту, то это нетерпѣніе всегда наказывается болѣе или менѣе очевиднымъ, иногда весьма важнымъ и непоправимымъ вредомъ для здоровья.

Такъ какъ душа есть въ такой же степени, только въ иномъ, духовномъ родѣ, живое существо, то и ея жизнь возникаетъ во времени, развивается постепенно и должна проходить своего рода періоды или возрасты. И душевные возрасты должны отличаться одинъ отъ другаго своими потребностями и способами ихъ удовлетворенія, своею дѣятельностію, интересами и заботами и т. д. Народная школа имѣетъ дѣло собственно съ возрастомъ дѣтскимъ, который, при своеобразной особенности, паче всѣхъ послѣдующихъ возрастовъ нуждается въ посторонней помощи и заботливой охранѣ. Поэтому народная школа для правильнаго и должнаго исполненія воспитательной задачи должна *строго*

сообразоваться съ возрастомъ своихъ питомцевъ,—соблюдать продолжительность возрастнаго времени и примѣнять свойственные и потребные этому возрасту способы и матеріалы воспитательные. Ускореніе же воспитательнаго процесса и употребленіе способовъ, приличныхъ болѣе старшему возрасту, естественно и непремѣнно должны привести къ нежелательнымъ и печальнымъ послѣдствіямъ, потому что разстроятъ правильный ходъ развитія души.

IV.

Какими свойствами отличается отроческій—школьный возрастъ.

Душа, какъ духовное и простое, т. е. несложное, существо, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ должна являться вся цѣликомъ; и если въ ней замѣчаютъ разныя дѣятельности и подраздѣляютъ душевную дѣятельность на три области и разныя способности, то это раздѣленіе есть искусственное и придумано для удобства разсмотрѣнія душевной дѣятельности. Три душевныя области суть умъ, воля и сердце: умъ обнимаетъ дѣятельность познавательную и мыслительную, воля—желательную и дѣйствовательную, сердце — чувствительную. Возбужденіе сердечныхъ чувствъ сопровождается бо́льшимъ или мéньшимъ затемнѣніемъ самосознанія; при сильномъ порывѣ чувства, при волненіи сердца человѣкъ даже совершенно не сознаетъ, что говоритъ и дѣлаетъ. Воля имѣетъ бо́льшую степень сознательности, такъ что всякое желаніе, побужденіе, намѣреніе свое человѣкъ можетъ прослѣдить довольно подробно и отчетливо. Но особенно ясною и отчетливою сознательностію отличаются дѣйствія ума, который среди душевныхъ силъ и есть какъ бы свѣточъ, озаряющій душу и дающій человѣку видѣть свои душевныя дѣйствія и управлять ими. Отъ этого безъ сомнѣнія законы и дѣйствія ума подробнѣе изслѣдованы и лучше извѣстны. Законы и формы, порядокъ и сила дѣйствованія каждой душевной области и способности опредѣляются сущностью этихъ способностей,—сущностью, которая такъ же недоступна непосредственному самонаблюденію, какъ и самое существо души. Въ этой недосягаемой для нашего внутренняго взора глубинѣ души коренится общій нераздѣльный, такъ сказать, стволъ душевныхъ способностей и зачинаются зародыши первыхъ нашихъ чувствъ,

мыслей и желаній, понятій и убѣжденій, которые (зародыши) хотя для нашего самонаблюденія незримы и неощутимы, но тѣмъ не менѣе сильны и убѣдительны. Какъ изъ корня, скрытаго подъ землею, выростаютъ стебель и вѣтви съ листьями, цвѣтами и плодами, на украшеніе земли и на радость людямъ; такъ изъ тѣхъ безсознательныхъ, во глубинѣ души сокрытыхъ зачатковъ постепенно вырабатываются и выясняются уже ясно сознаваемыя чувства, побужденія и мысли, которыя тѣмъ крѣпче и жизненнѣе, чѣмъ болѣе и глубже оставались въ зачаточномъ періодѣ. Чѣмъ выше и больше умственное развитіе и образованіе, тѣмъ болѣе одна отъ другой отдѣляются душевныя области и силы. Говорятъ, что нѣмецкіе мыслители могутъ о самыхъ высшихъ предметахъ—о Богѣ, душѣ и вѣчности—ставить себѣ за исходную точку самое отрицательное предположеніе и строго логически вести рядъ выводовъ или строить новыя, тѣмъ предположеніямъ соотвѣтственныя, изслѣдованія, съ неотступною послѣдовательностію; и въ тоже время эти мыслители въ дѣйствіяхъ и въ жизни движутся искреннею вѣрою въ Бога и въ Евангеліе. Въ людяхъ мало развитыхъ и умственно незрѣлыхъ умственная дѣятельность непремѣнно отражается на сердцѣ и волѣ: имъ стоитъ воспринять подобнаго рода логическія, чисто предположительныя разсужденія,—и они теряютъ вѣру, разочаровываются въ самыхъ коренныхъ и дорогихъ для жизни, важныхъ и необходимыхъ понятіяхъ и убѣжденіяхъ. Въ дѣтскомъ возрастѣ подобное, неразрывное и живое единство всѣхъ душевныхъ силъ необходимо и естественно. Но тѣмъ не менѣе эта совмѣстная дѣятельность душевныхъ силъ должна и въ дѣтскомъ возрастѣ выступать какой-нибудь опредѣленной стороною: либо сердцемъ, либо волею, либо умомъ.

Какою же именно стороною выступаетъ душевная дѣятельность въ дѣтскомъ возрастѣ? Въ какой области начинается и пробуждается жизнь душевная?

Первый проблескъ пониманія и разумности младенца есть первая улыбка его матери: онъ узналъ свою мать и съ радостію улыбается ей. Но не сейчасъ же возникла и созрѣла такая высокая для младенца степень пониманія. Она подготовлялась еще раньше; я увѣренъ, что это душевное развитіе началось даже раньше явленія младенца на Божій свѣтъ; первые зачатки душевной жизни я готовъ отнести къ утробной жизни младенца.

Въ утробѣ матери организмъ младенца (не бездушный же кусокъ организованной матеріи) живетъ безъ всякаго своего труда на счетъ

матери, не испытывая колебанія голода и сытости; онъ закрытъ отъ всякихъ непогодъ въ постоянно ровной и высокой температурѣ, около 30 градусовъ по Реомюру. Раждаясь, онъ вдругъ переходитъ въ гораздо низшую температуру, не свыше 18—20 градусовъ; въ его легкія врывается воздухъ, грубое и терпкое дѣйствіе котораго на нѣжные и непривычные дыхательные пути младенца можемъ отчасти представить мы, особенно кто страдаетъ грудью, когда вдругъ выйдемъ на морозный зимній воздухъ и чувствуемъ, что въ груди какъ бы царапаетъ или деретъ что-то. Такимъ образомъ лишь только родится младенецъ, онъ испытываетъ сильный холодъ и раздирающее ощущеніе въ груди; скоро онъ долженъ познакомиться и съ голодомъ—другимъ, не менѣе сильнымъ и жестокимъ ощущеніемъ. Его согрѣетъ и напитаетъ мать. Послѣ этого младенецъ спитъ; но вотъ его пробудилъ опять голодъ и холодъ. Такая смѣна ощущеній голода и холода съ одной стороны, теплоты и насыщенія съ другой, смѣна скорби и страданія съ ощущеніемъ благополучія и радости, повторяющаяся однообразно и въ небольшіе, приблизительно одинаковые, сроки въ продолженіе недѣль и мѣсяцевъ, должна пробудить и развить въ младенцѣ чувство счастія и радости и чувство скорби. И эту радость, это счастіе онъ постоянно находитъ на груди своей матери. Мать нѣжно смотритъ на свое дитя, и хотя въ первыя недѣли послѣ рожденія младенецъ плохо держитъ голову и не можетъ управлять своими глазами, и на лицѣ его нѣтъ никакого выраженія, ни малѣйшаго проблеска чувства или смысла, но вѣдь глаза его открыты, слѣдовательно отраженіе лица матери постоянно входитъ въ его зрачки и падаетъ на сѣтчатую оболочку его глазъ. Такимъ образомъ впечатлѣніе зрѣнія, сначала неловкое и неумѣлое, потомъ постепенно должно изловчаться, углубляться и опредѣляться. Это впечатлѣніе материнскаго лица для младенца соединено съ пріятнымъ и удовлетвореннымъ ощущеніемъ, и въ то же время въ глазахъ материнихъ блеститъ такая любовь. Эта исходящая изъ материнскаго сердца струя любви западаетъ и въ сердце младенца и пробуждаетъ въ его душѣ дѣятельность и жизнь душевную, какъ лучъ восходящаго солнца, падая на глаза спящаго человѣка, пробуждаетъ его. Постепенно и не скоро, но всегда вѣрно и неизмѣнно, это душевное взаимодѣйствіе и какъ-бы соприкосновеніе матери и младенца разрѣшается къ концу нѣсколькихъ недѣль улыбкой и осмысленнымъ взглядомъ: младенецъ узналъ свою мать, и свою радость и счастіе выразилъ улыбкой.

Этотъ ходъ перваго пробужденія душевной жизни и дѣятельности

одинаково повторяется въ каждомъ человѣкѣ, потому что Господь даровалъ каждому младенцу одинъ и тотъ же способъ и источникъ духовнаго пробужденія. Такимъ образомъ первая душевная дѣятельность начинается въ области сердца; но такъ какъ въ началѣ всѣ области нераздѣльно соединены между собою, то вмѣстѣ съ сердцемъ пробуждаются и другія силы душевной дѣятельности—желаніе и смыслъ, только въ видѣ безсознательныхъ зачатковъ. Такое совмѣстное и цѣльное движеніе жизни всей души, съ преобладающею или выдающеюся стороною сердца, и составляетъ отличительную черту дѣтскаго возраста: къ ней и должна примѣниться въ своемъ воспитательномъ воздѣйствіи народная школа.

V.

Въ концѣ четвертой бесѣды мы пришли къ тому заключенію, что душевная жизнь и дѣятельность младенца начинается въ области сердца, и первое чувство есть любовь, которая, въ одно и то же время, есть и пробуждающая сила со стороны матери, и зачинающаяся искра жизни со стороны младенца. Но еще повторю, что здѣсь сердце есть только выдающаяся сторона нераздѣльной души, а на самомъ дѣлѣ на первыхъ же порахъ младенческой жизни уже являются слѣды всѣхъ душевныхъ способностей. Младенецъ смотритъ на мать съ любовію и улыбается, тянется къ ней ручонками, отличаетъ отъ другихъ женщинъ. Вотъ и всѣ три вида душевной дѣятельности: и чувство, и стремленіе, и знаніе. Значитъ, пробужденное чувство поднимаетъ вмѣстѣ съ собою и волю и умъ.

Что же касается до любви, то, по ученію Спасителя, сущность и содержаніе всего закона и пророковъ заключается въ двухъ заповѣдяхъ — любви къ Богу и любви къ ближнему. Первая заповѣдь есть основа и сущность религіи, вторая заповѣдь—основа и сущность нравственности. Такимъ образомъ первый же шагъ, какъ шагъ необходимый и естественный, т. е. Самимъ Творцемъ человѣческой душѣ предначертанный въ ея природѣ, — первый шагъ, говорю, ставитъ человѣка на прямой и свѣтлый путь любви, которая „николиже отпадаетъ“, но должна продолжаться всю жизнь и вступитъ въ нескончаемую вѣчность.

Какъ солнечный лучъ въ призмѣ разлагается на семь цвѣтовъ со множествомъ промежуточныхъ переливовъ и оттѣнковъ, такъ и любовь въ жизни разлагается на множество чувствъ, разнообразныхъ по проявленію и примѣненію, но однородныхъ по сущности: любовь къ Богу

разлагается на стремленіе души къ соединенію съ Богомъ, усердную заботу угодить Богу, благоговѣніе, молитвенную теплоту, страхъ Божій и проч. Любовь къ ближнему проявляется и осуществляется искреннимъ участіемъ въ радости и горѣ ближняго, усердіемъ помочь ближнему, самоотверженіемъ и честностію и проч. словомъ виды и проявленія любви должны быть многочисленны и разнообразны, воплощаясь во всѣхъ качествахъ и дѣйствіяхъ, *„елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродѣтель и аще кая похвала“* (Филип. 4, 8).

Господь, какъ Творецъ и Спаситель, такъ и предназначилъ человѣка къ бо́льшему и бо́льшему исполненію любви; но растленіе и грѣхъ не могли привнести самолюбіе, своекорыстіе, всякую скаредность и плотоугодіе, которыя вопреки любви насаждаютъ злыя качества, къ сожалѣнію, чаще добрыхъ качествъ встрѣчающіяся въ человѣческомъ обществѣ и болѣе знакомыя намъ и надъ нами властныя. Это, по евангельской притчѣ, суть плевелы или терніи, которыя не только заглушаютъ все доброе, но заполоняютъ душу всякимъ зломъ, развратомъ и безбожіемъ.

Въ этой столь тяжкой борьбѣ добра со зломъ воспитаніе и должно придти на помощь добру, должно во имя любви и съ любовію „ускорить“ и „предварить“, чтобы застигнуть человѣка въ дѣтскомъ возрастѣ — чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, и охранять его не часы или дни, а годы. Такимъ образомъ воспитательная задача начальной народной школы должна состоять *въ развитіи и укрѣпленіи любви къ Богу и ближнему во всѣхъ по возможности ея проявленіяхъ.*

V.

Какимъ же образомъ исполнить эту задачу? Какой доступъ наша воспитательная дѣятельность найдетъ въ душу воспитанника, чтобы въ глубинѣ ея произвести прочное и живое развитіе религіозности и нравственности, основанныхъ на любви? Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, взглянемъ на взаимное отношеніе и на дѣйствія душевныхъ способностей, на основаніи опытныхъ наблюденій. Возьмемъ область познавательную, какъ болѣе для насъ явную и извѣстную, и посмотримъ, какъ пріобрѣтается и совершается знаніе. Сначала обратимъ вниманіе на познаніе предметовъ вещественнаго міра, опять по его бо́льшей для насъ доступности. Центральная и движущая сила въ средѣ

познавательныхъ способностей принадлежитъ разсудку, какъ способности мышленія. Въ немъ лежитъ и духъ пытливости, какъ нѣкій духовный голодъ, который можетъ удовлетворяться только знаніемъ; разсудку принадлежитъ еще дѣло построительное и организаторское. Но онъ работаетъ надъ готовымъ матеріаломъ; онъ не создаетъ самъ матеріаловъ и самъ не добываетъ ихъ, а получаетъ ихъ отъ внѣшнихъ чувствъ. Разсудокъ даже не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ предметамъ; это принадлежитъ внѣшнимъ чувствамъ, которыя непосредственно соприкасаются, такъ сказать, съ предметами. Извѣстно, что каждое чувство воспринимаетъ только ему свойственныя стороны и качества предметовъ: зрѣніе—очертаніе, форму, величину, а также цвѣтъ и краски; слухъ — звуки; осязаніе — очертаніе и форму, а также жесткость и мягкость, теплоту и холодъ, сухость и влажность; обоняніе — запахъ; вкусъ—различнаго рода вкусы—кислое, сладкое, горькое и проч. Всю совокупность исчисленныхъ свойствъ мы и воспринимаемъ отъ предметовъ посредствомъ внѣшнихъ чувствъ въ видѣ отдѣльныхъ и разрозненныхъ впечатлѣній и представленій. Внѣ этихъ свойствъ и кромѣ ихъ мы ничего не можемъ представить въ предметахъ матеріальныхъ. Есть несчастные люди — слѣпые или глухіе отъ рожденія: они совершенно лишены тѣхъ представленій зрительныхъ и звуковыхъ, которыя даются зрѣніемъ и слухомъ. Эти отдѣльныя и разрозненныя воспріятія и впечатлѣнія и составляютъ матеріалъ, который разсудокъ обрабатываетъ и строитъ изъ него знаніе: отдѣльныя представленія соединяетъ въ понятія, изъ понятій строитъ сужденія, изъ сужденій — цѣлыя разсужденія. Разсудокъ силой своего мышленія, по свойству и содержанію непосредственныхъ матеріаловъ, можетъ усматривать ихъ неполноту и неправильность или неясность, и можетъ поставить и придумать новые способы наблюденія и опыта; но онъ ставитъ только вопросъ, строитъ предположеніе, а вѣрно оно или нѣтъ, на это должно отвѣтить то или другое внѣшнее чувство. Разсудокъ можно уподобить бухгалтеру, который сводитъ и расчисляетъ цыфры, но самъ ихъ непосредственно не добываетъ, а получаетъ отъ прямыхъ дѣятелей промышленности и торговли. Въ случаѣ ошибки или обмана со стороны послѣднихъ опытный бухгалтеръ можетъ усмотрѣть ошибку, но по сравненію съ другими данными; дѣйствительную же провѣрку его предположенія могутъ доставить лишь сами промышленники или торговцы. Такъ и разсудокъ: его дѣло — сводить, обрабатывать и построивать матеріалы, добытые чувствами. И если человѣкъ имѣлъ несчастіе родиться слѣпымъ или

глухимъ, никогда не испыталъ впечатлѣній зрѣнія или слуха и не имѣлъ зрительныхъ или звуковыхъ представленій, то разсудокъ, какъ бы высоко ни былъ онъ развитъ и образованъ, не можетъ создать ни малѣйшаго въ этомъ родѣ представленія. Чтобы видѣть вдали предметъ, для этого нужны зоркіе глаза: человѣкъ необразованный или дикарь съ здоровыми глазами видитъ предметы лучше ученаго мыслителя, притупившаго надъ книгами свое зрѣніе.

Между дѣятельностію разсудка и чувствъ или, иначе, между мыслями и непосредственными впечатлѣніями можно поставить слѣдующую разницу, какъ признакъ рѣшительный и очевидный: впечатлѣнія чувствъ сразу ясны, опредѣленны и для всѣхъ въ равной степени убѣдительны. Напримѣръ, если будутъ смотрѣть на бѣлое зданіе тысячи людей, всѣ они единогласно назовутъ его бѣлымъ. Напротивъ, въ дѣйствіяхъ разсудка, въ его мысляхъ и разсужденіяхъ нѣтъ такой рѣшительной очевидности и убѣдительности. Въ разсужденіяхъ и мысляхъ разсудка люди могутъ расходиться и спорить: одно и то же разсужденіе для одного убѣдительно, для другаго нѣтъ, одному представляется истиннымъ и несомнѣннымъ, а другому ложнымъ или сомнительнымъ. Вотъ эти черты, — рѣшительная очевидность и несомнѣнная убѣдительность, не допускающія никакихъ противорѣчій,—и составляютъ характерный признакъ непосредственныхъ впѣчатленій внѣшнихъ чувствъ.

Кромѣ міра вещественнаго есть міръ духовный, столь же обширный или даже безконечный. Есть духовныя существа: Богъ, Ангелы, души человѣческія. Есть міръ нравственный, который обнимаетъ нравственныя свойства и дѣйствія. Если человѣку необходимо для матеріальной жизни познаніе вещественнаго міра, то познаніе міра духовнаго и нравственнаго еще болѣе необходимо для жизни духовной, которая гораздо выше и дороже, незамѣнимѣе жизни тѣла. Спаситель сказалъ: *„Кая польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ?“* (Мато. 16, 26). И въ другомъ мѣстѣ: *„Ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ“*.

Какъ же человѣкъ познаетъ предметы духовные и нравственные? По вышеизложенной аналогіи міра вещественнаго мы утверждаемъ, что разсудокъ понятія о духовныхъ и нравственныхъ предметахъ обрабатываетъ и построеваетъ, приводитъ въ систему, создаетъ цѣлыя науки; но непосредственнаго воспріятія или соприкосновенія съ этими предметами самъ разсудокъ имѣть не можетъ. Для этого въ душѣ должны существовать особыя стороны, какъ бы органы чувствъ. Древніе называли умъ

какъ силу происхожденія Божественнаго, непосредственно соприкасающуюся съ Богомъ и съ нравственнымъ міромъ и проводящую въ душу человѣка духовное озареніе. У насъ умъ — синонимъ разсудка или общее названіе познавательной области. Мы, теперь, положимъ ли способность непосредственнаго воспріятія духовныхъ и нравственныхъ предметовъ въ совѣсти или въ сердцѣ, или въ иномъ болѣе глубокомъ и таинственномъ уголкѣ души, но только эта драгоцѣнная способность непремѣнно должна быть въ душѣ человѣческой: безъ нея человѣкъ былъ бы слѣпъ и глухъ къ духовнымъ предметамъ и никакое образованіе, никакая ученость не могла бы вознаградить этого недостатка. Въ существованіи подобной непосредственно воспринимающей способности въ душѣ мы убѣждаемся вышепоставленнымъ признакомъ—очевидностію и несомнѣнною убѣдительностію. Такая несомнѣнная убѣдительность и всеобщая очевидность принадлежитъ и впечатлѣніямъ духовнымъ и нравственнымъ. Это всего лучше проявляется въ такихъ дѣяніяхъ, когда человѣкъ, напримѣръ, для спасенія другихъ рѣшается жертвовать жизнію и проявляетъ особенную силу и доблесть духа. Представимъ себѣ пожаръ. Пылаетъ огромный пятиэтажный домъ. Въ сумятицѣ остался забытый ребенокъ. И вотъ человѣкъ по подставной лѣстницѣ быстро взбирается на второй или третій этажъ и сквозь дымъ и пламя выноситъ дитя. Пусть смотрятъ на это дѣло тысячи людей. Взоры всѣхъ прикованы будутъ къ этому человѣку; замолкнутъ разговоры; дыханіе притаится; всѣ будутъ слѣдить за отважными движеніями этого человѣка. И если ему Богъ поможетъ благополучно совершить свой подвигъ, всѣ тысячи народа съ одинаковою силою и искренностію одобрятъ этотъ поступокъ; а если онъ въ этомъ огнѣ погибнетъ, всѣ съ такою же опять одинаковою и сильною искренностію пожалѣютъ его. Всѣ назовутъ его поступокъ высокимъ и святымъ. Другой родъ впечатлѣній, имѣющихъ такую же неотразимую и общедѣйствительную силу, относится къ неповинному страданію. Эти впечатлѣнія мнѣ очень памятны. Насъ было въ семьѣ шесть человѣкъ дѣтей. Иногда по вечерамъ оставалась съ нами старушка, вдовая дьяконица Васильевна, мастерица разсказывать сказки. Насъ неотразимо трогало повѣствованіе о томъ, какъ братъ съ сестрой, по проискамъ лихой мачехи, терпѣли всякія напасти и чуть было не были зарѣзаны. Мы всѣ навзрыдъ плакали: но были очень удовлетворены жестокимъ наказаніемъ мачехи. Это такое же неотразимое и строго опредѣленное впечатлѣніе невиннаго страданія съ одной стороны и явной несправедливости и злости съ другой. И

кто внушаетъ дѣтямъ такое сильное и живое правосудіе, которое сдѣлало бы честь ученому законовѣду? Впечатлѣніе нравственное, зависящее отъ свѣжести и воспріимчивости сердца или совѣсти, особенно сильно дѣйствуетъ въ возрастѣ юномъ, дѣтскомъ, и грубѣетъ болѣе и болѣе съ возмужалыми годами. Это явленіе объясняетъ слова Спасителя: *„Исповѣдую Ти ся, Отче небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси та младенцемъ. Ей Отче, яко тако бысть благоволеніе предъ Тобою“* (Матѳ. II, 25). Всѣ отрицатели были болѣе или менѣе образованные, даже ученые люди; но не должно смущаться ихъ ученымъ авторитетомъ, потому что они слѣпы и глухи въ дѣлахъ вѣры и нравственности, и каждый младенецъ больше ихъ въ царствіи небесномъ, потому что искреннѣе вѣруетъ и горячѣе любитъ.

VII.

Эй Отче, яко тако бысть благоволеніе предъ Тобою. Такая воля Отца Небеснаго должна быть выражена Господомъ, какъ законъ созданной Имъ природы. Въ природѣ существуетъ тотъ общій, повсемѣстный законъ, что самыя необходимыя для существованія и жизни дѣйствія совершаются по непосредственному и непререкаемому побужденію природы, или, какъ говорятъ, инстинкта, притомъ всегда такъ общеобязательно, цѣлесообразно и безошибочно, что жизнь черезъ это ограждается отъ случайностей и ошибокъ произвола. Въ животныхъ и насѣкомыхъ этотъ законъ особенно дѣйствителенъ и очевиденъ. Обратимъ вниманіе, напримѣръ, на многочисленное, согласное и трудолюбивое общежитіе и изумительно точныя работы пчелъ, на устройство жизни муравьевъ, на періодическія путешествія перелетныхъ птицъ, которыя отъ лѣтнихъ тропическихъ жаровъ улетаютъ въ умѣренныя страны и здѣсь за лѣто успѣваютъ свить гнѣзда, вывести птенцовъ и выростить ихъ до такой степени, что осенью они способны вмѣстѣ со старыми летѣть въ теплыя страны. У животныхъ и насѣкомыхъ весьма много удивительныхъ приспособленій въ устройствѣ жилищъ, въ добываніи пищи, въ защитѣ отъ враговъ, въ ухаживаніи за дѣтенышами и т. д. и т. д. Подобныя дѣйствія, отличающіяся характеромъ непреложности и безошибочной цѣлесообразности, и притомъ всегда равной степени совершенства, безъ постепеннаго ученія или усовершенствованія,— дѣйствія несомнѣнно мудрыя, принадлежатъ не собственному уму и знанію животныхъ, у которыхъ и нѣтъ ни того, ни другаго, а это есть

премудрость Создателя, вложенная въ природу Его тварей съ необходимостью естественнаго закона, тѣмъ болѣе удивительнаго, что животныя, повидимому, обладаютъ полнымъ произволомъ, а между тѣмъ исполняютъ свой жизненный законъ съ механической необходимостію.

Въ человѣкѣ также есть рядъ дѣйствій, которыя постоянно необходимы для его тѣлесной жизни и исполняются имъ такъ же неотмѣнно, цѣлесообразно, всегда вполнѣ безошибочно и дѣйствительно; напримѣръ, младенецъ лишь только явился на свѣтъ, уже сосетъ грудь матери,—исполняетъ весьма сложныя движенія и приспособленія губъ и всего рта, дыхательнаго и пищепріемнаго горла, безъ всякаго ученія и упражненія, а сразу вполнѣ умѣло. Это необходимо младенцу для его жизни; иначе онъ могъ бы умереть съ голоду, прежде чѣмъ научился бы питаться молокомъ матери. Это походитъ на тотъ фактъ, что въ нашемъ организмѣ мышцы и нервы, управляющіе существенно необходимыми для жизни и безостановочно совершающимися движеніями: пищевареніемъ, кровообращеніемъ и дыханіемъ, изъяты изъ нашаго управленія и произвола, даже изъ нашего сознанія. И это благодѣтельно для нашей жизни, направляя ходъ ея съ такою же неуклонною точностію и исполнительностію, съ какою, напримѣръ, текутъ по своимъ путямъ небесныя тѣла.

И въ душѣ человѣческой есть такіе глубокіе и для жизни души необходимые процессы или дѣйствія и расположенія: ихъ точно такъ же Создатель, Отецъ Небесный, насадилъ въ самомъ существѣ души, какъ необходимый законъ и движущую силу душевной жизни. Тутъ въ душѣ человѣка творятся истинныя чудеса, еще раньше чѣмъ онъ станетъ понимать и чувствовать себя, слѣдовательно помимо его разсужденія и произвола. Къ такимъ непосредственнымъ дѣйствіямъ души относится фактъ языка. Нѣтъ ни одного народа даже самаго дикаго, который бы не обладалъ языкомъ. Языки весьма разнообразны въ своей звуковой системѣ, и въ значеніи отдѣльныхъ словъ, и въ этимологическомъ образованіи ихъ, и словосочиненіи, въ складѣ рѣчи, хотя всѣ въ главныхъ логическихъ основахъ носятъ общій характеръ единой природы ума человѣческаго. Языки, говорю, разнообразны, иные богаты, другіе бѣдны, но въ своемъ построеніи и системѣ всѣ въ равной степени удивительны и мудры,—высокообразованные и ученые изыскатели посредствомъ научныхъ пріемовъ стараются открыть и опредѣлить законы языковъ, и не могутъ опредѣлить точно и ясно эти законы даже своего роднаго языка, которымъ безошибочно и свободно владѣютъ не

только они, эти ученые языковѣды, но и каждый простолюдинъ. Какъ создался языкъ, когда это случилось—этого никто не знаетъ и не помнитъ, только сравнительныя изслѣдованія языкознанія удостовѣряютъ, что языкъ произошелъ въ весьма отдаленной древности; а откровеніе Божіе намъ прямо говоритъ, что человѣкъ, какъ только былъ сотворенъ Богомъ, уже владѣлъ языкомъ и могъ дать имена всѣмъ животнымъ, которыхъ Господь привелъ къ нему.

Непосредственнымъ дѣйствіямъ, тѣлеснымъ ли или душевнымъ, противопоставляются дѣйствія свободныя, т. е. зависящія отъ человѣческаго произвола, который направляется и обусловливается разсужденіемъ и соображеніемъ. Человѣческія соображенія, замыслы и разсужденія у разныхъ людей разныя, — нерѣдко бываютъ ошибочны и въ исполненіи неудачны или совсѣмъ вредны, словомъ, вовсе не имѣютъ той непогрѣшимости и непремѣнной цѣлесообразности и успѣшности, во всѣхъ людяхъ одинаковости, какими отличаются дѣйствія непосредственныя.

Непосредственною и непререкаемою точностію и дѣйствительностью должны быть запечатлѣны и первыя возбужденія и внутреннія дѣйствія и расположенія въ душѣ, составляющія процессъ ея развитія и жизни, ибо они существенно необходимы для жизни духовной, въ той степени необходимы, какъ для тѣла кровообращеніе, дыханіе, пищевареніе. Сюда именно относится возбужденіе религіозное и нравственное, о непремѣнномъ возникновеніи котораго съ самаго ранняго дѣтства мы уже сказали выше. Чтобы сколько-нибудь, хотя уподобительно, уяснить себѣ ходъ развитія въ дѣтской душѣ религіозныхъ и нравственныхъ чувствъ, воспользуемся аналогіей растительнаго зародыша. Сѣмя можетъ пролежать безъ прозябенія тысячи лѣтъ; въ египетскихъ муміяхъ находили пшеничныя зерна современныя фараонамъ, которыя посѣяны, взошли и уродили прекрасную пшеницу. Для того, чтобы сѣмя прозябло, на него должны со внѣ подѣйствовать возбуждающія средства и питательныя вещества: свѣтъ и теплота, воздухъ и влажность. Подъ вліяніемъ этихъ средствъ пробуждается жизнь въ зародышѣ, и онъ развивается и растетъ. Подобно этому и въ душѣ младенца съ самаго перваго момента его бытія, какъ только начинаетъ существовать душа, такъ долженъ быть въ ней зародышъ религіозно-нравственныхъ чувствъ и расположеній; но требуются для нихъ возбужденія и развитія внѣшнія средства. Тутъ мѣсто луча солнечнаго занимаетъ, какъ мы видѣли, для всѣхъ видимая и ощутимая любовь матери и невидимая, таинственная, но

для младенческой души, надо вѣровать, осязательная, любовь Божія. Дальнѣйшее же развитіе въ дѣтяхъ религіозности совершается примѣрами матери и отца и другихъ взрослыхъ людей.

Для аналогическаго уясненія хода дѣтскаго развитія обратимся опять къ языку. Меня всегда изумляло, какимъ образомъ неразумныя дѣти, еще ничего не понимающія, въ три-четыре года овладѣваютъ своимъ языкомъ и научаются правильно употреблять этимологическія формы и синтаксическія правила и болѣе или менѣе глубоко и вѣрно усванвать значеніе словъ, когда языку никто ихъ не учитъ и никто его не объясняетъ. И всякій ребенокъ непремѣнно и вполнѣ научается своему родному языку, и въ ни одномъ народѣ ни одинъ ребенокъ не остается не усвоившимъ вполнѣ своего роднаго языка, кромѣ развѣ идіотовъ и больныхъ. А между тѣмъ, когда мы учимся уже болѣе или менѣе въ зрѣломъ возрастѣ чужимъ языкамъ, то, даже при учителяхъ и при всѣхъ книжныхъ и другихъ пособіяхъ и усовершенствованныхъ способахъ, какъ трудно и не скоро дается знаніе языковъ; большинство учащихся далеко но овладѣваетъ ими, а главное едва ли когда получится то вѣрное, рѣшительное и глубокопроницающее пониманіе внутреннихъ законовъ языка самостоятельное владѣніе всѣми его средствами и матеріалами, съ какими, напротивъ, владѣетъ человѣкъ роднымъ языкомъ, какъ полный его хозяинъ.

Какимъ образомъ малолѣтній ребенокъ научается родному языку? Никто изъ насъ не помнитъ своего собственнаго опыта, но наблюденіе надъ дѣтьми можетъ, въ нѣкоторой степени, пояснить это дѣло. Въ простыхъ и сельскихъ семьяхъ, незнакомыхъ съ искусственными способами и пріемами обученія, съ дѣтьми никто не занимается, не толкуетъ, а тѣмъ не менѣе дѣти выучиваются языку. Они слышатъ слова и разговоры. Сначала, конечно, всѣ звуки говорящихъ для нихъ сливаются, и дѣтскій слухъ не можетъ ихъ различитъ и уловить, только постепенно привыкаетъ онъ слушать и пріучается различать звуки. И вотъ младенецъ какъ бы на лету выхватитъ изъ разговора какое-нибудь отдѣльное слово, которое на него особенно подѣйствовало, затверживаетъ его иногда съ бо́льшимъ или ме́ньшимъ сокращеніемъ и искаженіемъ звуковъ; значеніе слова въ предметахъ видимыхъ онъ узнаетъ по тѣмъ указаніямъ или намекамъ, часто весьма быстрымъ, мимолетнымъ, какіе при произнесеніи этого слова сдѣланы говорящимъ. Такъ мало-по-малу ребенокъ заучиваетъ нѣсколько названій видимыхъ и подручныхъ пердметовъ, узнавая ихъ значеніе по наглядности. Въ предме-

тахъ отвлеченныхъ, въ названіяхъ качествъ младенецъ усваиваетъ значеніе ихъ, — полагаю,—лишь въ общихъ чертахъ, по тому тону и выраженію, съ какимъ подобныя названія произносятся взрослыми. Слова *умный*, *хорошій*, какъ одобрительныя, произносятся тономъ ласковымъ и симпатичнымъ; слово *глупый* и тому подобныя порицательныя выраженія произносятся топомъ рѣзкимъ, бранчивымъ, съ сердитымъ или недовольнымъ выраженіемъ лица, съ нетерпѣливыми и рѣзкими порывами всего тѣла. Подобныя тонкія и болѣе или менѣе быстрыя черты и тоны ребенокъ схватываетъ на лету. Иногда кажется, будто онъ не слушаетъ васъ и не смотритъ, занятый своими игрушками, а между тѣмъ всякую мелочь замѣчаетъ и послѣ при случаѣ повторяетъ. Если сравнить это дѣтское изученіе роднаго языка съ тою заботливостію, продолжительностію и разными нарочитыми толкованіями, при помощи которыхъ мы взрослые научаемся другимъ языкамъ, то дѣтская находчивость и проницательность, быстрота пониманія и вѣрность опредѣленія—изумительны, и несомнѣнно доказываютъ, что сила мысли съ самаго дѣтства существуетъ въ душѣ человѣческой, какъ нѣкая живородящая и воспріимчивая сила, которой достаточно самаго ничтожнаго намека, чтобы въ ней возникло и зародилось понятіе и знаніе. Эта же изумительная живородящая сила человеческой мысли дѣйствуетъ въ глухонѣмыхъ, которые, не слыша ни одного звука, научаются излагать свои мысли и понимать другихъ на письмѣ и даже въ разговорѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ вмѣстѣ съ языкомъ какъ дитя, такъ и глухонѣмой, пріобрѣтаютъ массу понятій и свѣдѣній.

VIII.

Предыдущіе факты приведены мною въ доказательство того, что въ душѣ младенца находится самостоятельная, живая и дѣятельная сила, которая, какъ растительный зародышъ, требуетъ только внѣшняго возбужденія, чтобы начать свое органическое развитіе и ростъ. Теперь я желалъ бы показать, въ какомъ примѣрно порядкѣ совершается это развитіе душевной жизни и какими особенностями оно обозначается.

Въ дѣтскомъ возрастѣ можно подраздѣлить три части: первая—младенчество, когда безпомощное дитя нуждается въ непрестанномъ попеченіи матери; оно постоянно на рукахъ и только понемногу начинаетъ ходить. Это приблизительно продолжается до полутора года или до двухъ лѣтъ. Къ этой части дѣтскаго возраста, относятся тѣ первыя

впечатлѣнія и воспріятія любви, которыя изображены въ предыдущей, седьмой бесѣдѣ. Даръ слова въ это время только что начинаетъ упражняться въ самыхъ простыхъ и любимыхъ дѣтскихъ словахъ: мама, папа, баба.

Вторая часть дѣтскаго возраста—приблизительно отъ 2 до четырехъ или пяти лѣтъ. Ребенокъ свободно ходитъ, можетъ питаться всякою пищею наравнѣ съ взрослыми. Душевныя силы ожидаютъ дальнѣйшаго движенія и развитія, но дитя не выходитъ изъ предѣловъ своей родной семьи и еще пассивно воспринимаетъ внѣшнія впечатлѣнія. Этотъ періодъ дѣтской жизни отличается подражательностью. Дитя старается дѣлать то, что дѣлаютъ его родители или старшіе въ семействѣ. Въ семействѣ образованномъ и грамотномъ, гдѣ часто читаютъ и пишутъ, ребенокъ беретъ книгу, иногда вверхъ ногами, и озабоченно бормочетъ—это онъ читаетъ; или возьметъ листокъ бумаги и карандашъ и ведетъ каракули—это онъ пишетъ. Маленькій сынъ кучера, насмотрѣвшись какъ его отецъ правитъ конями, запряженными въ экипажъ, привязываетъ бечевочки къ ножкамъ стула или стола, усаживается на полъ, забравши въ руки эти бечевки, какъ возжи, и начинаетъ править, какъ будто лошадьми, дергаетъ возжами, подхлестываетъ воображаемыхъ лошадей и горячится какъ настоящій кучеръ. Въ семействѣ духовныхъ, священно и церковнослужителей, дѣти подражаютъ службамъ церковнымъ—поютъ, возглашаютъ эктеніи, кадятъ и т. под. Дѣвочки подражаютъ занятіямъ своихъ матерей, стряпаютъ, потчуютъ гостей, учатъ и наказываютъ дѣтей и т. под. Вообще дѣти подражаютъ старшимъ членамъ семьи, особенно своимъ родителямъ; но здѣсь то замѣчательно, что дѣтское подражаніе не ограничивается только внѣшними молчаливыми занятіями или дѣйствіями, а непремѣнно сопровождается разговорами, выраженіями и волненіями. Замѣтенъ явный перевѣсъ внутренняго состоянія надъ внѣшнимъ дѣйствіемъ. Внутреннее одушевленіе ребенка до такой степени овладѣваетъ имъ, что въ запряженномъ стулѣ, или въ кусочкахъ глинянаго тѣста, вообще въ предметахъ, которые даже никакого сходства не имѣютъ съ дѣйствительными вещами, ребенокъ видитъ настоящихъ коней, настоящіе пироги, настоящую утварь, настоящее дѣло. А что онъ по-своему дѣлаетъ дѣйствительное дѣло, а не играетъ, это видно изъ его продолжительнаго и серьезнаго, углубленнаго занятія. Отсюда надо заключить, что вторую ступень развитія дѣтской души обусловливаютъ явленія дѣйствительной жизни, какія находятся въ данномъ семействѣ, по его состоянію, быту

и роду занятій. И тѣмъ возбудительнѣе для ребенка явленія семейной жизни, чѣмъ болѣе въ нихъ искренности, глубины душевной, жизненной необходимости, настойчивости и силы; чѣмъ болѣе въ нихъ проявляется душевная сила. Душевная-то сила старшихъ и передается въ душу ребенка и возбуждаетъ ее, а не внѣшнія дѣйствія сами по себѣ. Въ семействѣ, особенно многолюдномъ и тѣсно помѣщенномъ, состоящемъ изъ лицъ разнаго возраста и пола и разныхъ между собою отношеній, могутъ быть и дѣйствительно бываютъ разнообразныя положенія и дѣйствія, но не всѣ они воспринимаются ребенкомъ, многаго онъ вовсе не замѣчаетъ и какъ бы не видитъ. Это значитъ, что въ немъ нѣтъ потребности или воспріимчивости къ явленіямъ такого рода. Между тѣмъ иныя явленія, даже скоропреходящія и мимолетныя, ребенокъ быстро воспринимаетъ и усваиваетъ: это значитъ, что въ природѣ души его, въ данномъ періодѣ, какъ бы на очереди стоятъ и требуютъ движенія и удовлетворенія такія именно потребности,—преимущественно потребности религіозныя и нравственныя. Въ этотъ главнымъ образомъ періодъ дѣтской жизни полагаются начала божественнаго чувства и молитвы. Это также происходитъ путемъ подражанія, но возбуждающая религіозно-молитвенная сила родственнѣе для души ребенку, доступнѣе и дѣйствительнѣе. Нужно только, чтобы божественное и религіозное чувство въ ребенкѣ возбуждалось дѣйствительными, искренними, изъ глубины души исходящими религіозными чувствами и расположеніями взрослыхъ, ибо чѣмъ глубже и сильнѣе эти чувства и расположенія, тѣмъ явственнѣе выразятся они въ голосѣ, положеніи, лицѣ и т. под. Мать или бабушка, наканунѣ праздника, затепливъ предъ св. иконой лампадку, молится, кладетъ на себѣ крестное знаменіе, кланяется, становится на колѣни; въ лицѣ ея отражается умиленіе; твердитъ она молитвы не многословныя, но голосомъ искреннимъ и умиленнымъ. Бываютъ въ семействахъ несчастія: заболитъ, умретъ кто-нибудь,—та же родная женщина еще съ бо́льшею горячностію и со слезами молится Богу. Подобная молитва сильно дѣйствуетъ на ребенка, и душа его непосредственно и живо проникается тѣмъ религіознымъ умиленіемъ и искреннимъ богопочтеніемъ, которыя проявляются въ выраженіи лица и особенно въ голосѣ, исходящемъ изъ души и звучащемъ глубокими и сердечными ощущеніями. Въ добрыхъ русскихъ семействахъ имя Божіе и молитва постоянно на устахъ, постоянно творится крестное знаменіе. Ребенокъ имѣетъ ежедневно много случаевъ воспринимать молитвы и благочестивыя дѣйствія и расположенія. Приносятъ младенца

въ церковь, здѣсь онъ видитъ святыя иконы, священнослужителей въ облаченіяхъ, народъ молящійся, слышитъ пѣніе. Онъ не понимаетъ словъ, но вся совокупность того, что онъ видитъ и слышитъ въ церкви, производитъ на него впечатлѣніе, пробуждающее постепенно въ немъ религіозное чувство и расположеніе. Разъ одинъ мужчина принесъ въ нашу семинарскую церковь ребенка лѣтъ двухъ, котораго онъ держалъ на рукахъ. Когда діаконъ песильнымъ теноромъ читалъ эктенію, ребенокъ вторилъ въ его тонъ, но когда пѣли пѣвчіе, хотя гораздо громче, ребенокъ молчалъ. Какъ опять начиналъ говорить дьяконъ, ребенокъ опять велъ голосъ въ тонъ дьякона; и это повторилось нѣсколько разъ, такъ что отецъ вышелъ съ нимъ изъ церкви. Это напомнило мнѣ извѣстный въ физикѣ законъ, что струна или другое звучащее тѣло отзывается на созвучные тоны. И въ душѣ того младенца внутреннія струны отзывались на голосъ діакона, который дѣйствительно былъ симпатиченъ. Такъ и вообще должна находить отголосокъ въ дѣтской душѣ церковная служба.

Въ этотъ второй періодъ ребенокъ въ значительной степени усваиваетъ языкъ, прислушиваясь къ разговору старшихъ членовъ семьи. При этомъ онъ возбуждается и проникается больше тѣми разговорами, гдѣ глубже и живѣе, симпатичнѣе выражаются сердечныя движенія и чувства.

Третья часть дѣтскаго возраста—преддверіе отрочества, отъ пяти до десяти лѣтъ. Ребенокъ пассивнымъ путемъ уже достаточно принялъ впечатлѣній въ тѣсномъ кругу семейства и отчасти подготовилъ свои силы къ дальнѣйшему развитію; подросъ и укрѣпился и тѣлесный организмъ его. Теперь кругъ его дѣятельности расширяется; влекомый любознательностію, удальствомъ, эстетическимъ наслажденіемъ, онъ бѣжитъ въ поле, въ лѣсъ, взбирается на деревья, на горы, отваживается плавать, любопытствуетъ слушать разговоры и проч. Здѣсь, слѣдовательно, поле воспріятій для ребенка гораздо шире, предметовъ и явленій больше, они разнообразнѣе. Дѣтская душа не на пей впрочемъ эти явленія и предметы сразу набрасывается съ одинаковою силою и стремительностію, по индивидуальному своему расположенію, инстинктивно и безсознательно, но дѣйствительно и непремѣнно ребенокъ дѣлаетъ выборъ между предметами и явленіями — вдохновляется и проникается наиболѣе потребными и сочувственными ему. Въ этомъ періодѣ продолжается усвоеніе и развитіе религіозныхъ и нравственныхъ впечатлѣній. Ребенокъ такого возраста уже чаще можетъ бывать въ церкви,

болѣе можетъ вслушиваться въ возгласы, эктеніи и напѣвы, всматриваться въ усердную и умиленную молитву предстоящихъ; можетъ встрѣчать и даже участвено сопровождать или раздѣлять такія сильныя и глубоко дѣйствующія явленія, какъ похороны; можетъ видѣть и встрѣчать разнаго рода несчастныхъ, больныхъ, слѣпыхъ, голодныхъ и холодныхъ, сиротъ и вдовъ, оборванныхъ и безпомощныхъ. Эти явленія возбуждаютъ въ ребенкѣ глубокую и искреннюю жалость и участіе. Онъ готовъ отдать все свое, чтобы помочь страждущему; онъ страдаетъ такъ же сильно и болѣзненно, какъ будто самъ испытываетъ это несчастіе. Случается ребенку этого же возраста видѣть въ своемъ ли или чужомъ семействѣ семейныя радости, церковные праздники, — въ немъ развиваются и воспитываются чувства радости, счастія, безкорыстнаго сочувствія къ ближнимъ, участія въ чужихъ радостяхъ. Бываютъ въ семействахъ раздоры, обиды и побои, или же внѣ своего дома натолкнется ребенокъ на какую нибудь драку, когда одинъ обижаетъ другаго, — возникаетъ болѣзненное чувство обиды, несправедливости, незаслуженнаго страданія. Словомъ, ребенокъ въ этомъ періодѣ можетъ встрѣчать разнообразныя явленія жизни, которыя пробуждаютъ въ немъ тѣ или другія нравственныя ощущенія и душевныя состоянія.

Все что сказано доселѣ, всѣ эти событія и явленія жизни, среди которыхъ воспитывается ребенокъ, относятся преимущественно къ простому быту сельскаго крестьянскаго населенія. Но, какъ мнѣ думается, простая-то крестьянская обстановка всего болѣе должна благопріятствовать пробужденію и органическому развитію дѣтской души. Занятія крестьянскія — самыя доступныя и простыя, мысли и разговоры—прямые и доступные, такъ что дѣти способны многое понимать и даже принимать участіе. Кромѣ того, сельскія дѣти непосредственно видятъ великолѣпныя явленія природы и настоящіе лѣса, поля, луга, стада и табуны.

Но такъ какъ дѣти воспринимаютъ внѣшнія впечатлѣнія болѣе или менѣе пассивно, хотя и не безъ выбора и самодѣйствія со стороны собственной души, то въ душу ребенка могутъ западать и дурныя впечатлѣнія и заражать юную душу. Не разсудительно дѣлаютъ иногда старшіе братья и члены семьи, что дразнятъ ребенка, забавляясь его досадой и раздраженіемъ: это досадное и раздраженное чувство легко можетъ укорениться въ сердцѣ зародышемъ гнѣва, злобы, мстительности и т. п. Но несравненно вреднѣе вліяніе тѣхъ людей, которые умышленно и неумышленно научаютъ ихъ сквернословію, разврату, кощун-

ству и богохульству; къ таковымъ развратителямъ вполнѣ идутъ слова Спасителя, которыя Господь сказалъ, указывая на отроча: *Иже аще соблазнитъ единого малыхъ сихъ вѣрующихъ въ Мя, уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его и потонетъ въ пучинѣ морстѣй. Горе міру отъ соблазнъ: нужда бо есть пріити соблазномъ: обаче горе тому, имже соблазнъ приходитъ* (Матѳ. 18, 6 и 7).

IX.

Изъ семьи дѣти, въ возрастѣ 7—10 лѣтъ вступаютъ въ начальную школу. По роду и мѣсту моего служенія, я буду говорить собственно о сельской народной школѣ и о дѣтяхъ сельскаго, преимущественно крестьянскаго, населенія.

Въ настоящее время педагогическое и дидактическое ученіе дошло и до такихъ скромныхъ и захолустныхъ мѣстъ, каковы сельскія школы. Въ большинствѣ случаевъ сельская народная школа располагаетъ уже, такъ сказать, научными, вѣрнѣе же сказать, искусственными, придуманными средствами и способами воспитанія и обученія. Посему разница между предыдущимъ семейнымъ воспитаніемъ дѣтей и школьнымъ теперь ихъ образованіемъ такая, какъ между непосредственно-естественнымъ и научно-придуманнымъ. Непосредственно-естественное воспитаніе, ограничиваясь болѣе или менѣе тѣснымъ кругомъ умѣній и понятій, принадлежащихъ цѣлой семьѣ или даже цѣлому народу (кочевому, земледѣльческому, звѣроловному и т. п.), отличается зато своею крѣпостью, непремѣнною и всеобщею удачностью и несомнѣнностью: благодаря непосредственно-естественному воспитанію всякій членъ такой сямьи или народа все умѣетъ сдѣлать, умѣетъ поддержать свой бытъ и образъ жизни, вполнѣ пріученъ къ своимъ мѣстнымъ и климатическимъ, иногда очень тягостнымъ, условіямъ, глубоко и искренно пропитанъ вѣрованіями, понятіями, преданіями и знаніями своей семьи и своего народа. Такъ чрезъ долгіе вѣка крѣпко сохраняются народный бытъ и народныя понятія и преданія, народныя симпатіи и расположенія, и только весьма медленно и постепенно развиваются и совершенствуются. Напротивъ того, школа, и именно новая, обладаетъ массой научныхъ свѣдѣній и понятій; вооруженная педагогическими и дидактическими средствами, она готова бы вложить въ сельское юношество все то доброе, свѣтлое, разумное и высокое, что выработано научными трудами всего человѣчества. Но, задаваясь такими широкими цѣлями,

нерѣдко она далеко уступаетъ тому непосредственному воспитанію въ прочности, жизненности и силѣ. Школа новѣйшаго склада, конечно въ лицѣ своихъ неофитовъ, пренебрегаетъ тѣмъ скромнымъ домашнимъ развитіемъ, съ которымъ дѣти являются въ нее. Она походитъ на зодчаго, который возводитъ свой домъ на материкѣ или на скалѣ, но вѣдь онъ лишь стоитъ на этомъ грунтѣ, не имѣя съ нимъ живой связи. Школа, какъ мѣсто воспитанія и образованія человѣка, должна уподобляться садовнику, который прививаетъ къ дикому дереву облагороженный и улучшенный сортъ: улучшенная вѣтка такъ прилаживается къ дичку, что срастается съ нимъ, изъ него получаетъ соки и питательные матеріалы, ими растетъ и развивается,—и все дерево, въ живомъ, органическомъ единеніи приноситъ уже не терпкіе и кислые, а нѣжные и сладкіе плоды. Начальная народная школа должна твердо помнить свою задачу органическаго, живаго развитія и воспитанія дѣтей. Помня это, она, безъ сомнѣнія, наблюдетъ въ своемъ воздѣйствіи принадлежащія душевному возрасту дѣтей свойства и надлежащую соразмѣрность съ ихъ развитіемъ.

Существующіе у насъ виды народной школы: министерская, земская и церковно-приходская, должны имѣть, и въ сущности имѣютъ, одну цѣль, одну задачу—воспитательную, нравственно-религіозную. Во всѣхъ нихъ назначены къ преподаванію приблизительно одни и тѣ же предметы. Въ положеніи о начальныхъ народныхъ училищахъ25 мая 1874 года (ст. 3) предметами учебнаго курса этихъ училищъ назначены: а) Законъ Божій (краткій катихизисъ и священная исторія); б) чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати; в) письмо; г) первыя четыре дѣйствія ариѳметики и д) церковное пѣніе, гдѣ преподаваніе его будетъ возможно. Въ правилахъ о церковно-приходскихъ школахъ 1884 года назначены къ преподаванію: 1) Законъ Божій (и именно: а) изученіе молитвъ; б) священная исторія и объясненіе богослуженія; в) краткій катихизисъ); 2) церковное пѣніе, 3) чтеніе гражданской и церковной печати и письмо; 4) начальныя ариѳметическія свѣдѣнія.

Итакъ, по всѣмъ у насъ дѣйствующимъ положеніямъ первый и главный предметъ начальной народной школы составляетъ Законъ Божій; онъ же есть и наиболѣе дѣйствительное средство для исполненія нравственно-религіозной задачи народной школы.

Это совпадаетъ съ нашимъ вышеизложеннымъ понятіемъ о задачѣ народной школы. Такъ какъ все предшествующее воспитаніе и развитіе душевной жизни ребенка въ семьѣ шло въ томъ же религіозно-нрав-

ственномъ направленіи, и съ другой стороны семейное развитіе живымъ образомъ должно соединиться, какъ бы срости́сь и слиться съ воспитаніемъ школы, то школа должна продолжить дѣло семейнаго воспитанія, расширить его и осмыслить.

Новая школа нерѣдко представляетъ для дѣтей совершенно отличный отъ семьи міръ,—не только другую обстановку, но и другія отношенія, другіе предметы, другія рѣчи и пріемы. Не удивительно поэтому, что деревенскіе ребята являются въ школѣ неразвитыми и тупыми, не умѣютъ отвѣтить на самые простые вопросы; и нужно много времени, чтобы они приноровились къ новымъ порядкамъ и новымъ разговорамъ въ школѣ. Школа, напротивъ, должна направляться въ духѣ тѣхъ же семейныхъ привычекъ, съ какими дѣти поступаютъ въ нее.

Въ сельскомъ населеніи родственныя отношенія изъ семьи переходятъ въ общество. Сельскіе жители и посторонніихъ людей называютъ родственными именами: старика—дѣдушкой, пожилаго человѣка—дядюшкой, ровесника—братомъ; женщинъ—бабушкой, тетушкой и т. под. И народный учитель долженъ стоять къ ученикамъ не въ офиціальныхъ отношеніяхъ, а въ семейныхъ и родственныхъ, и называться не *господинъ учитель*, а, смотря по его возрасту, дѣдушкой, дядюшкой, и т. под. или по имени и отчеству; но во всякомъ случаѣ онъ долженъ быть съ авторитетомъ, равнымъ авторитету отца, дяди или по мéньшей мѣрѣ, старшаго брата. Школа должна воспитывать уваженіе и послушаніе. Этимъ опредѣляется характеръ учителя. Въ знаменитомъ твореніи Яна Амоса Коменскаго Orbis pictus (міръ въ картинахъ) первая картина изображаетъ учителя и ученика. Учитель почтенный пожилой человѣкъ, съ распущенными волосами и окладистой бородой, въ креслѣ; съ посохомъ въ лѣвой рукѣ; правою рукою что-то указываетъ или внушаетъ мальчику, стоящему предъ нимъ въ свободномъ и вмѣстѣ почтительномъ положеніи. Подъ картинкой изложена слѣдующая бесѣда: *Учитель:* поди сюда, дитя, учись быть мудрымъ.—*Дитя.* Что̀ значитъ быть мудрымъ?—*Учитель.* Значитъ хорошо знать, хорошо дѣлать, хорошо высказывать все, что нужно.—*Дитя.* Кто же меня этому научитъ?—*Учитель.* Я съ Божіей помощью.—*Дитя.* Какимъ образомъ?—*Учитель.* Я поведу тебя всюду, покажу тебѣ все, назову тебѣ все.—*Дитя.* Я готовъ, веди меня во имя Божіе.

Видѣлъ я школьный греческій октоихъ съ воскресными только службами 8 гласовъ, двухъ венеціанскихъ изданій 1738 и 1845 года. Въ томъ и другомъ изданіи вверху перваго листка виньетка, изобра-

жающая школу: съ правой стороны сидитъ учитель въ камилавкѣ—монахъ, передъ нимъ стоитъ мальчикъ съ книжкой. Отъ учителя по стѣнѣ на скамейкѣ сидятъ два мальчика съ книжками на колѣняхъ. Дальше трое мальчиковъ за столомъ пишутъ, а на лѣвомъ концѣ стола сидитъ другой учитель, безъ камилавки,—быть можетъ помощникъ учителя. Подъ виньеткой напечатаны алфавиты греческій и итальянскій; дальше идутъ двѣ страницы—молитвъ. Затѣмъ изображеніе св. Іоанна Дамаскина, послѣ котораго начинается октоихъ

Въ славяно-греко-латинской азбукѣ начала XVIII столѣтія (кажется, справщика Поликарпова) на картинкѣ изображена школа. Съ правой стороны на креслахъ возсѣдаетъ учитель, съ длинными волосами и бородой, пожилыхъ лѣтъ, въ скуфейкѣ. Передъ нимъ на колѣняхъ мальчикъ читаетъ по книжкѣ. На противоположной сторонѣ комнаты другой учитель, также въ волосахъ и съ бородой, но безъ скуфьи. Передъ этимъ мальчикъ, поклонившійся въ землю. Въ срединѣ за длиннымъ и узкимъ столомъ сидятъ четыре ученика съ книжками. Всѣ мальчики—въ рубашкахъ и портахъ, босикомъ.

Такимъ образомъ по идеалу старой школы, не только русской или греческой, но и европейской знаменитаго въ свое время Амоса Коменскаго, учитель долженъ быть пожилой человѣкъ, сановитый, возсѣдающій спокойно на креслѣ; словомъ—внушающій уваженіе. Представляю и нынѣ мѣстами существующій типъ народной учительницы въ видѣ чернички—келейницы. Пожилая дѣвица, степеннаго и набожнаго вида, одѣта въ черное; въ кельѣ у ней передній уголъ весь усавленъ святыми иконами, съ теплящейся лампадкой; на аналоѣ слѣдованная Псалтирь; воздухъ наполненъ запахомъ ладана. При входѣ въ такую келью къ такой учительницѣ, ребенка обдаетъ святыней и все предрасполагаетъ къ набожнымъ и благоговѣйнымъ впечатлѣніямъ.

Вотъ сумма разновременныхъ представленій учителя школы. Если съ этимъ образомъ сравнить нынѣшнихъ учителей юныхъ, свѣтскихъ, въ городскомъ костюмѣ, съ развязными манерами, съ игривымъ тономъ, съ бойкими движеніями рукъ, то нужно согласиться, что такая внѣшность и такой видъ не способны внушить учащимся чувство серьезное, набожное и благоговѣйное.

Нужно обратить вниманіе и на то, что ученики старой школы относились къ учебнымъ книгамъ серьезно и почтительно; и книги были священныя—Часовникъ и Псалтирь. Ученикъ раскрывалъ книгу и начиналъ читать урокъ перекрестившись и помолившись; по окончаніи

урока цѣловалъ книжку, свертывалъ ее и чинно клалъ на свое мѣсто: примѣръ очевидно взятъ съ священника, который по прочтеніи Евангелія цѣлуетъ прочитанное мѣсто, потомъ складываетъ Евангеліе и полагаетъ его на престолъ. Нынѣ привыкли легко обращаться съ учебными книгами, которыя большею частію свѣтскаго, иногда забавнаго и легкаго содержанія, которыя если и поддерживаютъ въ дѣтяхъ интересъ, то нисколько не вызываютъ уваженія. Получивши такую привычку на подобныхъ книгахъ, дѣти небрежно обращаются и съ Евангеліемъ, небрежно берутъ его, развертываютъ, и потомъ закрываютъ и кладутъ на мѣсто какъ ни попало. Смотрю я на татарчатъ, идущихъ въ свою школу: какъ уважительно несутъ они коранъ и другія учебныя книжки, аккуратно завернутыя въ платокъ или въ сумки; несутъ иные на головѣ; книжками не играютъ, не размахиваютъ разсѣянно или шаловливо. У магометанъ внѣшній обрядъ и обращеніе съ кораномъ опредѣлены точными правилами; у насъ внѣшняя сторона бо́льшею частію предоставляется внутреннему одушевленію человѣка. И дѣйствительно, если въ человѣкѣ есть глубокое религіозное чувство, благоговѣніе къ святынѣ, почтеніе къ священнымъ книгамъ, то внутреннее одушевленіе само собою выразится въ обращеніи съ священными предметами и книгами. При отсутствіи же искренняго благоговѣнія можно соблюсти внѣшнее приличіе, только подробно обсудивъ разсудкомъ значеніе и положеніе каждой вещи; но и тутъ иногда человѣкъ забудется и ошибется. Напримѣръ, когда святое Евангеліе напрестольное выносится на средину церкви во время утрени и полагается на налоѣ, оно всегда носится и кладется передней крышкой впередъ и вверхъ. Такъ на немъ ставится и окладъ съ изображеніемъ воскресенія Христова и евангелистовъ; такъ придѣлываются во всѣхъ церковныхъ книгахъ и застежки. Человѣкъ, благоговѣйнымъ сердцемъ не усвоившій принятаго и надлежащаго положенія церковныхъ книгъ, по прочтеніи, напримѣръ, часовъ или апостола положитъ книгу какъ придется, и можетъ положить не той стороной—передней стороной внизъ. Это не правильно и не уважительно, подобно тому, если бы покойника въ гробу положили внизъ лицомъ. Педагогика внушаетъ дѣтямъ обращаться съ книгами бережно и опрятно, ради пріученія ихъ вообще къ порядку и чистотѣ; но съ книгами и предметами священными нужно обращаться сверхъ того, благоговѣйно и религіозно.

X.

Религіозное чувство ребенка воспитывалось главнымъ образомъ въ церкви; здѣсь постепенно накоплялись въ дѣтской душѣ божественныя впечатлѣнія и набожныя расположенія. Школа должна обратиться къ церкви же и подъ ея священною сѣнью вести дальнѣйшее развитіе религіозныхъ впечатлѣній и вѣроучительныхъ понятій.

Православная русская церковь [1]) отличается обиліемъ иконъ и священныхъ изображеній, какъ на иконостасѣ, такъ и на стѣнахъ. Для учениковъ школы, и вообще для сельскаго юношества, нужно, такъ сказать, оживить эти изображенія.—Нужно, хотя кратко на первыхъ порахъ, сказать содержаніе каждой иконы: назвать по имени изображенное лицо или событіе и въ двухъ-трехъ словахъ пояснить существенное значеніе того и другаго. Объяснять икону нужно передъ ней самой ставъ благоговѣйно и сдѣлавъ поклонъ съ крестнымъ знаменіемъ—молитвенно. Вмѣстѣ съ объясненіемъ иконъ, которое можетъ быть исполнено не за одинъ разъ, а въ нѣсколько разъ въ свободное отъ церковной службы время,—нужно дать дѣтямъ понять и почувствовать, что съ написанными ликами Спасителя, Божіей Матери и всѣхъ угодниковъ соединена благодатная сила этихъ лицъ, что при нихъ стоятъ и въ церкви невидимо, но дѣйствительно присутствуютъ самъ Богъ, Христосъ Спаситель, Матерь Божія, Ангелы небесные и духи праведныхъ [2]), какъ Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Евреямъ (глав. 12, ст.

[1]) Зданіе и мѣсто православнаго богослуженія русскій народъ называетъ *церковью*, а люди образованные и ученые называютъ *храмомъ*, въ отличіе отъ церкви — собранія вѣрующихъ. *Храмъ* собственно значитъ большой домъ, въ русской передѣлкѣ — *хоромы*. Въ значеніи дома слово храмъ находится въ Евангеліи; напримѣръ, Мато. 24, 43 *не бы далъ подкопати храма своего*, т. е. дома. Лук. 8, 27 *и въ храмѣ не живяше*, т. е. въ домѣ. Мѣсто богослуженія можно назвать храмомъ въ значеніи дома по преимуществу. Но обратимъ вниманіе на то, какъ мы называемъ другія большія зданія общественныя. Указывая на нихъ, мы говоримъ: это—Академія, Университетъ, Дворянское собраніе, Земская управа, театръ и т. п.; словомъ, подобное зданіе всегда называемъ по его назначенію и по тому, что въ немъ дѣлается. Такъ какъ въ церкви собираются православные христіане на молитву, на служеніе Богу, собираются, слѣдовательно, во имя Бога и вѣры, то самое мѣсто молитвенныхъ собраній, согласно приведенной аналогіи, должно быть названо церковію. Домашнюю же церковь, помѣщающуюся въ одной изъ комнатъ учебнаго, напримѣръ, заведенія, нельзя назвать храмомъ, а только и можно назвать церковью.

[2]) Мы, русскіе, говоримъ: иду къ Николѣ, былъ у Николы, пришелъ отъ Николы, а не говоримъ: иду въ Никольскую церковь и т. д. Подобнымъ образомъ выражаются, олицетворяя, священныя событія: иду къ Преображенію, къ Богоявленію, къ Успенію, къ

22—24) говоритъ: *Приступисте къ Сіонстѣй горѣ, и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному, и тмамъ Ангеловъ, торжеству и церкви первородныхъ на небесѣхъ написанныхъ, и Судіи всѣхъ Богу, и духомъ праведникъ совершенныхъ, и къ ходатаю завѣта новаго Іисусу и крови кропленія, лучше глаголющей, нежели Авелева.* При такомъ представленіи дѣти будутъ чувствовать себя въ присутствіи самого Бога и Господа Іисуса Христа и всей небесной церкви, Ангеловъ и Святыхъ, будутъ слѣдовательно стоять въ церкви со страхомъ Божіимъ и благоговѣйно, и все, что въ церкви читается и поется, слушать и воспринимать, какъ сказано въ Евангеліи, *добрымъ сердцемъ и благимъ* (Лук. 8, 15).

Наше православное богослуженіе въ избыткѣ содержитъ въ себѣ всѣ религіозные элементы: молитвенные, догматическіе, нравственные и церковноисторическіе; но они озарены общимъ характеромъ молитвеннымъ и богослужебнымъ. Церковь есть домъ молитвы, домъ Божій. Въ обыкновенномъ крестьянскомъ домѣ или семействѣ собственно на молитву посвящается весьма малая часть суточнаго времени, и то какъ бы между дѣломъ; а въ церковь затѣмъ и ходятъ, чтобы молиться, въ церкви христіанинъ стоитъ предъ Богомъ; здѣсь происходитъ и совершается дѣйствительная религіозная жизнь. Въ церкви воспитывается страхъ Божій и любовь къ Богу—священное и благоговѣйное чувство. Въ церкви слышитъ и на слухъ изучаетъ ребенокъ и молитвы и символъ вѣры, слѣдовательно всѣ основные источники начальнаго катихизиса: но онъ изучаетъ ихъ здѣсь живымъ и религіознымъ способомъ—произноситъ и молится, а не твердитъ по-школьному. Однимъ словомъ, въ церкви у христіанина съ малолѣтства тексты молитвъ сливаются съ молитвенными дѣйствіями и положеніями и со всей церковной обстановкой. Итакъ, православный христіанинъ учится молиться именно въ церкви, а не въ школѣ, а въ школѣ ему только разъясняютъ или напоминаютъ молитвенные тексты и священные предметы, и это школьное разъясненіе и напоминаніе можетъ имѣть религіозно-воспитательное дѣйствіе въ такой только степени, на сколько оно возбуждаетъ и разрабатываетъ священныя и молитвенныя чувства, пріобрѣтенныя въ

Казанской и т. п. Изъ такихъ оборотовъ нужно заключить, что русскій народъ искони привыкъ вѣровать въ живое и дѣйствительное обитаніе въ церкви того святаго лица, имени котораго посвящена церковь. Благодатное вліяніе святой церкви простирается на ограду и ближайшую окрестность церкви; говорятъ: живу у Николы, значитъ: живу на оградѣ или вблизи Никольской церкви.

церкви. Отсюда слѣдуетъ, что приходскіе священники и пастыри должны нарочито и заботливо устроить священную обстановку богослуженія, а равно и благочиніе предстоящихъ такъ, чтобы все это въ сложности производило на воспитывающееся поколѣніе самое лучшее, назидательное и священное впечатлѣніе, чтобы произношеніе, чтеніе и пѣніе были внятны, раздѣльны и благоговѣйны; потому что, если дѣти въ церкви не научатся молитвѣ и страху Божію, то въ школѣ тѣмъ болѣе не научатся.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЪ АЛТЫНСАРИНѢ.

Николай Ивановичъ уже на смертномъ одрѣ окончилъ печатаніе книги: „Воспоминанія объ Алтынсаринѣ". Мы рѣшили привести небольшую выдержку изъ этой книги, чтобы показать, какъ Николай Ивановичъ относился къ инородцамъ, какъ онъ всѣмъ сердцемъ хлопоталъ о ихъ просвѣщеніи. Такъ же какъ Алтынсарина Николай Ивановичъ развилъ, образовалъ и воспиталъ очень многихъ.

Когда по возвращеніи въ Оренбургъ [1]) явился я къ В. В. Григорьеву, я засталъ у него Ибрагима Алтынсарина, изъ воспитанниковъ перваго выпуска Киргизской Школы. По окончаніи курса онъ уѣзжалъ въ родной аулъ и тамъ состоялъ при своемъ дѣдѣ, извѣстномъ біѣ Балгоджѣ, который отличался мудростію своихъ рѣшеній и необыкновенной тучностью. Онъ собственно позаботился объ образованіи своего внука: при первомъ извѣстіи объ открытіи Киргизской Школы записалъ его, пятилѣтняго ребенка, въ кандидаты. Григорьевъ высоко цѣнилъ бія Балгоджу и ради него любилъ Алтынсарина, который впрочемъ и своими личными качествами и дарованіями вполнѣ заслуживалъ расположеніе Генерала [2]). В. В. познакомилъ насъ, отрекомендовавши мнѣ Алтынсарина въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ.

Въ послужномъ спискѣ Алтынсарина сказано: „въ службу вступилъ 1-го Августа 1859 года младшимъ толмачомъ Областнаго Управ-

---

[1]) Въ 1859 году изъ поѣздки съ экспедиціей для съёмки восточнаго берега Каспійскаго моря.

[2]) Такъ звали киргизы В. В. Григорьева, извѣстнаго оріенталиста, управлявшаго тогда областью Оренбургскихъ Киргизовъ.

ленія". В. В. Григорьевъ имѣлъ въ виду образованіе Алтынсарина, пользуясь его неутолимою любознательностью. Онъ назначилъ его состоять при себѣ какъ толмача, когда являлись по дѣламъ службы или съ просьбами киргизы. Алтынсаринъ каждый день съ 9 часовъ до 3-хъ находился въ пріемной комнатѣ (въ залѣ) квартиры Управляющаго; за этой комнатой былъ кабинетъ В. В. Григорьева—обширный, съ большими по стѣнамъ полками, уставленными массою книгъ. У него была богатая библіотека и не мало было книгъ на русскомъ языкѣ. Григорьевъ давалъ Алтынсарину книги, и онъ по цѣлымъ утрамъ читалъ ихъ, отрываясь лишь рѣдкими случаями посѣщенія киргизовъ или русскихъ чиновниковъ: о послѣднихъ онъ долженъ былъ докладывать Управляющему, а киргизамъ служилъ переводчикомъ. Читая русскія книги, Алтынсаринъ, по совѣту В. В. Григорьева, писалъ въ особую тетрадь непзвѣстныя ему русскія слова, представлялъ эту тетрадь В. В—чу, который вписывалъ къ каждому слову значеніе кратко и точно. Такъ продолжалось нѣсколько дней. Но неутомимый Алтынсаринъ добывалъ себѣ литературные журналы, читалъ ихъ по цѣлымъ почамъ, выбирая непзвѣстныя слова, и чрезъ недѣлю приподнесъ В. В—чу толстую тетрадь, исписанную словами, почти все иностранными, которыми преизобилуетъ новая журналистика. В. В. прогналъ его съ этой тетрадью, и долженъ былъ бѣдный юноша прибѣгнуть ко мнѣ. Эта тетрадь завязала мое съ Алтынсаринымъ знакомство крѣпкимъ узломъ, составивъ предметъ и матеріалъ для нескончаемыхъ разговоровъ. Алтынсаринъ являлся ко мнѣ каждый вечеръ часамъ къ семи и просиживалъ часовъ до двѣнадцати. Бесѣды наши главнымъ образомъ состояли въ объясненіи словъ. Я не ограничивался переложеніемъ иностранныхъ словъ на русскія, но, не стѣсняясь временемъ и не скупясь рѣчами, распространялся въ объясненіи понятій, особенно когда доходила очередь до техническихъ терминовъ. Нужно отдать справедливость Алтынсарину, что онъ съ большимъ терпѣніемъ переносилъ мое многорѣчіе. Какъ симпатичнѣйшій юноша, Алтынсаринъ сдѣлался пріятнымъ гостемъ въ моей семьѣ. Когда В. В. Григорьевъ узналъ о нашихъ вечернихъ занятіяхъ, онъ уволилъ Алтынсарина отъ постояннаго при немъ дежурства, и этотъ могъ проводить у насъ цѣлыя утра. У насъ въ это время гостила одна молодая госпожа. Съ утра до обѣда дамы занимались рукодѣліемъ, а Алтынсаринъ читалъ имъ книги художественнаго содержанія. Когда онъ ошибался въ ударепіи или встрѣчалъ непзвѣстное ему слово, слушательницы его поправляли и объясняли; чтеніе перемѣшивалось постоян-

но съ разговоромъ. Мало по-малу Алтынсаринъ такъ свыкся и сдружился съ нами, что принялъ наше предложеніе оставаться обѣдать, хотя онъ былъ въ высшей степени застѣнчивъ и совѣстливъ.

Выше я означилъ главный и, такъ сказать, начальный предметъ нашихъ съ нимъ разговоровъ; попадались другія темы и наши бесѣды могли разнообразиться, но только всегда онѣ были энергичны и душевны. Любознательность Алтынсарина и его горячность невольно возбуждали и во мнѣ словоохотливость; но впрочемъ это было назадъ тому ровно тридцать лѣтъ, когда я долженъ былъ чувствовать себя бодрѣе и жизненнѣе. Въ тѣ годы нѣсколько разъ возили почетныхъ киргизовъ въ Петербургъ, чтобы „показать имъ величіе и славу имперіи“. Для сопровожденія ихъ командировались чиновники: коммисаръ, какъ главный руководитель, помощникъ ему и переводчикъ. Во всю дорогу киргизскимъ представителямъ оказывался почетъ и доставлялись всякія удобства. Въ Петербургѣ больше недѣли возили ихъ представляться Государю и членамъ Царской Фамиліи, съ визитами къ министрамъ и разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, показывали библіотеки и разныя любопытныя учрежденія, театры, военные разводы и пр. и пр. Голова шла кругомъ у непривычныхъ къ такому коловороту степняковъ. Предъ отъѣздомъ изъ Петербурга ихъ жаловали чинами, медалями и роскошными кафтанами; но они рады были, когда возвращались въ свою широкую степь. И здѣсь на всѣ разспросы любопытныхъ киргизовъ положительно ничего не могли разсказать и только ограничивались однимъ словомъ: жаксы—очень хорошо. Вотъ разъ по случаю только-что возвратившейся изъ столицы подобной киргизской депутаціи мы разговорились съ Алтынсариным объ этой депутаціи, о тѣхъ чудесахъ и диковинахъ, которыя ей показывали въ Петербургѣ; потомъ перешли къ разсужденію о томъ, сколько въ Петербургѣ есть разныхъ мѣстъ и способовъ образованія. Алтынсаринъ сталъ воображать, какъ было бы хорошо, если бы ему удалось попасть въ Петербургъ. Я сказалъ, что это очень возможно: на слѣдующій годъ по всей вѣроятности будетъ отправлена новая депутація, при которой онъ можетъ быть въ родѣ младшаго толмача; вмѣстѣ съ депутаціей и онъ представится Государю и осмотритъ всѣ замѣчательныя учрежденія. А такъ какъ въ такое короткое время трудно что нибудь усвоить и основательно понять, то онъ можетъ выпросить у Генерала рекомендательное письмо къ кому-нибудь изъ его петербургскихъ знакомыхъ, напр. В. В. Вельяминову-Зернову, который дастъ ему у себя пріютъ и познакомитъ его съ образованными людьми

или введетъ въ такія мѣста, гдѣ онъ можетъ многое видѣть и многому научиться. Наши планы были возможные и сбыточные; Алтынсаринъ вдохновился и пошелъ на эту тему фантазировать съ полнымъ увлеченіемъ и восторгомъ. Долго онъ говорилъ объ этомъ, была уже полночь, и онъ ушелъ почевать. На другой день приходитъ ко мнѣ и говоритъ, что онъ провелъ самую тяжелую ночь: лишь только онъ вернулся домой, ему пришла мысль, что его поѣздка въ Петербургъ не сбудется, что это невозможно, и чѣмъ восторженнѣе онъ фантазировалъ съ вечера, тѣмъ грустнѣе и мрачнѣе потянулись у него мысли на тему невозможности, ему становилось все хуже и хуже, наконецъ онъ дошелъ до такого невыносимаго состоянія, что хоть въ петлю лѣзть: измучился, почти цѣлую ночь не спавши.

У Алтынсарина что-то такое было въ организмѣ не совсѣмъ здоровое: онъ, напримѣръ, не имѣлъ на головѣ волосъ, по случаю особой болѣзни (по киргизски—*таз*), поэтому постоянно носилъ парикъ. Онъ слишкомъ былъ воспріимчивъ и часто подвергался сильной тоскѣ, которую называлъ ха́ндра. Участіе къ нему глубоко его трогало и привязывало; а малое недоразумѣніе или одиночество могло повергать его въ разочарованіе и почти въ отчаяніе.

Вотъ это наше знакомство и всѣ разговоры вмѣщаются въ зиму 1859—60 года.

Въ 1860 году, съ разрѣшенія Оренбургскаго Генералъ-Губернатора Катенина, съ уральскихъ казачьихъ земель переходили въ Зауральскую степь до 2000 кибитокъ киргизовъ со скотомъ и всѣмъ имуществомъ. Поводомъ къ этому переходу послужили жалобы уральцевъ на воровство и разные безпорядки, производимые будто-бы у нихъ киргизами, и они возбудили ходатайство, чтобы киргизовъ съ земель казачьихъ выселить за рѣку Уралъ. Это ходатайство было уважено—было разрѣшено переселить сначала до 1000 кибитокъ; потомъ какимъ-то образомъ прибавились еще переселенцы—разрѣшено переселить уже до 2000 кибитокъ. Но въ сущности къ этому переселенію присоединились киргизы Букеевской орды, которые испугались и взволновались отъ учрежденныхъ въ Букеевской ордѣ округовъ и новыхъ порядковъ, опасаясь, что ихъ хотятъ сдѣлать русскими—крестятъ и будутъ брать въ солдаты. Эта смута повела почти къ поголовному бѣгству Букеевцевъ за Уралъ и подъ видомъ 2000 кибитокъ перешли туда тысячъ пять или болѣе. Чтобы переходъ произошелъ въ порядкѣ и безъ замѣшательства, назначено было нѣсколько пунктовъ на Уралѣ, гдѣ должны были переходить

киргизы; здѣсь распоряжались и наблюдали чиновники казачьи съ депутатомъ со стороны Генералъ-Губернатора. Въ зауральской Степи этимъ переселенцамъ нужно было назначить земли и урочища для зимовокъ приблизительно къ однородцамъ, чтобы предупредить могущія возникнуть столкновенія и неурядицы. Для этого назначена была киргизская комиссія подъ предсѣдательствомъ помощника правителя западной части Чулака Айбасова; къ этой комиссіи для наблюденія присоединены были отъ Областнаго Правленія я и киргизъ засѣдатель Мангысовъ. Я выѣхалъ изъ Оренбурга около 1-го Мая 1860 года, въ повозкѣ доѣхалъ до Илецкаго городка и Затонной станицы на Илекѣ; оттуда верхомъ на казачьей лошади въ ставку султана-правителя Тяукина на рѣкѣ Утвѣ, по киргизски Чингырлау. Отсюда начались мои странствованія въ западной части зауральской Степи. Айбасова я не засталъ въ аулѣ: онъ былъ уже на пропускномъ пунктѣ ниже Уральска, и мы съ Мангысовымъ поѣхали на соединеніе съ нимъ. Не стану,—ибо здѣсь неумѣстно,—разсказывать о весьма интересной картинѣ новальнаго перехода киргизъ черезъ Уралъ по живымъ мостамъ, настланнымъ на бударкахъ (казачьи лодки) и о нашихъ потомъ разъѣздахъ въ разныхъ мѣстностяхъ Степи. Наша комиссія, прибывши на какое либо зимовочное урочище и взявъ съ собою мѣстныхъ понятыхъ, обозрѣвала земли, намѣчала границы для переселенныхъ сюда по числу кибитокъ, внесенныхъ въ списки на перепускныхъ пунктахъ. Прибыли мы въ кочевье Байбактинскаго рода—аулъ старшины Абубекра Казыева. Это отъ Илецкаго городка верстъ за 150. День склонялся къ вечеру, я сидѣлъ въ кибиткѣ одинъ, на главномъ мѣстѣ противъ двери,—вдругъ съ неистовымъ крикомъ и воемъ — Николай Ивановичъ!!! вторгается, въ киргизскомъ чапанѣ и малахаѣ, Алтынсаринъ. Онъ былъ очень взволнованъ и насилу могъ успокоиться. Я несказанно обрадовался дорогому гостю, который привезъ мнѣ отъ жены доброе извѣстіе и гостинцы. Алтынсаринъ разсказалъ мнѣ, что по ходатайству и по проэктамъ В. В. Григорьева открываются въ зауральской киргизской Области четыре маленькихъ киргизскихъ школы: въ Троицкѣ, Оренбургскомъ укрѣпленіи (нынѣ Тургай), Уральскомъ укрѣпленіи (нынѣ Иргизъ) и еще гдѣ-то. Въ противуположность дорогой и роскошной обстановкѣ Оренбургской Киргизской Школы, В. В. Григорьевъ придумалъ открыть нѣсколько школъ въ самой Степи самаго простаго и дешеваго устройства. Учителями въ эти школы назначены были киргизы, кончившіе курсъ въ 1857 году въ Киргизской Школѣ: Кулубековъ,

Мунсызбасвъ, еще кто-то и Алтынсаринъ; послѣдній былъ назначенъ въ Оренбургское укрѣпленіе учителемъ школы и переводчикомъ при комендантѣ. Онъ долженъ былъ уѣхать на мѣсто своего назначенія раньше моего возвращенія въ Оренбургъ. Ему захотѣлось проститься со мною. Пока дѣло должно было ходить къ утвержденію, въ продолженіе 2—3 недѣль, Алтынсаринъ отпросился у В. В. Григорьева попить кумысу въ ставкѣ Чулака Айбасова, а собственно—чтобы повидаться со мною. Онъ направился въ аулъ Айбасова, чтобы тамъ узнать, гдѣ въ настоящее время находился Айбасовъ, а при немъ я. Свиданіе со мной онъ утаилъ отъ Василія Васильевича потому, что боялся, что В. В. опопасся бы просрочки его, какъ склоннаго къ увлеченію.

Жена моя поручила ему кое-какіе гостинцы, и онъ пустился въ дорогу до аула Айбасова въ повозкѣ вмѣстѣ съ своимъ киргизомъ Досмухаметомъ; послѣдняго оставилъ въ аулѣ Айбасова, а самъ взялъ двухъ лошадей, переодѣлся въ киргизскій костюмъ и верхомъ о двуконь пустился по указанному пути разыскивать меня. Онъ почти безъ отдыха проскакалъ верстъ полтораста не останавливаясь. Когда онъ пріѣхалъ въ аулъ, и ему указали мою кибитку, онъ придумалъ войти въ мою кибитку и сѣсть на корточки у порога, какъ дѣлаютъ киргизы, являясь къ начальнику съ просьбою: киргизинъ входитъ въ кибитку, садится у порога на корточки и молча сидитъ, пока начальникъ спроситъ, что ему нужно. Такъ хотѣлъ явиться ко мнѣ и Алтынсаринъ, чтобы испытать, узнаю ли я его. Но лишь онъ увидалъ меня, невольно пришелъ въ такое волненіе, которое разразилось крикомъ и воплемъ. Тотчасъ разогрѣли самоваръ, и за чаемъ по прежнему пошли наши длинные и оживленные бесѣды и разспросы. На другой день мы вмѣстѣ съ нимъ поѣхали осматривать земли, на третій день его пригласили остаться въ аулѣ старшины Казыева и такъ усердно угощали кумысомъ, что онъ разстроилъ желудокъ. Чуть только онъ оправился, долженъ былъ ѣхать въ Оренбургъ, чтобы во время явиться къ Генералу.

Не даромъ Алтынсаринъ стремился повидаться и проститься со мною. Вернувшись въ Оренбургъ, онъ скоро уѣхалъ на Тургай, и мы не видѣлись съ нимъ лѣтъ шестнадцать.

Алтынсаринъ попалъ въ Оренбургское укрѣпленіе въ самое неблагопріятное время. Комендантомъ укрѣпленія былъ нѣмецъ баронъ М., человѣкъ безхарактерный и мнительный. При немъ былъ одинъ казачій офицеръ и еще нѣсколько служащихъ. И въ этомъ малѣйшемъ обществѣ поднялись раздоры, партіи, сплетни другъ на друга; старались

и Алтынсарина вовлечь въ эту кутерму. А училище не открывалось, и Алтынсаринъ не имѣлъ занятій. Я писалъ ему—совѣтовалъ для упражненія въ русской рѣчи сблизиться съ какимъ-либо добрымъ офицеромъ изъ служащихъ въ укрѣпленіи, но не было рѣшительно подходящаго человѣка по случаю раздоровъ и смутъ. Я посылалъ Алтынсарину нѣкоторыя книжки. Живя безъ дѣла, видя кругомъ себя сплетни и интриги, не имѣя съ кѣмъ бы по душѣ побесѣдовать, Алтынсаринъ жестоко хандрилъ; по вечерамъ уходилъ на берегъ Тургая и смотрѣлъ въ безпредѣльную степь, пустынную и голую, предаваясь грустнымъ мыслямъ и мечтамъ. Къ счастію баронъ недолго оставался въ укрѣпленіи, и на его мѣсто назначенъ былъ комендантомъ Яковъ Петровичъ Яковлевъ: офицеръ Оренбургскаго корпуса топографовъ, человѣкъ вполнѣ русскій, выросъ въ степи, въ постоянныхъ работахъ, человѣкъ умный, основательный и практическій, зналъ характеръ киргизскаго народа, а главное былъ правилъ твердыхъ, честныхъ, разсудителенъ и не самолюбивъ. При Я. П. Яковлевѣ настали миръ и тишина. Онъ принялъ истинно отеческое участіе въ Алтынсаринѣ, извинялъ ему нетерпѣливыя и рѣзкія выходки, разрѣшалъ его сомнѣнія, давалъ практическіе и основательные совѣты. Чтобы болѣе сблизить Алтынсарина съ русскимъ обществомъ, Яковъ Петровичъ назвалъ его Иваномъ Алексѣевичемъ, и это имя осталось за нимъ до смерти. И даже назначилъ ему въ году день (6 Января) праздновать имянины. И Алтынсаринъ постоянно исполнялъ этотъ русскій обычай: пекъ имянинный пирогъ и принималъ отъ русскихъ своихъ знакомыхъ подарки — точь въ точь по русски. Алтынсаринъ глубоко уважалъ Якова Петровича и душевно былъ ему благодаренъ, какъ своему благодѣтелю и воспитателю.

Поселившись въ Казани, я не разъ звалъ къ себѣ Алтынсарина погостить, познакомиться здѣсь съ людьми образованными и съ нѣкоторыми научными заведеніями и предметами, запастись книгами. Разныя препятствія и служебныя дѣла задерживали Алтынсарина въ укрѣпленіи.

Въ 1876 году Министръ Народнаго Просвѣщенія Графъ Д. А. Толстой собрался обозрѣть Оренбургскій Учебный Округъ. Предполагая на мѣстѣ обсудить и подготовить средства и заведенія для образованія учителей для инородческихъ племенъ новаго округа, онъ заблаговременно велѣлъ и мнѣ явиться къ нему въ Уфу. Графъ по пути въ Оренбургскій округъ пріѣхалъ въ Казань 7 Сентября. Здѣсь къ нему являлись чины учебнаго вѣдомства на пристани.

Въ тотъ же день заѣхалъ въ Казань по пути въ Петербургъ Алтынсаринъ и остановился у меня. Свиданіе, послѣ 16 лѣтней разлуки, было для обоихъ насъ въ высшей степени пріятно; не знали мы, какъ наговориться. Алтынсаринъ прогостилъ у меня съ недѣлю. Онъ мнѣ подробно разсказывалъ о своемъ житьѣ въ укрѣпленіи, о своихъ занятіяхъ, объ отношеніи къ Якову Петровичу. Подъ командою честнаго и благороднаго Яковлева въ укрѣпленіи составилось дружное и благонравное общество, и на складочныя деньги, въ которыхъ участвовалъ и Алтынсаринъ, они выписывали много серьезныхъ и дѣльныхъ книгъ и журналовъ. Алтынсаринъ все это читалъ съ увлеченіемъ и такимъ путемъ пріобрѣлъ значительное развитіе и знанія; русскимъ языкомъ овладѣлъ вполнѣ. Между тѣмъ Алтынсаринъ продолжалъ сношенія съ киргизами, изъ которыхъ у него составилось тѣсное общество молодыхъ людей, ему сочувствующихъ и расположенныхъ къ русскому образованію. Когда въ 1868 году издано было Высочайше утвержденное временное Положеніе объ управленіи киргизами, по которому Степь Оренбургскаго вѣдомства раздѣлена была на двѣ Области—Тургайскую и Уральскую, и каждая область подраздѣлилась на уѣзды, тогда Алтынсаринъ, безъ сомнѣнія съ согласія, а можетъ и по совѣту, своего покровителя Я. П. Яковлева, изучивъ сначала самъ подробно новое Положеніе, пригласилъ къ себѣ своихъ киргизскихъ друзей и постарался разъяснить имъ смыслъ Положенія и благотворные виды Правительства для киргизовъ. Усвоивши основательное и твердое понятіе о значеніи новаго Положенія, эти киргизы разъѣхались по ауламъ своего уѣзда и вездѣ старались разъяснить благотворное для киргизовъ значеніе новаго распоряженія Правительства. Послѣ такой подготовки, объявленіе и введеніе новаго Положенія въ Тургайскомъ уѣздѣ было принято народомъ съ довѣріемъ, мирно и спокойно, а въ другихъ мѣстностяхъ дѣло не обошлось безъ волненій. Съ открытіемъ Тургайскаго уѣзда, Я. П. Яковлевъ опредѣленъ Уѣзднымъ Начальникомъ, а Алтынсаринъ—письмоводителемъ Тургайскаго уѣзднаго управленія.

Я сообщилъ Алтынсарину, что я по приказанію Министра Народнаго Просвѣщенія долженъ явиться къ нему въ Уфу, быть можетъ проѣду и въ Оренбургъ. Конечно Министръ займется образованіемъ киргизъ. Если онъ заговоритъ со мною о киргизахъ и спроситъ, не знаю-ли я образованныхъ и дѣльныхъ людей въ Степи, которыми можно былобы воспользоваться для руководства новыми киргизскими школами,—могу-ли я, спрашиваю Алтынсарина, указать на тебя? На это Алтынса-

ринъ откровенно и задушевно сказалъ, что административныя и судебныя должности ему вовсе не по душѣ, а всегда онъ интересовался дѣломъ учебнымъ, и если бы Графъ допустилъ его къ участію въ образованіи киргизъ, это-бы составило верхъ его счастья. Мы условились, чтобы Алтынсаринъ вернулся въ Оренбургъ къ концу Сентября, когда Графъ Дмитрій Андреевичъ будетъ въ Оренбургѣ.

Въ Оренбургѣ Графъ пробылъ четыре дня—ревизовалъ учебныя заведенія, обозрѣвалъ Оренбургскія достопримѣчательности, имѣлъ совѣщаніе вмѣстѣ съ Генералъ-Губернаторомъ объ образованіи киргизъ и о киргизскомъ алфавитѣ. Встрѣчаясь каждый день со мною, Графъ спрашивалъ, гдѣ Алтынсаринъ? Алтынсаринъ замѣшкался въ Петербургѣ и потомъ задержался на дорогѣ отъ Самары въ Оренбургъ, ибо желѣзная дорога еще не была открыта, а слякоть была страшная. За день до выѣзда изъ Оренбурга Графъ съ досадой спрашиваетъ меня, гдѣ Алтынсаринъ? Уже наканунѣ выѣзда Алтынсаринъ утромъ добрался наконецъ до Оренбурга и сейчасъ же отыскалъ меня. Это было часовъ въ 11 утра. Я доложилъ о немъ Графу. Но у него весь день былъ занятъ. Вечеромъ городское общество давало Графу въ Дворянскомъ Собраніи обѣдъ; онъ приказалъ представить ему Алтынсарина въ его квартирѣ послѣ обѣда, въ 7 часовъ вечера. Въ назначенный часъ, когда Графъ только что возвратился изъ Дворянскаго Собранія къ себѣ на квартиру въ сопровожденіи Попечителя, я представилъ Алтынсарина Его Сіятельству. Графъ принялъ его очень благосклонно и даже любезно; Алтынсаринъ держалъ себя почтительно и вмѣстѣ съ достоинствомъ. Тутъ было порѣшено, что Министръ пригласитъ его на учебную службу, когда начнутъ устроивать систему киргизскаго образованія [1]).

Примѣчаніе. 1 сентября 1879 года Алтынсаринъ назначенъ исправляющимъ должность инспектора киргизскихъ школъ Тургайской Области

---

[1]) Воспоминанія объ И. А. Алтынсаринѣ. Казань, 1891 г.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ИЛЬМИНСКІЙ.

Вечеромъ 27 декабря 1891 года въ Казани скончался директоръ инородческой учительской семинаріи Н. И. Ильминскій,—лучшій изъ всѣхъ добрыхъ людей, какихъ намъ приводилось видѣть на своемъ вѣку, и заслуженнѣйшій общественный дѣятель по части христіанскаго просвѣщенія инородцевъ Казанскаго, да и всего вообще восточнаго края Россіи". Такъ начинаетъ свою обстоятельную біографію Николая Ивановича профессоръ Н. В. Знаменскій, хорошо знавшій его болѣе 30 лѣтъ.

Почти тоже свидѣтельствуетъ о немъ и другой досточтимый біографъ, К. П. Побѣдоносцевъ. Онъ говоритъ: „Другой такой ясной и чистой души не приходилось мнѣ встрѣчать въ жизни: отрадно было смотрѣть въ глубокіе, добрые и умные глаза его, свѣтившіе въ душу внутреннимъ душевнымъ свѣтомъ, а бесѣда его была ни съ чѣмъ несравненная, всегда съ солью, всегда въ простотѣ, чуждой всякой аффектаціи, но исполненной поэтическихъ образовъ". (Русск. Вѣсти. 1892 г. Февраль).

Далѣе глубоко освѣдомленный о миссіонерскомъ дѣлѣ почтеннѣйшій біографъ въ краткихъ, но сильныхъ чертахъ обрисовываетъ центральное положеніе въ миссіонерскомъ дѣлѣ Николая Ивановича, стоявшаго на этомъ посту около 50 лѣтъ. Онъ говоритъ: „На самомъ исходѣ года взятъ у насъ послѣднимъ мужъ великой силы и великаго дѣла, Николай Ивановичъ Ильминскій. Немногіе знали его въ верхнихъ слояхъ общества, тамъ, гдѣ передаются изъ устъ въ уста громкія имена политическихъ дѣятелей, прославленныхъ писателей, полководцевъ и министровъ, а Ильминскій значится въ спискахъ только директоромъ Казанской Учительской Семинаріи. Но имя этого человѣка — родное и знакомое повсюду въ восточной половинѣ Россіи и въ далекой Сибири,—тамъ тысячи простыхъ русскихъ людей и инородцевъ оплакиваютъ его кончину,

тысячи богобоязненныхъ сердецъ умиленно поминаютъ его въ молитвахъ, какъ великаго просвѣтителя и человѣколюбца".

Подготовка Николая Ивановича къ сказанному дѣлу началась еще въ Пензенской духовной Семинаріи. Окончательное же расположеніе въ немъ къ сему дѣлу явилось въ срединѣ курса академическаго, когда въ Казанской Академіи открылись уроки арабскаго и татарскаго языковъ, — преподававшихся извѣстнымъ профессоромъ оріенталистомъ Казембекомъ, который глубоко сердечно полюбился Николаю Ивановичу.

Въ средѣ сотоварищей Николай Ивановичъ пользовался репутаціею человѣка пріятнѣйшаго и почти святаго. Начальство аттестовало его какъ безгранично любознательнаго. А извѣстный знатокъ языковъ Преосвященный Аѳанасій (Дроздовъ,—Ректоръ С.-Петербургской Академіи), будучи ревизоромъ Академіи Казанской, — прозвалъ его Полиглоттомъ. И вотъ сему-то человѣку, одаренному великимъ даромъ языковъ, выпалъ жребій изучать множество языковъ не только по охотѣ, но и по обязанности. И онъ исполнилъ свой долгъ въ совершенствѣ, не смотря на бездну затрудненій. Онъ самоотверженно пускался въ экскурсіи по татарамъ — въ самое смутное время—отпаденій многихъ крещенныхъ. Будучи профессоромъ, жилъ въ татарской избѣ—у татарина; былъ въ двухгодичномъ научномъ путешествіи по Востоку, почти во время Крымской войны [1]); служилъ среди Киргизовъ; имѣлъ дѣло съ Курдами, Текинцами, Іомудами.

Спеціальная профессорская служба его въ Академіи долго не налаживалась—по независящимъ отъ него причинамъ. Ему поручалась въ Академіи профессура естественныхъ наукъ, физики, математики, философіи, редакторство Собесѣдника. По выраженію г. Знаменскаго ему часто приходилось сидѣть между двухъ стульевъ, а иногда и между трехъ, а потомъ и нигдѣ, такъ что онъ, ученѣйшій профессоръ, принужденъ былъ сдѣлаться въ Оренбургскомъ округѣ простымъ переводчикомъ, пока не сдѣлался вновь профессоромъ Университета, а потомъ Академіи. И эти невзгоды и мытарства не охладили въ немъ ревности къ дѣлу дара его.

И провидѣніе наконецъ привело его къ дѣлу его такъ близко и поставило на немъ такъ крѣпко, что онъ уже не могъ оторваться отъ него ни на день, ни на часъ. Это случилось почти черезъ 30 лѣтъ его занятій восточными языками, а именно въ 1872 году, когда онъ сдѣ-

[1]) Въ біографіи Николая Ивановича отчетъ объ этомъ путешествіи печатается цѣликомъ.

ланъ былъ директоромъ Казанской Учительской Инородческой Семинаріи, предсѣдателемъ Переводческой Комиссіи—отъ Православнаго Миссіонерскаго Общества и главнымъ руководителемъ Братства Св. Гурія.

Теперь его приглашали быть членомъ Академіи Наукъ. Но онъ желалъ быть всей душой тамъ,—гдѣ было все его духовное сокровище, т. е. инородцы, христіанскимъ образованіемъ которыхъ онъ такъ усиленно стремился заняться давно.

Изъ почтеннаго труда г. Знаменскаго видно, что переводческая дѣятельность его началась еще въ 40 годахъ, когда многое сдѣлано было астраханскимъ знатокомъ татарскаго языка Ив. С. Лебедевымъ, проэктировавшимъ печатать татарскія книги русскимъ шрифтомъ, Казембекомъ, Г. С. Саблуковымъ и др.—Но тогда Николай Ивановичъ ходилъ какъ-бы въ полутьмѣ. Онъ критиковалъ проэктъ Лебедева, священнику Александрову—диктовалъ отказъ отъ участія въ переводахъ по незнанію арабскаго языка. Но впослѣдствіи онъ принялъ проэктъ Лебедева и совершенно отказался отъ всѣхъ красотъ арабскаго языка, признавъ за лучшій и удобнѣйшій языкъ татарскій чистый—народный, совершенно чуждый исламизма. И онъ въ теченіе 20 лѣтъ совершенно установилъ христіанскую терминологію для татарскаго языка, а по сходству и единообразію въ конструкціи и для другихъ Казанскихъ нарѣчій инородческихъ: чувашскаго, черемисскаго, вотяцкаго, мордовскаго и др. Поэтому, чѣмъ далѣе, тѣмъ съ большею и большею легкостію онъ производилъ переводы какъ на татарскій языкъ, такъ и на другіе, пользуясь помощію природныхъ знатоковъ этихъ языковъ, изъ которыхъ нѣкоторые тоже успѣли освоиться съ его переводческою методикою [1]). Вотъ почему въ послѣдніе годы сдѣлано было множество переводовъ почти на всѣ Казанскіе и Сибирскіе инородческіе языки. На татарскій же языкъ переведены всѣ важнѣйшія богослужебныя книги (оканчивая псалтирью, какъ труднѣйшею—для перевода), и множество поучительныхъ и учебныхъ книгъ, изъ которыхъ многія выдержали нѣсколько изданій. Не менѣе того успѣшно шло и дѣло просвѣщенія инородцевъ, особенно чрезъ школы, изъ которыхъ 60 было для однихъ крещеныхъ татаръ. И среди такого успѣха дѣла Божія—ревнитель его мирно почилъ о Господѣ, какъ пахарь на браздѣ своей. Дай Богъ, чтобы нива его также благоуспѣшно разработывалась преемниками его. Благо,—онъ оставилъ многое множество наилучшихъ сѣмянъ для дальнѣйшаго сѣянія ихъ на безграничной нивѣ Божіей.

[1]) Изъ нихъ особенно должны быть указаны В. Т. Тимоѳеевъ и И. Я. Яковлевъ.

Человѣкъ трехъ культуръ: европейской, азіатской и африканской (Арабской—въ Капрѣ), видѣвшій во время путешествія своего и жизни въ Египтѣ и Сиріи дипломатовъ и миссіонеровъ всякаго рода, Николай Ивановичъ былъ неусыпнымъ и весьма искуснымъ предстателемъ за инородческое дѣло. За ревность его, иногда ему приводилось испытывать весьма чувствительныя, „реприманды“, какъ говоритъ профессоръ Знаменскій, а также терпѣть афронты, какъ это случилось предъ Преосвященнымъ Аѳанасіемъ, къ которому онъ радостно явился, по приглашенію его, чтобы исправить его астрономическую трубу и съ тѣмъ вмѣстѣ оправдаться въ взведенномъ на него пристрастіи къ исламу, вслѣдствіе того, что онъ не останавливался въ своихъ академическихъ чтеніяхъ на подробной полемикѣ съ магометанствомъ, считая, что студентамъ, какъ людямъ достаточно богословски-образованнымъ, сами собою понятны нелѣпости ислама. Увы, Преосвященный Аѳанасій не только не выслушалъ его, но и не принялъ его, какъ должно. Такъ оговоръ былъ силенъ! Но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе прислушивались къ его миссіонерскому взгляду и голосу. А въ концѣ онъ имѣлъ такое громадное вліяніе на дѣла инородческія, что напр. по его представленію обмѣнивались кредитки давно вышедшія изъ употребленія и сохранившіяся въ захолустьяхъ инородческихъ. Понятно, что инородцамъ долго не нажить такго добраго и умнаго предстателя. Но, Слава Богу, теперь инородческое дѣло стоитъ высоко, какъ въ сознаніи правящихъ лицъ, такъ и на дѣлѣ. Остается преемникамъ дѣла Николая Ивановича возносить вѣчныя молитвы за него и своимъ непокладываніемъ рукъ и разумнымъ отношеніемъ къ своему дѣлу возбуждать къ нему общія симпатіи, такъ же, какъ умѣлъ дѣлать это неусыпный труженикъ, истинно вѣрный работникъ и слуга Господній, въ Бозѣ почившій, приснопамятный Николай Ивановичъ Ильминскій.

Предсѣдатель Совѣта Братства Святаго Гурія

Епископъ Никаноръ.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ИЛЬМИНСКАГО.

Выработанная имъ система инородческаго образованія; его отношеніе къ учителямъ и къ лицамъ завѣдывавшимъ дѣломъ народнаго образованія.

Всѣмъ извѣстно, что покойнымъ Н. И. Ильминскимъ было положено прочное начало религіозно-нравственнаго образованія крещеныхъ татаръ и другихъ инородцевъ, заселяющихъ восточную полосу Россіи. Имъ выработана особая система первоначальнаго обученія и воспитанія въ духѣ православія инородческихъ дѣтей и, при посредствѣ такой системы, оказывавшей большое вліяніе не только на подростающее, но и на взрослое поколѣніе инородцевъ, дана возможность установленію прочной связи русскаго населенія съ инородческимъ. До введенія системы инородческаго образованія, почти всѣ инородцы—христіане, живущіе въ нашемъ краѣ, были христіанами только по имени, на самомъ же дѣлѣ одни изъ нихъ были язычники, а другіе придерживались магометанства. Вообще большинство инородцевъ ближе были къ татарамъ—магометанамъ, чѣмъ къ русскимъ.

Здѣсь о миссіонерской дѣятельности Николая Ивановича по отношенію къ инородцамъ мы позволимъ сказать только нѣсколько словъ. Вполнѣ же можетъ быть выяснена эта дѣятельность тогда только—когда приведется въ систему та обширная переписка его съ учителями, священниками, инспекторами народныхъ училищъ и другими лицами, въ завѣдываніи которыхъ находились инородческія школы.

Осенью въ 1863 году было положено Николаемъ Ивановичемъ здѣсь, въ Казани, основаніе частной школы для дѣтей крещеныхъ татаръ. Школа эта, благодаря сочувствію къ ней самихъ инородцевъ, вниманію, оказанному со стороны Правительства и Учебнаго Вѣдомства и содѣйствію мѣстнаго Казанскаго общества и Земства, скоро развилась, окрѣпла и сдѣлалась, какъ справедливо замѣчаетъ ея учредитель и руководитель Н. И. Ильминскій, средоточіемъ и сущностью христіанскаго просвѣщенія крещеныхъ татаръ [1]). Учитель этой школы изъ старо-крещеныхъ татаръ В. Т. Тимоѳеевъ, впослѣдствіи православный священникъ, занимаясь подъ руководствомъ Николая Ивановича, оказывалъ вліяніе не только на своихъ учениковъ, но и на все крещено-татарское населеніе Казанской губерніи, въ средѣ котораго, вскорѣ послѣ открытія Казанской центральной школы, стали возникать школы, такъ называемыя отрасли центральной. Какимъ образомъ возникли такія школы почти во всѣхъ крещено-татарскихъ деревняхъ Казанской губерніи, достаточно видно изъ дневниковъ Тимофеева [2]). Устроивъ по указаніямъ Николая Ивановича Казанскую центральную школу, онъ, въ первые годы ея существованія, въ свободное отъ ученія время, съ лучшими изъ своихъ учениковъ ѣздилъ по селамъ и деревнямъ крещеныхъ татаръ, сначала для того, чтобы познакомить ихъ при посредствѣ этихъ учениковъ съ веденіемъ занятій въ своей школѣ и набрать въ нее новыхъ мальчиковъ, а затѣмъ и для того, чтобы подготовить этихъ инородцевъ и расположить къ устройству мѣстныхъ школъ-отраслей. Учителями въ школахъ-отрасляхъ были ученики Тимоѳеева, окончившіе курсъ въ центральной школѣ. Спрашивается теперь, въ чемъ же состояла эта предложенная Николаемъ Ивановичемъ система образованія, ставшая въ скоромъ времени такъ привлекательной для инородцевъ, что благодаря ей были открыты школы въ такихъ деревняхъ, гдѣ раньше нельзя было и думать объ устройствѣ какихъ бы то ни было школъ? Для выясненія этой системы припомнимъ, какъ возникла центральная Казанская школа? Со времени поступленія Тимоѳеева, по рекомендаціи Николая Ивановича, практикантомъ татарскаго языка въ Казанскую Духовную Академію, крещеные татары изъ его деревни стали привозить къ нему своихъ дѣтей учить грамотѣ, и онъ училъ ихъ по переводамъ на татарскій языкъ букваря, Бытія и Премудрости, выполненнымъ, при

---

[1]) Казанская центральная крещено-татарская школа. Каз. 1887. стр. I.

[2]) Тамъ же, стр. 34—76, 119—176.

посредствѣ Тимоѳеева, Николаемъ Ивановичемъ. Въ то же время онъ постоянно передавалъ имъ, въ устномъ разсказѣ на ихъ родномъ языкѣ, событія изъ священной исторіи ветхаго завѣта и особенно евангельскія; часто водилъ ихъ въ церковь и объяснялъ церковное богослуженіе... Главное направленіе и самого Тимоѳеева, и школы было религіозное, православное, не исключающее полезныхъ мірскихъ знаній. Но, кромѣ обученія мальчиковъ, школа имѣла и другую цѣль. Родственники учениковъ, пріѣзжая въ Казань, останавливались въ этой школѣ, видѣли ученіе и слышали чтеніе и пѣніе. Тимоѳеевъ же бесѣдовалъ съ этими гостями къ ихъ христіанскому назиданію [1]).

Такимъ образомъ выработанная Николаемъ Ивановичемъ система и примѣненная какъ въ центральной школѣ, такъ и въ школахъ-отрасляхъ, заключается въ обученіи инородцевъ по книгамъ, переведеннымъ на ихъ родной языкъ. Одно уже представленіе инородцевъ о томъ, что имѣются книги, напечатанныя на ихъ родномъ языкѣ, и что есть такія молитвы, въ которыхъ каждое слово глубоко врѣзывается въ ихъ душу, заставляло этихъ инородцевъ вмѣстѣ съ своими дѣтьми идти сначала въ школы и чутко прислушиваться къ чтенію и назиданіямъ ихъ юныхъ учителей, а затѣмъ и въ церковь, гдѣ благодаря тоже Николаю Ивановичу богослуженіе стало совершаться на ихъ родномъ языкѣ. И теперь, когда уже прошло столько лѣтъ, и когда инородческая школа, устроенная по системѣ Николая Ивановича, стала въ нашей губерніи обычнымъ явленіемъ, инородцы, родственники учениковъ, постоянно посѣщаютъ ее, слѣдя за ходомъ занятій, и не рѣдко принимаютъ участіе въ пѣніи молитвъ на своемъ языкѣ вмѣстѣ съ учащимися.

Крещено-татарскихъ школъ Братства святителя Гурія, въ которыхъ введена система первоначальнаго обученія, предложенная Николаемъ Ивановичемъ, въ Казанской губерніи въ 1891 г. находилось: въ Мамадышскомъ уѣздѣ 33 шк., въ Лаишевскомъ 11 шк., въ Чистопольскомъ 10 шк., въ Цивильскомъ 3 шк., въ Спасскомъ и Тетюшскомъ по 1 шк., а всего 59 шк. [2]). Къ старѣйшимъ и болѣе лучшимъ изъ числа школъ Мамадышскаго уѣзда должны быть отнесены: *Никифоровская*, основанная въ 1865 году при содѣйствіи В. Т. Тимоѳеева учительницею Ѳедо-

---

[1]) Тамъ же, стр. 33.

[2]) Отчетъ о дѣятельности Братства свят. Гурія. К. 1891. стр. 7—13. Кромѣ Казанской центральной школы и пороховской въ Казанскомъ уѣздѣ, въ которой всѣ учащіеся русскіе.

рою Гавриловой, *Арняшская* (*Албаевская*), открытая по указанію Николая Ивановича въ 1866 г., *Старо-Икшурминская*, въ которой почти одинаковое число учащихся русскихъ и инородцевъ, открыта въ 1871 г., *Больше-Саврушская* съ 1870 г., *Билятлибашская* съ 1868 г., *Владиміровская* съ 1869 г., *Отарская* и *Трехъ-Сосненская*, открытыя Николаемъ Ивановичемъ въ 1869 г. на сумму, отпущенную въ его распоряженіе Святѣйшимъ Сѵнодомъ, *Урясь-Башская* съ 1868 г., *Ерыклинская*, открытая Николаемъ Ивановичемъ въ 1869 г. также на сумму Святѣйшаго Сѵнода, *Больше-Арташская Шеморбашская* съ 1868 г., *Теплоболотская* съ 1870 г. и *Субашская* съ того же года. Въ Лаишевскомъ уѣздѣ: *Янасалинская*, открытая въ 1869 г. одновременно со многими братскими школами, получавшими содержаніе изъ 1000 рублей, назначенныхъ по указу Святѣйшаго Сѵнода въ распоряженіе братчика Н. И. Ильминскаго для заведенія 20 школъ въ тѣхъ крещено-татарскихъ селеніяхъ, гдѣ это найдено будетъ имъ необходимымъ [1]), *Козяково-челнинская* (*Козакларская*) съ 1871 г., *Яицоварская*, открытая съ 1868 г. на средства, отпущенныя землевладѣльцемъ с. Козыль П. И. Берстелемъ, весьма сочувствовавшимъ инородческому образованію. Нынѣ эта школа помѣщается въ домѣ, построенномъ землевладѣльцемъ с. Смольдеярова П. В. Щетинкинымъ, который въ томъ же селѣ Яицоварѣ содержитъ на свои средства женскую школу Братства святителя Гурія, *Ковалинская*, открытая съ 1869 г. на ту же сумму, отпущенную Святѣйшимъ Сѵнодомъ, *Альбединская* съ 1868 г. Въ Чистопольскомъ уѣздѣ: *Степно-Кондратинская* съ 1871 г., *Черебатыревская* и *Нижне-Никиткинская* съ 1869 г., получающія содержаніе отъ земства. Тетюшскаго уѣзда: *Баймурзинская* съ 1870 г. и Спасскаго—*Баранская* съ 1869 г. Кромѣ того многія изъ школъ для крещеныхъ татаръ, открытыя по указаніямъ Николая Ивановича въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ, считаются въ настоящее время одноклассными инородческими школами Министерства Народнаго Просвѣщенія, каковы: *Ташкирменская* въ Лаишевскомъ уѣздѣ, *Апазовская* въ Казанскомъ и *Мулькеевская* въ Цивильскомъ, и земскими школами, каковы въ Мамадышскомъ уѣздѣ *Кулущинская*, *Чуринская*; въ Лаишевскомъ—*Верхне-Козыльская*, *Старо-Карабаянская*, *Урьево-Челнинская*.

Не только въ перечисленныя, но почти во всѣ инородческія, и преимущественно крещено-татарскія, школы Братства святителя Гурія, Ми-

[1]) Казанская центральная крещено-татарская школа. К. 1887 г. стр. 391—392.

нистерства Народнаго Просвѣщенія и земскія учителями назначались указываемые Николаемъ Ивановичемъ инородцы, большею частію изъ числа окончившихъ курсъ въ Казанской центральной учительской школѣ, или же въ Казанской учительской семинаріи. Многіе изъ этихъ учителей, вполнѣ усвоившіе, подъ руководствомъ Николая Ивановича, систему инородческаго образованія, получили въ настоящее время другое назначеніе; такъ одни изъ нихъ, посвященные во священники и діаконы, состоятъ законоучителями въ своихъ приходскихъ школахъ въ Казанской, Уфимской и Вятской епархіяхъ, другіе же, какъ опытные учителя, были назначаемы во вновь открываемыя братскія школы.

Почти одновременно съ устройствомъ школъ для крещеныхъ татаръ стали возникать школы для дѣтей чувашъ, черемисъ и другихъ инородцевъ, и въ этихъ школахъ обученіе велось также по системѣ, установленной Николаемъ Ивановичемъ. Съ открытіемъ въ 1867 году Братства Св. Гурія, всѣ такія школы перешли въ его вѣдѣніе. Для устройства школъ въ мѣстностяхъ, населенныхъ горными черемисами, почва была уже отчасти подготовлена. Здѣсь мѣстные священники съ 1820 года, не ограничивая свою дѣятельность однимъ только исправленіемъ церковныхъ требъ, старались сблизиться со своею паствою, изъ ихъ числа были и такіе, которые наканунѣ каждаго праздника ходили по своимъ приходскимъ деревнямъ, вели съ жителями этихъ деревень бесѣды и убѣждали ихъ ходить въ церковь, въ которой богослуженіе совершалось на ихъ родномъ языкѣ. Подъ вліяніемъ такихъ пастырей горные черемисы не только постепенно оставляли свои языческіе обряды и проявляли усердіе къ церкви, но въ средѣ дѣятелей, выдающихся изъ числа ихъ, возникла даже мысль объ основаніи такого учрежденія, которое было бы впослѣдствіи центромъ миссіонерской дѣятельности среди инородческаго населенія черемисъ и чувашъ, и этой мысли впослѣдствіи, съ устройствомъ Михайло-Архангельскаго монастыря въ Козьмодемьянскомъ уѣздѣ, суждено было отчасти осуществиться. Съ открытіемъ Братства сначала возникли инородческія школы для дѣтей горно-черемисскаго населенія, а затѣмъ, при посредствѣ учителей этихъ школъ, устраивались такія же школы и для луговыхъ черемисъ, въ числѣ которыхъ большинство только по имени были православными.

Школы для чувашскаго населенія въ концѣ 60 годовъ находились въ завѣдываніи особаго инспектора чувашскихъ школъ Н. И. Золотницкаго, слѣдовавшаго системѣ образованія инородцевъ, предложенной Н. И. Ильминскимъ.

Въ дѣлахъ Братства Николай Ивановичъ, въ особенности въ первые годы, когда устанавливалась его система и когда приходилось знакомить съ нею другихъ членовъ Братства, принималъ самое дѣятельное участіе. Въ состоящей при Братствѣ Переводческой Комиссіи онъ былъ предсѣдателемъ. Трудами этой Комиссіи, при дѣятельномъ участіи покойнаго Николая Ивановича, было издано болѣе ста названій разныхъ книгъ на русскомъ, татарскомъ, чувашскомъ, черемисскомъ, мордовскомъ, вотяцкомъ, киргизскомъ, алтайскомъ, бурятскомъ, гольдскомъ, остяцко-самоѣдскомъ и тунгусскомъ языкахъ. При чемъ многія изъ этихъ книгъ, печатанныя въ количествѣ отъ 1200 до 5000 экз., выдержали по нѣскольку изданій. Большую часть этихъ изданій составляли буквари, молитвенники, разсказы изъ священной исторіи и переводы Евангелія. Руководствомъ для переводовъ служила составленная Николаемъ Ивановичемъ книга подъ заглавіемъ: „О переводѣ православныхъ христіанскихъ книгъ на инородческіе языки". А для того, чтобы переводы, вполнѣ сохраняя смыслъ подлинника, были близки къ разговорному инородческому языку, Переводческой Комиссіей были изданы и такія книги, какъ словари, грамматика монголо-бурятскаго разговорнаго языка и произведенія народной словесности на вотяцкомъ и мордовскомъ языкахъ. Вообще Переводческая Комиссія, неутомимымъ дѣятелемъ въ которой, какъ мы уже замѣтили, былъ покойный Николай Ивановичъ, относясь съ полною серьёзностью къ выполненію своей задачи, придавала также не малое значеніе изученію тѣхъ памятниковъ народнаго творчества, которые способствовали къ основательному усвоенію законовъ развитія живого, народнаго языка.

Въ 1873 г., когда послѣдовало открытіе Казанской Учительской Семинаріи и когда во главѣ этого учебнаго заведенія сталъ покойный Николай Ивановичъ, имѣлось уже достаточное число лицъ изъ среды сельскаго духовенства и учителей, знакомыхъ съ его системой инородческаго образованія, распространяемой какъ имъ самимъ, такъ и ближайшими его сотрудниками, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести также бывшаго тогда студента Императорскаго Казанскаго Университета Н. Я. Яковлева. Благодаря указаніямъ Николая Ивановича, г. Яковлевъ придалъ вполнѣ миссіонерскій характеръ открытой имъ тогда въ г. Симбирскѣ чувашской школѣ и впослѣдствіи, занявъ мѣсто инспектора чувашскихъ школъ, всегда слѣдовалъ указаніямъ Николая Ивановича въ дѣлѣ распространенія первоначальнаго образованія и христіанскаго просвѣщенія между чувашами.

Въ одномъ изъ своихъ докладовъ Казанскому губернскому училищному Совѣту [1]) о христіанскомъ просвѣщеніи чувашъ Цивильскаго и Чебоксарскаго уѣздовъ и объ отношеніяхъ къ этому вопросу И. Я. Яковлева Николай Ивановичъ, между прочимъ, высказываетъ слѣдующее:

„Назадъ тому лѣтъ десять, когда во всемъ инородческомъ населеніи Цивильскаго уѣзда господствовала умственная дремота, священникъ села *Норваш* Н. М. Богородицкій, въ видахъ религіознаго просвѣщенія своихъ прихожанъ — чувашъ, открылъ въ приходской деревнѣ *Норваш-Яншиховой* братскую школу, учителемъ назначенъ чувашинъ *Моисей Тимоѳеевъ* урожденецъ Тетюшскаго уѣзда, который, по окончаніи курса въ начальномъ сельскомъ училищѣ, пробылъ нѣкоторое время въ Симбирской центральной чувашской школѣ, гдѣ пріучился къ пѣнію церковныхъ молитвъ на чувашскомъ языкѣ и къ чтенію чувашскихъ книгъ, которыя всѣ религіознаго, христіанскаго содержанія. Моисей твердо и основательно поставилъ свою школу и въ нѣсколько лѣтъ привлекъ къ ней общее расположеніе и довѣріе мѣстныхъ и окрестныхъ чувашъ. Назадъ тому лѣтъ пять, по примѣру Яншиховской школы, открыта была школа въ другой деревнѣ того же прихода, гдѣ обученіе возложено было на мальчика, ученика Моисея Тимоѳеева. Впослѣдствіи въ томъ же приходѣ открылась третья школа въ деревнѣ болѣе отдаленной отъ села. Между тѣмъ въ видѣ помощниковъ настоятелямъ были опредѣлены два чувашина, священники *Митрофанъ Дмитріевъ* въ с. *Подгорные Темяши* и *Григорій Филиповъ* въ *Старые Шигали*. Они своими разъясненіями и частію Богослуженіемъ поддержали сочувствіе въ мѣстныхъ чувашахъ къ христіанству. По христіанское одушевленіе достигло значительнаго развитія, когда назадъ тому два года поступили, кончившіе курсъ въ Симбирской школѣ, *Петровъ* въ *Ковали* и *Ананьевъ* въ *Старые Шигали*. Они преимущественно церковнымъ пѣніемъ и также обученіемъ на родномъ языкѣ произвели сильное впечатлѣніе на чувашъ. Въ *Шигалинскомъ* приходѣ въ прошломъ году открыты были еще двѣ чувашскія школы съ учителями изъ Симбирскихъ воспитанниковъ, къ которымъ сразу собралось множество учениковъ. Земскіе члены Цивильскаго училищнаго совѣта въ своемъ отчетѣ о народныхъ училищахъ, представленномъ XVIII очередному уѣздному земскому собранію, отозвались объ учителяхъ, кончившихъ курсъ въ центральной Симбирской чувашской школѣ, что они выдаются изъ всѣхъ учителей въ уѣздѣ.

[1]) Отчетъ о народ. училищ. Каз. губ. за 1882 г. стр. 50—58.

Земское собраніе поэтому постановило впредь опредѣлять учителями Цивильскаго уѣзда преимущественно изъ воспитанниковъ Симбирской школы. Кстати въ прошломъ 1882 къ ново-построенной церкви въ деревнѣ *Мусирмѣ* Ковалинскаго прихода назначенъ священникомъ, въ качествѣ помощника настоятеля, чувашинъ *Даніилъ Филимоновъ*. Такимъ образомъ христіанско-религіозное пробужденіе чувашъ Цивильскаго уѣзда пока еще ограничивается приходами Ковалинско-Муспрминскимъ, Старо-Шигалинскимъ, Норвашскимъ и Подгорно-Темяшскимъ. Въ этой то мѣстности и стали возникать школы грамотности чисто религіознаго христіанскаго направленія въ родѣ *Урмарской*, о которой приведу характеристику изъ письма ко мнѣ инспектора чувашскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа г. Яковлева. Вотъ что онъ пишетъ: „Въ послѣднюю поѣздку я видѣлъ кое что истинно отраднаго и утѣшительнаго. Къ явленіямъ этого рода относится видѣнная мною въ Урмарахъ самобытная чувашская школа; учитель ея простой чувашинъ *Константинъ Ефимовъ*. О немъ можно сказать словами Спасителя: се воистинну израильтянинъ, въ немъ же льсти нѣсть. Его простота, наивность и вѣра, какъ и самая школа поразительны. Ему теперь лѣтъ тридцать пять. Происхожденіе школы таково: три или четыре года тому назадъ Ефимовъ былъ серьезно боленъ, и во время болѣзни далъ Богу обѣтъ, если выздоровѣетъ, выучиться грамотѣ и открыть школу въ своей деревнѣ, въ которой не было ни одного грамотнаго, и которая, можно сказать, вся язычествуетъ. Ефимовъ выздоровѣлъ, отправился въ сосѣднюю деревню къ солдату и тамъ выучился кое какъ читать по русски, а вскорѣ ему попались чувашскіе переводы Евангелія отъ Матоея и Священной исторіи, онъ самъ своими силами ихъ прочиталъ. Послѣ такой подготовки, правда весьма незначительной (но дѣло не въ количествѣ знаній), Ефимовъ задумалъ открыть школу, что́ ему не вдругъ удалось. Наконецъ познакомился съ Ковалинскимъ учителемъ *Яковомъ Петровымъ*, при поддержкѣ котораго и открылъ свою школу въ прошлую осень. Школа помѣщается въ собственной избѣ Ефимова, маленькой и курной. Парты самодѣльныя—за ними сидятъ ученики, число ихъ двадцать шесть, различнаго возраста отъ 10 до 20 лѣтъ. Одни читаютъ букварь, а другіе приступили къ чтенію св. исторіи, знаютъ молитвы и поютъ; поютъ своеобразно, по религіозно. Тутъ же на нарахъ сидятъ маленькія дѣти Ефимова, а жена его, недавно родившая, во время занятій мужа, уходитъ съ грудным ребенкомъ къ сосѣдямъ. Школа и скромный ея учитель производятъ сильное и характерное впечатлѣніе.

Спрашиваю я Ефимова: какъ это ты рѣшился учить дѣтей въ своей избѣ? А онъ мнѣ многозначительно отвѣчаетъ: „Для Бога я далъ такое обѣщаніе“. И такъ, говоритъ Николай Ивановичъ, весь секретъ, вся возбудительная сила къ христіанскому просвѣщенію чувашъ состоитъ въ примѣненіи роднаго языка въ школѣ и церкви, въ обученіи и въ Богослуженіи. Подобнаго воздѣйствія не было въ Чебоксарскомъ уѣздѣ: тамъ до послѣдняго времени мѣстный инородческій языкъ въ школахъ не допускался, природныхъ инородцевъ въ церковномъ клирѣ не было и теперь нѣтъ. И если въ нѣкоторыхъ приходахъ, какъ напр. въ *Абашевскомъ*, чуваши стали жить подобно православнымъ русскимъ, т. е. соблюдая обряды и внѣшность православнаго русскаго быта, это произошло собственно отъ того, что священники старались уничтожить языческія чтилища и принадлежности; но понятія о христіанскомъ ученіи и о христіанской жизни никакого не сообщили народу, и по этому чуваши Чебоксарскаго уѣзда, по случаю прошлогоднихъ неурожаевъ, (въ 1881 г.) вдругъ стали совершать языческія жертвы, снова повернули въ язычество. Итакъ для возбужденія въ чувашахъ Чебоксарскаго уѣзда охоты открыть школы грамотности и къ образованію слѣдуетъ употребить не матеріальныя приманки, а тѣже христіанско-религіозныя средства, какія произвели весьма замѣтныя дѣйствія въ христіанско-просвѣтительномъ направленіи вышеупомянутой мѣстности Цивильскаго уѣзда“.

Какъ директоръ Казанской Русско-инородческой Семинаріи Николай Ивановичъ главнымъ образомъ заботился о томъ, чтобы окончившіе курсъ ученики этой Семинаріи были лучшими и образцовыми учителями въ русскихъ и инородческихъ школахъ, для чего и поддерживалъ обширную переписку, какъ съ этими воспитанниками, такъ и вообще съ большею частію лицъ, наблюдающихъ за ходомъ преподаванія въ школахъ. Эта переписка, способствуя болѣе правильной постановкѣ дѣла народнаго образованія, давала возможность Николаю Ивановичу пріобрѣтать все большее и большее число лицъ, относящихся съ полнымъ сочувствіемъ къ его системѣ инородческаго образованія и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть подробныя свѣдѣнія о тѣхъ мѣстныхъ особенностяхъ и условіяхъ, въ которыхъ поставлены наши русскія и инородческія школы.

Постоянно слѣдя, при посредствѣ такой переписки, за дѣятельностью воспитанниковъ Семинаріи, а также законо-учителей и учителей братскихъ школъ, Николай Ивановичъ принималъ дѣятельное участіе не только въ томъ, что могло способствовать къ улучшенію ихъ личнаго положенія, но и во всемъ, что оказывало вліяніе на улучшеніе школы

и на поднятіе матеріальнаго благосостоянія того селенія, гдѣ находилась школа, и даже цѣлаго прихода. Намъ извѣстенъ не одинъ такой случай, гдѣ благодаря Николаю Ивановичу, дѣйствовавшему при посредствѣ мѣстныхъ священниковъ и учителей, смягчалось то тяжелое и часто повидимому безвыходное положеніе, въ которое поставлено народонаселеніе нашего средняго поволжья, благодаря почти повсемѣстному неурожаю хлѣба. Вотъ что говорится объ одномъ изъ такихъ случаевъ въ отчетѣ о дѣятельности муспрминскаго церковно-приходскаго попечительства Цивильскаго уѣзда по оказанію помощи голодающимъ за періодъ времени съ 15 ноября 1891 года по 1 января 1892 года.

„Первымъ и главнымъ благодѣтелемъ Муспрминскаго прихода всегда былъ Николай Ивановичъ Ильминскій (Директоръ Казанской Инородческой Учительской Семинаріи), мирно скончавшійся 27 декабря 1891 года,—великій труженникъ, который всю свою жизнь посвятилъ дѣлу просвѣщенія и христіанскаго образованія инородцевъ. Но въ нынѣшнемъ голодномъ году его благодѣянія для Муспрминскихъ прихожанъ были особенно велики и замѣчательны. При письмѣ своемъ отъ 28 іюля сего года онъ первый прислалъ въ пользу голодающихъ прихожанъ села Муспрмы 50 рублей, а потомъ, помѣстивъ воззваніе о. Филимонова въ 217 № „Московскихъ Вѣдомостей“, онъ вызвалъ въ добрыхъ сострадательныхъ людяхъ чувство нелицемѣрнаго сожалѣнія и христіанской любви къ бѣдствующимъ жителямъ нашего края; вслѣдствіе чего съ половины августа по настоящее время на помощь голодающимъ нашего прихода поступило пожертвованій всего деньгами и мукой на 5092 р. 40 к. Виновникомъ такого, сравнительно очень большаго, притока добровольныхъ приношеній на Муспрминскій приходъ былъ именно нашъ незабвенный и дорогой наставникъ и благодѣтель Николай Ивановичъ. Двѣ тысячи Муспрминскихъ прихожанъ горько оплакиваютъ нынѣ смерть этого великаго и всѣми искренно любимаго человѣка, всю жизнь неустанно работавшаго и стремившагося, чтобы вывести темныхъ инородцевъ изъ умственной-нравственной косности и изъ мрака языческихъ заблужденій“.

„30 декабря на отпѣваніи и погребеніи Николая Ивановича находилось 5 человѣкъ Муспрминскихъ прихожанъ-чувашъ, которые, никѣмъ не замѣчаемые, молились Господу Богу объ упокоеніи души своего благодѣтеля—новопреставленнаго раба Божія Николая“.

И такъ вотъ какъ сами инородцы, или правильнѣе сказать, лучшіе представители изъ ихъ среды, смотрятъ на дѣятельность по отно-

шенію къ нимъ покойнаго Николая Ивановича, и мы глубоко убѣждены, что такой взглядъ на его дѣятельность далеко не единичный и что многочисленные и вполнѣ сознательные его послѣдователи, разсѣянные по всему пространству, на которомъ обитаютъ инородцы, будутъ способствовать развитію и укрѣпленію его системы образованія.

И. Износковъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О Н. И. ИЛЬМИНСКОМЪ [1]).

Минувшій годъ оставилъ намъ много свѣжихъ могилъ, много пустыхъ мѣстъ въ рядахъ нашихъ:—сколько, по волѣ Божьей, взято изъ среды сильныхъ мужей, великихъ работниковъ на нивѣ Господней. Поминальная книга наша растетъ изъ года въ годъ, но, кажется, ни одинъ изъ прошлыхъ годовъ не прибавилъ къ ней столько именъ, какъ минувшій 1891 годъ.

И вотъ, наконецъ, на самомъ исходѣ года, взятъ у насъ послѣднимъ мужъ великой силы и великаго дѣла, Николай Ивановичъ Ильминскій. Не многіе знали его въ верхнихъ слояхъ общества, тамъ, гдѣ передаются изъ устъ въ уста громкія имена политическихъ дѣятелей, прославленныхъ писателей, полководцевъ и министровъ, а Ильминскій значится въ спискахъ только директоромъ Казанской учительской семинаріи. Но имя этого человѣка—родное и знакомое повсюду въ восточной половинѣ Россіи и въ далекой Сибири, тамъ тысячи простыхъ русскихъ людей и инородцевъ оплакиваютъ его кончину, тысячи богобоязненныхъ сердецъ умиленно поминаютъ его въ молитвахъ, какъ великаго просвѣтителя и человѣколюбца.

Когда будетъ написана правдивая исторія миссіонерства или, правильнѣе сказать, исторія христіанскаго просвѣщенія инородцевъ въ Россіи, она будетъ поистинѣ вѣрнымъ отраженіемъ особенностей русскаго духа и русской культуры. Въ ней издревле сіяютъ, возвеличенныя народомъ, имена святыхъ подвижниковъ—Стефана Пермскаго, Трифона Печенгскаго, Гурія и Варсонофія Казанскихъ. Исторія покажетъ, какъ

[1]) Изъ журнала «Русскій Вѣстникъ», февраль, 1892 г.

просто и съ какою любовью къ инородцамъ и съ какимъ разумомъ совершали эти великіе мужи дѣло просвѣщенія, начиная съ изобрѣтенія азбуки, посредствомъ коей стремились они провесть свѣтъ вѣры и слова Божія, на родномъ языкѣ инородцевъ, въ сердца ихъ и въ разумъ.— Послѣ того, въ теченіе 17-го и 18-го столѣтій, миссіонерское дѣло въ Россіи окутано тьмою и пребываетъ въ застоѣ. Лишь со 2-й четверти 19-го столѣтія дѣло это оживаетъ, воскресаютъ преданія древняго миссіонерства и являются новые дѣятели инородческаго просвѣщенія на дальнихъ окраинахъ Россіи.—Иннокентій Алеутскій, Макарій Алтайскій, Діонисій Якутскій оживляютъ дѣло новымъ духомъ и создаютъ новую школу работниковъ и подвижниковъ русскаго миссіонерства, полагая главнымъ его орудіемъ—языкъ и школу. Въ древней столицѣ царства Казанскаго, въ передовомъ пунктѣ Восточнаго края, образуется мало по малу ученый центръ для распространенія христіанской и русской культуры между инородцами и для изученія инородческихъ языковъ. Здѣсь то провидѣніемъ указано было мѣсто плодотворной дѣятельности Н. И. Ильминскаго.

Съ покоренія Казани началось обращеніе татаръ и инородцевъ въ православную вѣру—оно было въ массѣ лишь внѣшнее и обрядовое, не представляя въ началѣ и большихъ затрудненій, ибо въ ту пору мусульманство не утвердилось еще въ томъ краю сознательно, и народныя вѣрованія были смутныя и двойственныя, склоняясь къ шаманству болѣе, чѣмъ къ исламу. Съ тѣхъ поръ населеніе старокрещеныхъ инородцевъ оставалось въ коснѣніи невѣжества, не зная никакой вѣры, хотя приписано было къ церкви православной, не понимая языка ея, не находя ея учителей и не зная школьнаго обученія. Заботы правительства объ утвержденіи вѣры ограничивались лишь внѣшними мѣрами предписаній, наградъ и наказаній. Между тѣмъ, съ теченіемъ времени, въ татарскомъ населеніи укрѣпилось магометанство съ выработаннымъ вѣроученіемъ, съ цѣлою организаціей духовнаго сословія и школъ при мечетяхъ; сталъ усиливаться духъ фанатической пропаганды, подъ вліяніемъ связей и сношеній съ средне-азіатскими центрами ислама. Начались массовыя отпаденія старо-крещеныхъ татаръ, по духу и обычаю не имѣвшихъ ничего общаго съ православною церковью, но и тѣмъ и другимъ связанныхъ съ бытомъ мусульманскаго населенія. Вслѣдъ за татарами пропаганда перенесла свое дѣйствіе и на другихъ инородцевъ—на чувашей, на черемисъ, на мордву. Массовыя отпаденія угрожали уже

опасностію — поглотить все населеніе края въ мусульманской культурѣ и въ татарской народности.

Конечно, лишь отъ церкви и отъ церковной школы можно было ожидать противодѣйствія этому массовому, стихійному движенію инородцевъ.—Въ 60-хъ годахъ въ Казани былъ викаріемъ преосвященный Гурій, горячій ревнитель миссіонерскаго дѣла: по его мысли и его заботами открыто въ 1867 году Казанское братство святаго Гурія, и тѣмъ началась, можно сказать, новая эпоха миссіонерства на Востокѣ. Это братство и стало, мало по малу, разсадникомъ новыхъ инородческихъ школъ. Но еще ранѣе того началась въ миссіонерскомъ противумусульманскомъ отдѣленіи при Казанской духовной академіи подготовительная работа къ этому дѣлу, при главномъ участіи Ильминскаго, бывшаго тогда преподавателемъ арабскаго и татарскаго языка, и Малова, преподававшаго противумагометанскую полемику. Ильминскій, горячая, ревностная душа, весь проникнутъ былъ мыслею о главномъ орудіи миссіонерства—о языкѣ. „Чтобы преподаваемыя истины глубоко укоренились въ сознаніи простолюдина,—такъ говорилъ онъ,—надобно войти въ его міросозерцаніе, принять его понятія за данное и развивать ихъ. Архаически простыя понятія инородцевъ могутъ быть ассимилированы христіанствомъ, наполниться и освятиться его божественнымъ содержаніемъ. Мышленіе народа и все его міросозерцаніе выражается на его родномъ языкѣ. Кто владѣетъ языкомъ инородцевъ, тотъ понимаетъ, хотя бы только инстинктивно, міросозерцаніе ихъ. Кто говоритъ съ ними на ихъ родномъ языкѣ, того они легко понимаютъ“.

Невыразимая доброта, ласковость, искренность и простота Ильминскаго облегчали ему пути сношенія съ инородцами, и на первыхъ же порахъ пріобрѣлъ онъ главнымъ себѣ сотрудникомъ молодаго татарина Василія Тимоѳеева, съ помощью коего принялся за исправленіе переводовъ. Прежніе ученые переводы литургіи и богослужебныхъ книгъ были совершенно непонятны и потому безполезны для народа. Ильминскій принялся переводить учительныя и учебныя книги языкомъ народнымъ и писать и печатать ихъ русскими буквами, чтобы не обязываться,—какъ говорилъ онъ,—омусульманенному арабизму даже алфавитомъ. Съ букваремъ, съ книгой Бытія, съ премудростію Сираховой, съ пѣніемъ пасхальнаго канона, ученики Ильминскаго и Малова стали ѣздить по деревнямъ—и народъ сталъ стекаться къ нимъ съ радостью. Первые удачные опыты стали распространяться дальше и дальше, а братство святаго Гурія стало мало по малу распространять по всему краю сѣть

народныхъ крещено-татарскихъ школъ. Дѣло двинулось и пошло впередъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ.

Во главѣ всѣхъ инородческихъ братскихъ школъ стала, съ 1864 года, учрежденная Ильминскимъ, центральная крещено-татарская школа, мужская и женская, гдѣ всѣ почти преподаватели изъ крещеныхъ татаръ. Всѣ, имѣвшіе случай посѣщать эту школу и слышать въ церкви ея богослуженіе и пѣніе на татарскомъ языкѣ, выносили оттуда истинную, восторженную радость русскаго сердца о томъ, чего могутъ достигнуть русскіе люди, связуемые любовью. Душою этой школы былъ отъ ея начала до конца своей жизни Ильминскій, вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ, нынѣ уже старцемъ, Тимоѳеевымъ. Школа эта успѣла уже широко раскинуть свои вѣтви. Отъ нея пошло и утвердилось къ концу 1891 года 128 инородческихъ школъ по всѣмъ уѣздамъ Казанской губерніи; въ томъ числѣ 61 крещено-татарская, 49 чувашскихъ, 4 черемисскія, 7 вотяцкихъ и 1 мордовская: повсюду и ученье происходитъ и богослуженіе и пѣніе совершается на мѣстныхъ нарѣчіяхъ — и всюду трудятся птенцы Ильминскаго. Сколько внесли эти школы свѣта въ темную деревенскую среду, сколько посѣяли добрыхъ сѣмянъ христіанскихъ! Въ Симбирскѣ изъ этого же казанскаго гнѣзда проникшее вѣяніе духа создало центральную чувашскую школу и въ связи съ нею болѣе сотни чувашскихъ школъ по уѣздамъ. Наконецъ, уже въ послѣднее время, стараніями Ильминскаго, учреждена, для вотяцкихъ учителей, центральная вотская школа, въ Уржумскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи.

Не безъ борьбы, однако, достигалъ Ильминскій осуществленія основной своей мысли. Многіе возставали противъ нея, возражая противъ школьнаго обученія и богослуженія на инородческихъ языкахъ. Но Ильминскій упорно отстаивалъ свою мысль, ибо она согласовалась вполнѣ съ апостольскимъ завѣтомъ — учить вѣрѣ каждое племя на языкѣ его, и являлась единственно возможнымъ средствомъ для просвѣщенія, и, въ конечныхъ результатахъ, для обрусенія инородцевъ,—единственно возможнымъ орудіемъ для борьбы съ магометанствомъ, угрожавшимъ привлечь къ себѣ массу инородческаго населенія. Къ счастью, въ этой мысли нашелъ онъ себѣ поддержку въ министрѣ народнаго просвѣщенія, который во время своей поѣздки по Казанскому и Оренбургскому краю въ 70-хъ годахъ узналъ Ильминскаго и оцѣнилъ его. Не разъ случалось мнѣ говорить покойному графу Толстому, что самое плодотворное дѣло его и самая важная заслуга его передъ Россіей состоитъ въ томъ, что онъ уразумѣлъ и поддержалъ Н. И. Ильминскаго. Въ 1872 г.

учреждена была въ Казани учительская семинарія и директоромъ ея назначенъ Ильминскій.

Въ вѣдѣніи братства и въ связи съ духовной академіей, учреждена, съ 1868 года, по мысли Ильминскаго, переводческая коммиссія, для распространенія среди инородцевъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, на ихъ природныхъ языкахъ. Членами ея состояли—кромѣ самого Ильминскаго, профессоръ Миротворцевъ (для монгольскаго языка) и начальникъ симбирской школы Яковлевъ (для чувашскаго языка). И здѣсь душою дѣла былъ Николай Ивановичъ. Прежніе переводы священныхъ книгъ на инородческомъ языкѣ, изданные библейскимъ обществомъ, въ большинствѣ оказывались негодными: надлежало передѣлывать на языкъ понятный народу и издавать новые, тщательно провѣряя смыслъ каждаго слова, въ совокупномъ трудѣ съ людьми изъ народа и съ выведенными въ науку инородцами. Такъ, еще прошлымъ лѣтомъ, проживая въ Геѳсиманскомъ скиту, Ильминскій вызвалъ къ себѣ трехъ якутовъ изъ Московской и Казанской академій, чтобы вмѣстѣ съ ними выправлять якутскій переводъ Новаго Завѣта. Обладая глубокимъ знаніемъ арабскаго и татарскаго языка, равно какъ и глубокимъ знаніемъ славянскаго и русскаго, Ильминскій съ необыкновенною тщательностью изслѣдовалъ, по корнямъ и по употребленію, смыслъ каждаго церковнаго слова. Изъ казанской переводческой комиссіи вышла, въ теченіе 20 лѣтъ, цѣлая библіотека книгъ Священнаго Писанія, учительныхъ и учебныхъ, на инородческихъ языкахъ: на татарскомъ, на чувашскомъ, на алтайскомъ, на якутскомъ, бурятско-тунгусскомъ, гольдскомъ, вотяцкомъ, мордовскомъ, черемисскомъ, остяцко-самоѣдскомъ, киргизскомъ. Работа идетъ непрестанно, и ежегодно библіотека эта дополняется новыми выпусками. Къ сожалѣнію, работа эта, какъ и вообще вся исторія казанскихъ учрежденій, мало кому извѣстна и литература оставляетъ ихъ безъ вниманія, хотя нерѣдко упоминаетъ о миссіонерскихъ трудахъ въ Западной Европѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Альзасѣ, въ городѣ Мюльгаузѣ, почтенный реформатскій пасторъ Матьё устроилъ учрежденіе, подъ названіемъ *Библейскаго музея*, и началъ собирать туда со всей вселенной изданія Священнаго Писанія на всѣхъ возможныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Услышавъ отъ кого-то, что и въ Россіи есть кое-какіе переводы на инородческіе языки, онъ обратился ко мнѣ за свѣдѣніями и пришелъ въ крайнее изумленіе, получивъ отъ меня огромный ящикъ иноязычныхъ книгъ Священнаго Писанія, изданныхъ въ Казани:—имѣя самое превратное понятіе о нашей церковной жизни, лютеране не ожидали отъ насъ ничего подобнаго.

Родной свой языкъ, и особливо церковно-славянскій Ильминскій любилъ глубоко, живо ощущая всѣ художественныя красоты его: онъ зналъ его въ совершенствѣ по древнимъ его памятникамъ. Книги Священнаго Писанія и богослужебныя церковныя зналъ онъ глубоко и тонко, вдумываясь въ значеніе каждаго слова, что и требовалось практикою переводческихъ работъ его. Интересна и поучительна была его бесѣда объ этихъ предметахъ: внутренній смыслъ каждой рѣчи и каждаго слова умѣлъ онъ освѣщать своею мыслью, глубоко проникавшею въ самый корень слова съ историческимъ его развитіемъ. Въ послѣдніе годы жизни издано имъ нѣсколько книжекъ, въ коихъ изложены опытныя его наблюденія надъ церковно-славянскими формами и оборотами и изложены основанія, коими онъ руководствовался при переводахъ на инородческіе языки. Книжка его, немногимъ извѣстная, „О сравнительномъ достоинствѣ разныхъ редакцій церковно-славянскаго перевода Псалтири и Евангелія“, исполнена остроумныхъ и драгоцѣнныхъ замѣчаній. Руководство его къ обученію церковно-славянской грамотѣ, составленное для церковно-приходскихъ школъ, выдержало уже нѣсколько изданій и не имѣетъ себѣ подобнаго въ практическомъ употребленіи. Наконецъ, уже въ самое послѣднее время изданъ имъ древне-славянскій текстъ четвероевангелія, составленный по соображенію всѣхъ древнѣйшихъ списковъ.

Мусульманскій міръ зналъ онъ въ совершенствѣ и близко знакомъ былъ съ его литературою, древнею и новѣйшею: знали его мусульмане, и многіе охотно сходились съ нимъ и съ его сотрудниками въ бесѣдахъ о своей вѣрѣ. Онъ зорко слѣдилъ за всѣми, въ послѣднее время усилившимися, движеніями мусульманской пропаганды на нашемъ ближнемъ и дальнемъ Востокѣ и приносилъ немало пользы своевременными своими указаніями.

Казань служитъ единственною въ своемъ родѣ ареною для полемическихъ бесѣдъ и состязаній съ исламомъ. Эти бесѣды представляютъ любопытное и поучительное явленіе и не остаются безплодными, потому что ведутся серьезно. Исламъ отличается серьезнымъ отношеніемъ къ вѣрѣ, и когда мусульманинъ видитъ съ другой стороны столь же серьезное отношеніе къ вопросамъ вѣры и способность понимать его воззрѣнія,—образуется почва удобная для изысканія истины. Но для сего нужно опять таки миссіонеру войти въ душу своего собесѣдника, свыкнуться съ его міросозерцаніемъ, съ его представленіемъ о религіозныхъ предметахъ: для этого недостаточно быть только ученымъ, привыкшимъ

смотрѣть съ своей высшей точки зрѣнія на подробности полемики. Необходимо особливое психическое отношеніе къ душѣ собесѣдника. Вотъ почему и въ бесѣдахъ и состязаніяхъ съ раскольниками стараго обряда успѣваютъ у насъ дѣйствовать на душу не столько ученые, изучающіе расколъ на каѳедрахъ, сколько простые люди изъ народа, почерпнувшіе въ средѣ раскольничьей знаніе тѣхъ путей, по коимъ движится мысль народная въ книжной мудрости, и свыкшіеся съ міровоззрѣніемъ народнымъ. Любопытный и единственный въ своемъ родѣ примѣръ полемики этого рода въ послѣднее время представляли бесѣды, за которыми слѣдилъ съ живымъ интересомъ покойный Ильминскій, бесѣды протоіерея Малова съ молодымъ ученымъ муллою Ахмеровымъ, человѣкомъ пытливаго ума и глубокаго знанія мусульманскихъ наукъ. Эти бесѣды, начавшись съ 1882 года, велись въ теченіе 8 лѣтъ непрерывно и систематично, о коранѣ и библіи, о пророкахъ, упоминаемыхъ въ коранѣ, т. е. объ Адамѣ, Авраамѣ, Моисеѣ и Давидѣ, объ Іисусѣ Христѣ и Магометѣ. Часть этихъ бесѣдъ издана была въ 1885 году въ Казани, подъ заглавіемъ „Объ Адамѣ по ученію библіи и по ученію корана“. Книга эта весьма любопытна тѣмъ именно, что показываетъ, какія трудности предстоятъ миссіонеру, особливо противумусульманскому, и съ какимъ серьезнымъ вниманіемъ онъ долженъ останавливаться на всякой мертвой, повидимому, буквѣ, которая составляетъ живой элементъ вѣрованія въ душѣ его собесѣдника. Ахмеровъ держался восемь лѣтъ крѣпко и возражалъ находчиво, но въ концѣ 1890 года обнаружился въ немъ крутой поворотъ отъ корана къ Евангелію. Вскорѣ онъ рѣшился покинуть медресу и разстаться съ почетомъ, которымъ пользовался у своихъ единовѣрцевъ. Этотъ замѣчательный случай доставилъ истинную радость Ильминскому: въ обращеніи Ахмерова онъ видѣлъ настоящій, прочный и живой зародышъ миссіонерскаго дѣла, какъ органическаго процесса, къ которому предыдущая 40-лѣтняя жизнь миссіонерскаго отдѣленія академіи, какъ противумусульманскаго, служила подготовкой.

Будучи русскимъ и церковнымъ человѣкомъ, Ильминскій всей душою радовался возстановленію церковно-приходскихъ школъ, въ коихъ справедливо видѣлъ единственное и могучее средство привязать народъ къ школѣ и воспитать его въ здравомъ духѣ русскаго человѣка, въ любви къ церкви и къ отечеству и въ добрыхъ нравахъ и вкусахъ. Онъ ревностно примкнулъ къ начавшемуся движенію и сталъ въ число членовъ Сунодальнаго Училищнаго Совѣта: своею педагогическою опытностью

онъ много содѣйствовалъ правильному устройству школьнаго дѣла, и въ своихъ „Бесѣдахъ о народной школѣ“ (Петербургъ 1889 г.) оставилъ школѣ драгоцѣнные завѣты здравой христіанской педагогіи.

Письменныя его сношенія были многочисленныя, и переписка его представляетъ особый интересъ: онъ не писалъ по пустому, но постоянно по предметамъ ученой или практической нужды. Но каждое дѣло, о которомъ писалъ, онъ освѣщалъ всегда историческими его данными и своими соображеніями о лицахъ и о предметахъ. Изъ массы матеріала, оставшагося въ его распоряженіи, онъ выдѣлялъ иногда бумаги, относившіяся къ исторіи учрежденія или дѣятеля, и издавалъ ихъ отдѣльно:—эти изданія, несмотря на свою спеціальность, очень интересны. Такъ, въ 1884 году изданы имъ отдѣльною книгой матеріалы для исторіи христіанскаго просвѣщенія крещеныхъ татаръ. Здѣсь собрана вся происходившая съ 1863 года переписка по этому важному дѣлу, статьи самого Ильминскаго, разсказы и записки старокрещеныхъ татаръ и т. п. Уже въ самомъ концѣ въ своей жизни, на смертномъ одрѣ, принялъ онъ изъ печати послѣднее свое изданіе—біографію дѣятеля изъ инородцевъ Алтынсарина, съ относящеюся къ нему перепиской. Частныя письма Ильминскаго приносили всегда отрадное ощущеніе друзьямъ его. Бывало, вставъ, откроетъ книгу, нападетъ на псаломъ, и проснется его филологическое чутье и заговоритъ въ немъ поэтическое чувство—и сейчасъ напишетъ изъясненіе того или другаго слова, со всею его исторіей, или нарисуетъ поэтическую картину природы, раскрывая смыслъ вдохновенной рѣчи пророка. Или, остановивъ вниманіе на словѣ церковной молитвы, освѣтитъ по источникамъ славянскимъ и греческимъ ея происхожденіе, ея смыслъ грамматическій и историческій. Напишетъ и пошлетъ одному изъ сочувственныхъ друзей своихъ. Вотъ одно изъ такихъ писемъ. „Сегодня, при восходѣ солнца, вдругъ мнѣ пришли на память слова 103 псалма: на тыхъ птицы небесныя привитаютъ. Что за форма *на тыхъ*? Если предложный (мѣстный) падежъ, слѣдовало бы *на тыхъ*. Справляюсь съ древнимъ псалтыремъ по изданію преосвященнаго Амфилохія, оказывается—*на ты*... винительный падежъ. Связь рѣчи: стих. 10. Посредѣ горъ пройдутъ воды (ὕδατα)... на ты (т. е. на воды-то) птицы небесныя привитаютъ (κατασκηνώσει), т. е. сверху, съ воздуха или съ горъ-то спускаются и гнѣздятся небесныя пташки. Отъ среды каменія дадятъ гласъ. Какая картина! Въ ущеліяхъ межъ скалъ и утесовъ (какъ напримѣръ на Кавказѣ, въ Кисловодскѣ) протекаютъ ручьи, на нихъ могутъ рости кусточки. И вотъ пташки (пѣвчія) заводятъ

въ этихъ кустахъ гнѣзда и поютъ себѣ на привольи, и далеко по ущельямъ и скаламъ разносятся ихъ голоса. Отъ среды каменія—*ἐκ μέσου τῶν πετρῶν*. По этому поводу я, по симфоніи, пріискалъ всѣ мѣста, гдѣ слово камень. Всѣхъ мѣстъ въ псалтири 18, — изъ нихъ 5—камень *λίθος*: паче злата и камене честна. Вѣнецъ отъ камене честна. Да не преткнеши о камень ногу твою. Благоволиша раби твои каменіе. Камень его же небрегоша зиждущіи.—Остальныя 13—*πέτρα*, скала. На камень вознесе мя. Изведе воду изъ камене, и проч.

Міръ человѣческій—та же вселенная, и тоже держится силою тяготенія. Избранная душа съ глубокимъ чувствомъ благожеланія, съ горячимъ стремленіямъ къ правдѣ въ жизни—тоже свѣтило, силою коего держится, движется и обращается цѣлый міръ малыхъ свѣтилъ, ибо дѣйствіе одной души на другую безгранично и безконечно. Такимъ свѣтиломъ былъ въ кругу своемъ незабвенный Николай Ивановичъ. Это былъ по истинѣ учитель въ высшемъ значеніи слова, свѣтильникъ, отъ котораго многіе огни загорались яснымъ свѣтомъ. Ученики его во множествѣ разошлись, имъ наученные и направленные, по дальнему Востоку учителями, священниками, діаконами инородческихъ мѣстностей; изъ глубины пустынь Оренбургскихъ, Иркутскихъ, Алтайскихъ, Якутскихъ, отзывались сочувственные голоса на зовъ его, къ нему обращались за совѣтомъ и одушевленіемъ—не именитые, не знатные, не богатые, но тѣ „малые и простые“, кои работаютъ по темнымъ угламъ, проливая свѣтъ посреди мрака, холода и невѣдѣнія. Не было въ этихъ углахъ нужды, на которую онъ не отзывался бы, не было бѣды и горя, коему онъ не сострадалъ бы. Сущіе простецы инородцы несли къ нему свои бытовыя нужды,—и не разъ въ простыхъ нуждахъ, мимо коихъ другой прошелъ бы съ пренебреженіемъ, отстаивалъ онъ ихъ и помогалъ имъ ходатайствами своими въ губерніи и въ столицѣ.

Другой такой ясной и чистой души не приходилось мнѣ встрѣчать въ жизни: отрадно было смотрѣть въ глубокіе, добрые и умные глаза его, свѣтившіе въ душу внутреннимъ душевнымъ свѣтомъ, а бесѣда его была ни съ чѣмъ несравненная, всегда съ солью, всегда въ простотѣ, чуждой всякой аффектаціи, но исполненной поэтическихъ образовъ. Когда онъ говорилъ о Священномъ Писаніи, особливо о псалмахъ, которые любилъ особенно, о богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ,—какъ оживлялось лицо его, какимъ свѣжимъ ключомъ лилась изъ устъ его рѣчь, исполненная глубокихъ философскихъ и филологическихъ сближеній,

поэтическихъ образовъ, картинъ изъ природы. Когда онъ разсказывалъ, —сколько было въ его разсказахъ того тихаго, добраго юмора, безъ котораго рѣдко обходится добрая русская душа. Несравненная простота души давала ему способность сближаться одинаково съ людьми всякаго общественнаго положенія, и самымъ простымъ и бѣднымъ онъ былъ столь же легокъ и пріятенъ, какъ начальственнымъ и знатнымъ. При томъ никогда и ни въ чемъ не слышалось въ немъ ничего похожаго на какую-либо претензію: все достоинство простоты соединялось въ немъ со всею ея скромностью. Посреди всяческой суеты, превращающей нерѣдко шумную городскую дѣловую жизнь—въ пустыню умственную и нравственную, какъ бывало отрадно отдыхать на этомъ оазисѣ глубокой мысли и горячаго чувства, который образовался всюду около Николая Ивановича. Мудрено ли, что дѣйствіе этой души на всѣхъ знавшихъ ее было неотразимо и благодѣтельно.

Вслѣдствіе такихъ свойствъ своей природы, Ильминскій былъ и идеальнымъ педагогомъ. Онъ относился недовѣрчиво, иногда отрицательно, къ новѣйшимъ теоріямъ, возводимымъ въ обычный нынѣ всюду „курсъ педагогіи“, читаемый нерѣдко кѣмъ попало, по кое-какимъ книжкамъ. Самъ онъ обладалъ самымъ существеннымъ секретомъ всякой истинной педагогіи—умѣньемъ *войти въ душу человѣка*, съ ея міросозерцаніемъ, привычками и наклонностями. Къ нему можно было примѣнить слово Апостола: *всѣмъ бых вся, да всяко нѣкія спасу*. Не разъ, при видѣ его, вспоминалась мнѣ по этому поводу читанная мною прекрасная, глубокаго смысла притча персидскаго поэта Джелалледина: „Нѣкто, подойдя къ дверямъ возлюбленнаго, сталъ стучаться, и голосъ послышался изнутри: Кто тамъ? Это я,—отозвался стучавшійся. „Нѣтъ мѣста двоимъ въ этомъ домѣ“, отвѣчалъ голосъ, и дверь не отворилась. Тогда пошелъ человѣкъ съ желаніемъ своимъ въ пустыню, сталъ поститься и молиться въ уединеніи, и опять пришелъ черезъ годъ къ дому и опять сталъ стучаться. „Кто тамъ?“ послышался голосъ. Ты самъ, отвѣчалъ стучавшій,—и отворилась ему дверь“.

Неутомимо дѣятельный, непрестанно заботливый, онъ оставался таковымъ до послѣдняго дня своей жизни. Въ послѣдніе два года, примѣтно ослабѣвая, онъ сталъ усиленно думать о кончинѣ. Въ мартѣ 1890 года онъ писалъ мнѣ: „Дѣлайте дондеже день есть: придетъ нощь, егда никтоже можетъ дѣлати. Эта нощь, вопреки нощи естественной, приходитъ яко тать, внезапно; нельзя ручаться ни за годъ, ни за день,

ни даже за минуту. Внезапная кончина N. вперила мнѣ неожиданность конца. Теперь это острое чувство сгладилось, но, все-таки, близость конца несомнѣнна, когда жизнь приближается къ псаломскому термину. Тѣмъ сильнѣе забота—сдѣлать что можно, пока день есть. Если смерть неизбѣжна, то и слѣдуетъ ей покориться съ вѣрою и упованіемъ на милость Божію. Но вотъ что предупредительно возвѣщаетъ псалмопѣвецъ: изыдетъ духъ его и возвратится въ землю свою: въ той день погибнутъ вся помышленія его. Бренное тѣло не большая важность:— дороги помышленія, идеи, изъ-за которыхъ люди бьются. Въ данномъ случаѣ помышленіе — какъ бы упрочить христіанское просвѣщеніе инородцевъ способами испытанными, спеціальными, противъ которыхъ, къ сожалѣнію, немало людей возражающихъ". Такъ онъ милосердовалъ и заботился о своихъ любезныхъ инородцахъ.

Въ 1891 году ему исполнилось 69 лѣтъ. Въ этотъ день, 23-го апрѣля, онъ писалъ: „Еще годъ и достигну предѣла, назначеннаго пророкомъ Давидомъ. Предѣлъ наименьшій, но для моей немощи и это великая милость Божія, а что выдастся послѣ, то будетъ трудъ и болѣзнь. Но за все да будетъ благодареніе Господу Богу, яко не по беззаконіямъ нашимъ сотворилъ есть намъ. Сказать ли: обновится яко орля юность моя? Трудно, хотя для Господа все возможно".

Не обновилась юность его. На лѣто друзья Николая Ивановича, чтобъ освѣжить его, вызвали его въ Петербургъ и въ Москву, гдѣ онъ провелъ нѣсколько недѣль въ тихомъ пріютѣ Гевсиманскаго скита близъ Троицкой лавры. Но затѣмъ, по возвращеніи въ Казань, обнаружился рѣшительный упадокъ силъ его, и ему суждено было еще проводить со слезами въ могилу двухъ ближнихъ друзей своихъ и сотрудниковъ (тоже крѣпкую силу духовной академіи), профессоровъ Порфирьева и Миротворцева. Онъ сталъ угасать, но не переставалъ думать и работать—приводить въ порядокъ начатыя дѣла, завѣщать друзьямъ своимъ сердечныя свои заботы о дѣлахъ и людяхъ. Посреди тяжкой болѣзни (ракъ) Богъ сохранилъ еще ему до послѣднихъ дней и свѣтлый умъ, и ясную мысль, и спокойствіе духа. И наконецъ, дождавшись праздника, но не дождавшись и псаломскаго предѣла, 27-го декабря, онъ тихо угасъ, съ завѣтомъ любви ближнимъ и друзьямъ своимъ, русскимъ и инородцамъ.

Вѣчная ему память! Онъ въ числѣ немногихъ мужей силы и правды, проповѣдниковъ истины, о коихъ невольно хочется повторить вдохновенныя слова Апостола: „въ чистотѣ, въ разумѣ, въ долготерпѣніи, въ

благости, въ любви нелицемѣрнѣ, въ словеси истины, въ силѣ Божіей, въ оружіи правды десными и шуими... яко скорбяще, присно же радующеся, яко нищи, а многи богатяще, яко ничтоже имуще, но вся содержаще".

К. Побѣдоносцевъ.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ И КОНЧИНА НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА.

(† 9¼ вечера 27 декабря 1891 г.).

Лѣто 1891 года Николай Ивановичъ провелъ въ Троицко-Сергіевской лаврѣ, гдѣ онъ предполагалъ, совмѣстно съ тремя природными якутами, студентами Казанской и Московской Академій, работать надъ исправленіемъ перевода Евангелія на якутскомъ языкѣ.

Николай Ивановичъ поселился въ Гефсиманскомъ скиту. Мнѣ привелось нѣсколько разъ посѣтить его тамъ. Благочинніе службы Гефсиманскаго скита, ея полнота и простота старины, тщательно и строго сохраняемой—все это доставляло Николаю Ивановичу сердечное удовольствіе. Погода стояла прекрасная. Гуляя съ нимъ по очаровательной мѣстности отъ скита до Кіевіи, я любовался бодростью его духа, его способностью поэтически оживлять прошлое по остаткамъ его. Бесѣда его лилась неумолкаемо, содержательно, художественно. Къ сожалѣнію погода скоро перемѣнилась; Николай Ивановичъ простудился, слегъ въ постель.

Съ нимъ сдѣлалась инфлюэнція, унесшая сразу много изъ его силъ: онъ осунулся, ослабѣлъ и постарѣлъ въ недѣлю на цѣлые годы.

Въ послѣдній разъ я посѣтилъ Николая Ивановича въ лаврѣ 4 августа и нашелъ его нѣсколько окрѣпшимъ, но въ худшемъ положеніи, чѣмъ до пріѣзда въ скитъ.

Предъ отъѣздомъ въ Казань Николай Ивановичъ прожилъ у меня въ Москвѣ дорогимъ гостемъ около 2½ недѣль. Силъ у Николая Ивановича было не много; онъ утомлялся очень скоро, но разговоръ его еще часто вспыхивалъ прежнимъ юморомъ и одушевленіемъ. Уѣхалъ онъ изъ Москвы въ бодромъ и веселомъ настроеніи; этому особенно способствовали добрыя извѣстія по инородческимъ дѣламъ изъ Петер-

бурга и Казани и знакомство съ новопоставленнымъ Преосвященнымъ Владиміромъ, Епископомъ Бійскимъ, новымъ Начальникомъ Алтайской Миссіи, которую Николай Ивановичъ любилъ всею душой.

Съ самаго пріѣзда Николая Ивановича въ Казань для окружающихъ была несомнѣнна серьёзность его болѣзни: докторъ М. А. Хомяковъ, искренній почитатель покойнаго, постоянно лѣчившій его, съ перваго своего визита къ Николаю Ивановичу высказалъ подозрѣніе о ракѣ желудка и печени; Николай Ивановичъ самъ подозрѣвалъ эту болѣзнь и подъ величайшимъ секретомъ отъ жены съ увѣренностью говорилъ близкимъ людямъ, что у него ракъ желудка—въ первые же дни по пріѣздѣ въ Казань.

Упадокъ силъ Николая Ивановича шелъ медленно, но безостановочно; питаніе становилось все хуже и хуже, худоба увеличивалась; походка сдѣлалась медленной; глаза впали, на лицѣ появились глубокія морщины.

Николай Ивановичъ однако пересиливалъ еще свои недуги; держалъ себя бодро, занимался дѣлами, ходилъ въ церковь. Лицъ, знавшихъ болѣзнь Николая Ивановича, удивляла его выносливость; онъ не говорилъ о своей болѣзни, повидимому даже и не думалъ о ней, а весь былъ преданъ заботамъ о дѣлѣ, торопился самъ, торопилъ и другихъ оканчивать начатыя работы. По замѣчаніямъ лицъ, окружавшихъ Николая Ивановича, никогда онъ такъ лихорадочно не работалъ, никогда такъ много не писалъ. Очевидно,—онъ спѣшилъ закончить свои дѣла. Давъ близкимъ лицамъ какое либо порученіе—написать письмо, бумагу, исправить корректуру, онъ требовалъ немедленнаго исполненія. Признаки болѣзни Николая Ивановича съ октября сдѣлались совершенно ясными, но, чтобы разсѣять сомнѣнія родныхъ, рѣшено было созвать консиліумъ. Николай Ивановичъ безъ труда согласился подвергнуть себя изслѣдованію нѣсколькихъ врачей, замѣтивъ, какъ бы вскользь: „консиліумъ—это свѣтское соборованіе“.

На консиліумѣ, какъ мнѣ передавали, Николай Ивановичъ держалъ себя совершенно бодро, шутилъ, но ни у врачей, ни послѣ не поинтересовался узнать, что у него нашли: до такой степени самъ онъ былъ увѣренъ въ своей болѣзни.

Послѣдній разъ больной вставалъ съ постели и вышелъ на минутку въ столовую въ именины жены 24 ноября.

Николай Ивановичъ до послѣдней минуты сохранилъ ясный умъ и твердую волю. Почти весь декабрь мѣсяцъ онъ работалъ; главнѣйшія его занятія были—корректура послѣднихъ листовъ перевода Псалтири на

татарскій языкъ и исправленіе перевода четвероевангелія на этотъ же языкъ: за немного дней до смерти Николай Ивановичъ вполнѣ владѣлъ всѣми способностями и диктовалъ—еще съ начала декабря онъ отъ слабости съ трудомъ подписывалъ свою фамилію—диктовалъ измѣненія и поправки въ переводѣ, вносившія новыя толкованія въ славянскій текстъ.

Такъ напримѣръ 16 декабря при чтеніи татарской корректуры третьей главы отъ Матѳея, онъ просилъ П. А. Бобровникова, помогавшаго ему при этомъ, сличить по греческому тексту соотвѣтствующія мѣста у Матѳея и Луки и весьма тонко, по мнѣнію компетентныхъ людей, установилъ, что въ Евангеліи отъ Матѳея греческій глаголъ неправильно переведенъ по русски словомъ понести (въ выраженіи—понести обувь Его, Матѳ. 3, 11).

Къ началу декабря силы у больнаго упали на столько, что онъ уже не могъ сидѣть; крайне утомлялся, когда приходилось мѣнять положеніе на постели; съ средины декабря больной не могъ уже самъ ворочаться съ боку на бокъ, но духъ его все еще былъ бодръ; Николай Ивановичъ часто разговаривалъ, иногда даже шутилъ

Болѣзнь Николая Ивановича—ракъ желудка—сопровождается обычно сильнѣйшими болями; и Николай Ивановичъ, конечно, страдалъ, но не жаловался; облегчать свои страданія пытался онъ теплыми припарками и массажемъ.

Вслѣдствіе слабости, больной съ 20 декабря сталъ часто впадать въ дремоту; пробудившись онъ требовалъ къ себѣ кого нибудь—обыкновенно Н. А. Бобровникова и говорилъ ему какія либо распоряженія или диктовалъ какую либо бумагу или письмо; диктовалъ связно, логично—такъ что письма и бумаги переписывались безъ малѣйшей поправки.

Готовиться къ смерти онъ сталъ съ начала декабря. Однажды въ концѣ ноября Отецъ Ректоръ Академіи А. П. Владимѳскій посовѣтовалъ Николаю Ивановичу причаститься. Онъ позвалъ къ себѣ послѣ этого Николая Алексѣевича и сказалъ:

„Сегодня Александръ Поликарповичъ навѣстилъ меня и посовѣтовалъ мнѣ причаститься. Совѣтъ добрый, но онъ навелъ меня на мысль: Александръ Поликарповичъ былъ приходскимъ священникомъ, и ему приходилось хоронить многихъ; думается мнѣ, что онъ смотрѣлъ въ моемъ лицѣ признаки близкой смерти. Скажи пожалуйста, что говоритъ Михаилъ Аристарховичъ?“

Это Николай Ивановичъ высказалъ совершенно покойно, какъ будто говорилъ о болѣзни какого либо мало знакомаго лица.

Казанская Учительская Семинарія.

1892 г.

Съ начала декабря Николай Ивановичъ сталъ сообщать Николаю Алексѣевичу подробныя распоряженія относительно похоронъ. Простота отношенія Николая Ивановича къ смерти была поразительна. Такъ однажды, Николай Алексѣевичъ разсказывалъ намъ о распоряженіяхъ Николая Ивановича относительно похоронъ; распоряженія эти Николай Ивановичъ приказывалъ хранить въ секретѣ отъ Екатерины Степановны и другихъ, но со мной и И. Я. Яковлевымъ Николай Алексѣевичъ тотчасъ дѣлился всѣми этими разговорами, какъ и мы съ нимъ. Иванъ Яковлевичъ спросилъ при этомъ, пѣть ли распоряженія относительно пѣнія на инородческихъ языкахъ. Николай Алексѣевичъ тотчасъ пошелъ къ Николаю Ивановичу и спросилъ его, что и когда пѣть за его отпѣваніемъ по инородчески.

Николай Ивановичъ подробно разсказалъ, какъ ему сдѣлать гробъ, какъ устроить посилки—одръ; непремѣнно приказалъ сдѣлать все это въ мастерской Семинаріи. Утромъ 23 декабря онъ потребовалъ къ себѣ Николая Алексѣевича и сказалъ:

„Во время праздниковъ лавки будутъ заперты; если Богъ приведетъ мнѣ умереть во время праздниковъ, матеріалы для гроба и носилокъ купить будетъ негдѣ. Позаботься приготовить".

Николай Алексѣевичъ разсказалъ намъ однажды: „Сегодня Николай Ивановичъ подтверждалъ опять, чтобы его хоронить безъ колесницы, вѣнковъ, положить не въ мундирѣ; а я въ это время думаю,—мы похоронимъ тебя, дорогого, въ Спасскомъ монастырѣ; только я это подумалъ, Николай Ивановичъ, какъ бы провидя мои мысли, вдругъ говоритъ:

— „Похоронить меня отнюдь не въ Спасскомъ монастырѣ; Преосвященный Никаноръ и другіе, я знаю, будутъ желать этого, но я хочу лечь на общемъ кладбищѣ—подлѣ того забора, который выходитъ къ Школѣ; оттуда пѣтъ, пѣтъ да и придутъ отслужить панихиду. Мѣсто же выбери такъ, чтобы рядомъ со мною было мѣсто для Катеньки; быть можетъ Богъ приведетъ ей умереть въ Казани".

Вотъ еще удивительный примѣръ твердости духа Николая Ивановича. Въ ночь съ 25 на 26 декабря въ комнатѣ, прилегающей къ кабинету, гдѣ лежалъ больной, сидѣло нѣсколько человѣкъ близкихъ лицъ, прислушиваясь къ дыханію больнаго, который въ этотъ день простился со всѣми, всѣхъ благословилъ и вечеромъ въ 7 часовъ пособоровался, совсѣмъ приготовившись къ смерти.

При больномъ въ комнатѣ находился фельдшеръ Семинаріи Н. И. Беркутовъ, человѣкъ необыкновенной преданности Николаю Ивано-

вичу, ухаживавшій за нимъ съ чрезвычайнымъ усердіемъ. Ровно въ полночь Николай Ивановичъ пришелъ въ себя и потребовалъ, чтобы, Н. И. Беркутовъ взялъ карандашъ и бумагу писать подъ диктовку; но въ тотъ моментъ, когда Беркутовъ бѣжалъ съ листомъ бумаги и карандашемъ чрезъ залу въ кабинетъ, въ залу вошелъ Николай Алексѣевичъ, улегшійся въ крайнемъ утомленіи спать часовъ въ 11 и тотчасъ заснувшій, но вдругъ, какъ онъ разсказывалъ, проснувшійся по какому то смутному безпокойству и пошедшій совершенно случайно взглянуть на больнаго; входитъ въ кабинетъ вмѣстѣ съ фельдшеромъ; Николай Ивановичъ, какъ только увидалъ Николая Алексѣевича, радостно протянулъ къ нему руки, обнялъ его за шею и говоритъ: „Милый мой! Я думалъ—ты спишь, и хотѣлъ писать тебѣ. Садись, пиши". И Николай Ивановичъ продиктовалъ свое завѣщаніе Переводческой Коммисіи, взялъ карандашъ и подписалъ это завѣщаніе. Это послѣдняя подпись Николая Ивановича.

Съ двадцатаго декабря Николай Ивановичъ пересталъ принимать пищу; при всякомъ малѣйшемъ усиліи съ нимъ дѣлались позывы на рвоту, въ высшей степени мучительные; говорить онъ могъ только съ большимъ трудомъ; чтобы сказать что нибудъ Николай Ивановичъ долженъ былъ предварительно прохладить себѣ ротъ кусочкомъ льду, который онъ однако не глоталъ, а, подержавъ немного, выплевывалъ, а затѣмъ начиналъ говорить;—тихо, почти шепотомъ.

Прощаясь съ близкими ему по родству и по симпатіямъ лицами, Николай Ивановичъ, между прочимъ, при прощаніи съ Николаемъ Алексѣевичемъ сказалъ:

„Прощаться съ воспитанниками я не могу; это меня разстроитъ. Передай имъ, что я желаю имъ всякаго счастія... желаю имъ преуспѣвать въ благонравіи и трудѣ."

27 декабря послѣ полудня Николай Ивановичъ продиктовалъ Николаю Алексѣевичу телеграммы нѣсколькимъ лицамъ, прося послать эти телеграммы тотчасъ послѣ его смерти; при этомъ онъ хотѣлъ начать первую изъ телеграммъ (К. П. Побѣдоносцеву) словами: „Ильминскій тихо скончался", но остановился на словѣ—тихо и добавилъ: „тихо—ну или какъ Богъ дастъ".

Продиктовавъ телеграммы, Николай Ивановичъ сказалъ:

„Передай воспитанникамъ мой завѣтъ—чтобы отнюдь никогда ничего не пили; многіе изъ нашихъ воспитанниковъ погибли... всѣ, которые погибли, погибли отъ вина... Передай воспитанникамъ мой завѣтъ, чтобы отнюдь никогда не пили".

Начиная съ 25-го числа Николай Ивановичъ видимо сильно томился, онъ часто заставлялъ Беркутова слушать сердце и спрашивалъ, какъ оно работаетъ. Особенно сильно онъ началъ страдать съ утра 27; въ этотъ день онъ часто спрашивалъ Беркутова: „скоро ли?“

Я пріѣхалъ въ Казань 10-го декабря. Живо помню мое первое свиданіе съ Николаемъ Ивановичемъ. Больной съ трудомъ поднялся съ подушекъ и сѣлъ на постели. Тѣло было истощено до невозможности, щеки ввалились, борода отросла и свалялась, голова казалась чрезмѣрно большою отъ ввалившихся щекъ и отъ вытянутой исхудавшей шеи, движенія были медленны и безсильны, голосъ слабъ и надорванъ... Тяжела была эта встрѣча! Болѣзненное лицо съ высокимъ, полнымъ проницающаго ума лбомъ было даже страшно; улыбка, та кроткая, очаровательная и ласковая улыбка, которая была такъ жива и мягка прежде, теперь стала болѣзненно—рѣзкою, малоподвижною; разбитый голосъ напоминалъ безпомощно—слабый крикливый дискантъ. „Ну, вотъ! какъ хорошо, что ты пріѣхалъ! сказалъ Николай Ивановичъ, а я еще ничего, только прихворнулъ маленько! Богъ дастъ, и скоро мнѣ полѣгчитъ“! Я нашелъ Николая Ивановича окруженнымъ сердечными попеченіями родственниковъ и друзей и общимъ горестнымъ сочувствіемъ всего общества.

Много было въ эти дни желавшихъ навѣстить больнаго. Посѣтители, большею частію, узнавъ, какъ провелъ больной день или ночь, уходили, прося передать ихъ поклонъ; иные ограничивались тѣмъ, что тихо подходили къ кабинету и, не тревожа больнаго, тихо и со слезами глядѣли на его блѣдное лицо въ послѣдній разъ. Много было и краткихъ посѣщеній, въ которыхъ гость старался чѣмъ нибудь утѣшить, или обнадежить больнаго. Много печальнѣйшихъ лицъ, но бодрящихся, случилось мнѣ видѣть въ эти дни: сидитъ кто нибудь, говоритъ и умное и дѣльное, чтобы развлечь больнаго, увидѣть его улыбку; радъ бы гость, всей душой преданный больному, сказать утѣшительное словечко, да горе сдавило горло, и слово съ языка нейдетъ, да и глаза полны слезъ. Хорошо еще, что больной лежитъ лицомъ къ стѣнѣ и не видитъ лица гостя... Нѣкоторыя посѣщенія крѣпко врѣзались въ моей памяти: пришелъ однажды при мнѣ старый другъ І. Ф. Готвальдъ, нѣжно любящій и высокопочитавшій Николая Ивановича за все время 40-лѣтняго знакомства. Не выдержали сердца стариковъ,—залились оба они слезами. Пришелъ еще другъ, крещеный татаринъ, вѣрный сотрудникъ за послѣдніе 30 лѣтъ—о. Василій Тимофеевъ,—сама-

любовь къ Николаю Ивановичу,—сама безграничная преданность... приходитъ онъ чаще всѣхъ, приходитъ иногда 2—3 раза въ день, горюетъ тихо, иногда постоитъ у двери кабинета, посмотритъ на больного, поплачетъ про себя, благоговѣйно издали благословитъ и самъ перекрестится съ такою вѣрою, что даже радостно со стороны поглядѣть. Въ простой и чистѣйшей душѣ этого человѣка, давно живущей только для своихъ братьевъ—татаръ, глубоко запали просвѣтительныя начала Николая Ивановича, возросли и дали плодъ истинно сторицею. Ни для кого изъ общественныхъ дѣятелей потеря Николая Ивановича не можетъ быть такъ чувствительна и такъ незамѣнима, какъ для о. Василія съ стоящими за нимъ крещеными татарами. Его горе было понятно всякому изъ насъ болѣе, чѣмъ кому либо изъ посторонпихъ. Хоть мы, молодые, и выросли на глазахъ о. Василія, но съ любовью и съ юныхъ лѣтъ понимали его дѣятельность, полную самоотверженія, любви къ темнымъ прежде крещенымъ татарамъ, столь могуче вызваннымъ къ просвѣщенію Николаемъ Ивановичемъ. „Боже мой, что будемъ дѣлать-то, куда пойдемъ“? говорилъ о. Василій, ни къ кому не обращаясь, никого не замѣчая, отдаваясь своему неописуемому горю. Лицо его все время было преисполнено безпомощности и горестныхъ страданій.

Утро 24-го декабря было очень тревожно. Тошнота появлялась все чаще и чаще, силы больного начали ослабѣвать столь быстро, что явилось опасеніе за скорое, еще до праздника, наступленіе кончины. У всѣхъ проявилось страстное желаніе хотя какъ нибудь поддержать жизнь больного до великаго дня Рождества Христова. Къ вечеру однако больному стало легче, и онъ съ величайшимъ благовѣніемъ слушалъ изъ кабинета всенощную, совершавшуюся въ храмѣ семинаріи. Такъ-какъ зданіе семинаріи обладаетъ далеко несущимъ и правильнымъ резонансомъ, то при общей тишинѣ черезъ нѣсколько открытую дверь кабинета Николай Ивановичъ отчетливо слышалъ всѣ хоровыя пѣснопѣнія всенощной и по нимъ слѣдилъ за ходомъ службы. Это было въ мое дежурство при больномъ. Нѣкоторыя пѣснопѣнія этой службы: „Съ нами Богъ“, тропарь и кондакъ праздника Николай Ивановичъ какъ будто поджидалъ; лежитъ, вдругъ нѣсколько разъ перекрестится, вздохнетъ...

Умилительно было видѣть Николая Ивановича съ радостнымъ выраженіемъ лица въ первый день праздника. Пѣснопѣнія литургіи были имъ выслушаны такъ же, какъ и наканунѣ за всенощной. Законоучитель Семинаріи, пришедшій послѣ литургіи съ крестомъ и св. водою,

исполнилъ краткую службу въ сосѣдней комнатѣ при стройно-тихомъ пѣніи малаго хора учениковъ. Николай Ивановичъ умиленно молился и пожелалъ приложиться къ св. кресту. Въ первомъ часу дня я попросилъ Николая Ивановича благословить меня. Не считаю надобнымъ сообщать подробностей этой святѣйшей минуты моей жизни, въ которую я получилъ новыя силы для будущаго. Скажу только, что Николай Ивановичъ съ величайшею любовью и благоговѣніемъ, едвали доступными какому либо мірянину, благословилъ меня и наставилъ истинно-добрымъ словомъ. Всѣ близкіе были затѣмъ у Николая Ивановича; всѣ пріобщились его прелестной души, всѣ получили наставленія, полныя любви, всѣ пролили горькія слезы. Мы передавали другъ другу данные намъ предсмертные завѣты и наставленія, и утверждались тѣмъ въ непремѣнной обязанности свято исполнить завѣщанное. Прощаясь съ Екатериной Степановной, Николай Ивановичъ нѣжно утѣшалъ ее и между прочимъ сказалъ: „Вѣдь человѣкъ земля; каждому суждено отойти въ землю; такова воля Божія. Тебя Богъ не оставитъ.“

Вечеромъ 25 числа по желанію больного было совершено соборованіе. Николай Ивановичъ горячо молился во все время совершенія таинства, не проронивъ ни одного слова изъ его выразительнѣйшихъ чтеній. Онъ хотѣлъ было немного привстать во время таинства, но не могъ уже. Соборованіе совершали при самыхъ искреннихъ молитвахъ всѣхъ близкихъ три также близкихъ больному священника: духовникъ о. Меньшиковъ, законоучитель семинаріи о. Богородицкій и о. Василій Тимофеевъ. Послѣ соборованія Николай Ивановичъ относительно успокоился на нѣсколько часовъ; въ 12 часовъ онъ продиктовалъ помянутое выше завѣщаніе Переводческой коммиссіи, а въ 3 часа ночи потребовалъ духовника. Въ это время онъ причастился во 2-ой разъ въ теченіе болѣзни; первый разъ Николай Ивановичъ причастился 1-го Декабря.

Тревожно прошелъ день 26 Декабря. Больной не жаловался, не стоналъ, ни однимъ движеніемъ не выдавалъ своихъ страданій. Въ ночь на 27-е еще съ вечера опасные припадки сердцебіенія повторились нѣсколько разъ, особенно сильно въ 3 часа ночи. Николай Ивановичъ въ это глубоко-ночное время попросилъ законоучителя семинаріи прочитать ему канонъ „на разлученіе души отъ тѣла“... Взволнованный священникъ всталъ передъ образами, но Николай Ивановичъ попросилъ его встать рядомъ съ его изголовьемъ, чтобы было слышно каждое слово. Припадки сердцебіенія продолжались и окончательно ослабили и Николая Ивановича, такъ что утромъ 27-го рѣчь его стала уже рѣдкою и мало

внятною. Больной постоянно указывалъ на сердце, требуя тѣмъ, чтобы Н. И. Беркутовъ прислушивался къ его дѣятельности. Для всѣхъ стало ясно, что кончина приближается и уже очень не далека. Николай Ивановичъ однако нашелъ въ себѣ силы продиктовать депеши къ нѣкоторымъ любезнымъ и уважаемымъ лицамъ. Вечеромъ около 8 часовъ начался послѣдній припадокъ: пульсъ сталъ пропадать, сознаніе—угасать, взоръ сдѣлался блуждающимъ, дыханіе рѣдкимъ. Всѣ близкіе въ благоговѣйной тишинѣ стояли около постели. О. Василій тихо и съ глубочайшимъ чувствомъ читалъ отходную... По окончаніи этого чтенія всѣ вышли, кромѣ Екатерины Степановны, Николая Алексѣевича и фельдшера. Около 9 часовъ Екатерина Степановна, отошедши нѣсколько, стала молиться, а у кровати умирающаго ее замѣнила сестра ея. Они вмѣстѣ съ Николаемъ Алексѣевичемъ въ 9 ¼ часовъ вечера закрыли глаза Николаю Ивановичу, который сподобился самой тихой умилительной кончины.

Въ первый разъ въ моей жизни мнѣ случилось увидѣть и участвовать самому въ томъ, что извѣстіе о кончинѣ любимаго и высокочитаемаго человѣка встрѣчается всѣми съ какимъ-то благоговѣніемъ, безъ выраженій малодушной печали... По кончинѣ Николая Ивановича ни въ семьѣ, ни въ семинаріи не было ни стоновъ, ни плача, но было какое-то особенное, не поддающееся названію умилительно—торжественное хотя и безъисходно-скорбное общее чувство, было какое то общеніе съ душею только-что почившаго. Особенно твердо помню, какъ супруга покойнаго, Екатерина Степановна (горе которой, конечно, понятно всякому,) сообщила мнѣ съ глубочайшимъ умиленіемъ, даже съ улыбкою, первое извѣстіе о кончинѣ: „скончался нашъ ангелъ,“ сказала она, набожно творя крестное знаменіе... Какъ будто бы кто-то внушилъ всѣмъ въ эти минуты, что въ домѣ должна быть совершенная тишина, что никакія слезы и стоны не допустимы въ это время. Хлопотавшіе около покойнаго говорили между собою чуть слышнымъ шопотомъ.

Зато сильно сказалось это чувство скорби въ немедленно отслуженной въ семинарской церкви первой панихидѣ по новопреставльшемся рабѣ божіемъ Николаѣ [1]).

Всѣ ученики соединились въ огромный хоръ и исполнили пѣснопѣнія этой панихиды съ величайшею выразительностью. Дрожавше отъ слезъ голоса священника и дьякона показывали мѣру семинарской скорби, энергично пропѣтыя „со святыми упокой“ и „вѣчная память“ дѣй-

[1]) Николай Ивановичъ строго запретилъ поминать себя боляриномъ.

ствительно потрясли души всѣхъ молившихся силою своей молитвенности. Въ то время какъ шла панихида въ церкви, тѣло покойнаго было омыто и положено на столъ въ залѣ квартиры покойнаго; рядомъ съ кабинетомъ. Изъ церкви всѣ молящіеся спустились внизъ и здѣсь по панихидѣ у тѣла впервые поклонились усопшему. Много теплыхъ молитвъ и горькихъ слезъ было за этою панихидою. По окончаніи ея, какъ впервые зажженная свѣча Божія, была зачитана по Николаѣ Ивановичѣ новонзданная Псалтирь на татарскомъ языкѣ. Конечно, ни по комъ съ такою честью и такъ достойно нельзя было обновить этотъ послѣдній переводческій трудъ, какъ надъ его истиннымъ виновникомъ, горячею душею просвѣщенія крещенныхъ татаръ, а за ними и другихъ инородцевъ. Рядомъ съ татарскимъ чтецомъ былъ славянскій чтецъ,— тотъ и другой изъ учениковъ учительской семинаріи.

Въ дни до погребенія у тѣла почившаго было отслужено много панихидъ какъ въ квартирѣ 28 и 29 числа, такъ и въ семинарской церкви, куда тѣло было перенесено въ воскресенье 30 декабря къ литургіи. Панихиды исполнялись желающими по ихъ усердію. Выразительнѣйшими изъ нихъ были, конечно, инородческія и особенно крещено-татарской школы. Надобно-ли упоминать, съ какою глубокою вѣрою и съ какими слезами слушала эта школа первую панихиду, отслуженную о. Василіемъ? Православное пѣніе инородцевъ, вообще несравненное по своей задушевности и простотѣ, имѣло на этотъ разъ глубокую причину быть особенно живо прочувствованнымъ и, по правдѣ сказать, оно было такимъ живымъ, такимъ трогательно-выразительнымъ, какимъ мнѣ не случалось его слышать даже у самихъ крещеныхъ татаръ. Горестенъ былъ и о. Василій за себя и за свое дѣло! Его эктеніи и возгласы были преисполнены теплѣйшей убѣжденной вѣры. Дождутся ли крещеные татары благодѣтеля, хоть сколько нибудь похожаго на покойнаго Николая Ивановича?

Не могу не выписать здѣсь нѣсколько словъ изъ статьи неизвѣстнаго лица въ одной изъ Казанскихъ газетъ: „Кончина Николая Ивановича—великое горе, цѣлое несчастіе для православной церкви, для русской науки, для русской школы и, наконецъ, для всего общества. Горе не въ томъ только, что не стало человѣка; великое несчастіе, что перестала работать въ этомъ человѣкѣ идея, отлетѣлъ творческій геній... Николай Ивановичъ держалъ въ своихъ рукахъ всѣ нити систематическаго просвѣщенія, путемъ школы, въ цѣломъ восточномъ краѣ до Байкала и Алтая. Какъ педагогъ, покойный желалъ отъ школы, чтобы

она была продолженіемъ семьи и ея свободныхъ и искреннихъ началъ... Біографія Николая Ивановича требуетъ историка—психолога и художника. Достойно удивленія, что въ русской средѣ возможны еще такія исключительныя натуры. Поклонимся же за своихъ меньшихъ братьевъ, инородцевъ, покойному: онъ училъ ихъ быть христіанами и людьми".

Дѣйствительно Николай Ивановичъ стоилъ глубокаго поклона до земли за инородцевъ восточной Россіи! Онъ любилъ этихъ инородцевъ, какъ и свою родину, всѣми силами своей нѣжной и просвѣщенной души.

Приведу дословно пунктъ завѣщанія Николая Ивановича о похохоронахъ; завѣщаніе это написано въ маѣ 1890 года:

„ Относительно погребенія, положительно не желаю я тѣхъ почестей, какими въ недавнее сравнительно время провождаютъ почившихъ въ могилу: прошу освободить меня отъ всякой торжественности и представительности: отъ вѣниковъ, колесницы; я желалъ-бы, чтобы меня несли на одрѣ, какъ у насъ на родинѣ хоронили, а можетъ и теперь еще хоронятъ православныхъ покойниковъ: мнѣ этотъ одръ по душѣ. Не желаю я формальныхъ и панихидъ. Всегда я сильно смущался и стѣснялся всякой выдающейся отличкой: нарядами, отличіями, почестями, рекомендаціями, титулами, орденами и т. д.

Я не могу представить хладнокровно, если меня будутъ провожать въ могилу съ помпой. Желаю и прошу устроить дѣло моего погребенія просто, по православному, по семейному, чтобы лишь самые близкіе, родные и знакомые—русскіе и инородцы меня проводили и за меня грѣшнаго помолились. Больше ничего не имѣю, а эти написанные пункты я озаботился изложить, дабы они не были нарушены по усердію ко мнѣ или по легальнымъ требованіямъ."

Противъ этого пункта на поляхъ написано:

„Прибавляю для поясненія сейчасъ по написаніи всего: орденовъ и шпаги со шляпой чтобы не было,—отнюдь не желаю. Нагъ отъ всякихъ земныхъ отличій явиться я долженъ предъ Богомъ, да проститъ Онъ мои согрѣшенія".

Въ началѣ декабря Николай Ивановичъ, подъ строгимъ секретомъ отъ всѣхъ окружающихъ, чрезъ Николая Алексѣевича представилъ всѣ свои распоряженія относительно похоронъ на благоусмотрѣніе Высокопреосвященнѣйшаго Павла, Архіепископа Казанскаго, и просилъ его благословенія; при этомъ Николай Ивановичъ поручилъ просить распоряженія Владыки, чтобы не было при похоронахъ похвальныхъ рѣчей.

„Грѣшный человѣкъ“, говорилъ Николай Ивановичъ, „отправляется къ Судіѣ, а его везутъ, какъ тріумфатора, въ колесницѣ, съ вѣнками... Если душѣ человѣка позволено видѣть и слышать, что совершается вокругъ тѣла, она должна безконечно страдать отъ чрезмѣрныхъ, несправедливыхъ похвалъ, которыя произносятся иногда по постороннимъ побужденіямъ. Какъ послѣ возданныхъ почестей явится душа предъ Престоломъ Всевышняго? Она уже получила на землѣ мзду свыше мѣры...

Владыка, искренне любившій Николая Ивановича, велѣлъ передать ему благословеніе и выразить надежду его, что Богъ поддержитъ еще больнаго.

Опасная болѣзнь, только что перенесенная Владыкою удерживала его дома и лишила такимъ образомъ Николая Ивановича возможности еще разъ передъ смертію видѣть Высокоуважаемаго Архипастыря.

Наступилъ печальный день разлуки 31 декабря. Въ послѣдній разъ слушалъ покойный литургію въ своемъ излюбленномъ храмѣ, но уже не стоялъ онъ около чтеца, какъ прежде, не стоялъ очевиднымъ примѣромъ вѣрующаго христіанина, а лежалъ среди храма въ дубовомъ гробу работы своихъ любезныхъ учениковъ... Много собралось въ этотъ день почитателей усопшаго и близкихъ родныхъ, и друзей, и русскихъ, и инородцевъ. Погребеніе Николая Ивановича вышло трогательно-простое. На мѣстѣ около чтеца, гдѣ 17 лѣтъ стоялъ Николай Ивановичъ за всѣми службами, утренними и вечерними молитвами въ семинаріи, стояла хоругвь братства Св. Гурія, много разъ съ такимъ правомъ и достоинствомъ держанная Николаемъ Ивановичемъ. Богослуженіе совершалъ Преосвященный Никаноръ, искренній почитатель усопшаго, бывшій законоучитель Учительской Семинаріи; эктеніи и возгласы, а также пѣніе за службою были совершены на всѣхъ инородческихъ языкахъ. Служба въ такомъ порядкѣ совершается въ Семинаріи въ заутреню на Св. Пасху и выходитъ всегда торжественно-назидательною, многозначительно-братскою въ пѣніи на разныхъ языкахъ. Дрогнулъ голосъ Преосвященнаго Никанора въ словахъ: „Призри съ небесе Боже и виждь,

и посѣти виноградъ сей, его-же насади десница Твоя", ибо Владыка служилъ въ этомъ любезномъ ему храмѣ, когда „виноградъ" еще только насаждался, любимый-же стражъ виноградника былъ еще въ полной силѣ здоровья и благочестивой работы.

Отпѣваніе было пропѣто съ необыкновеннымъ чувствомъ воспитанниками Семинаріи и Крещено-татарской Школы[1]). Дрогнули сердца слушателей, когда при прощаніи съ покойнымъ сверхъ всякаго ожиданія раздался первый, полный неисходнаго горя голосъ: „Не могу терпѣть! не смѣю молчать!"—то началъ всею силою наболѣвшей души свое слово заливавшійся слезами о. Василій Тимофеевъ... Въ простыхъ словахъ, полныхъ нѣжнѣйшей любви, о. Василій благодарилъ усопшаго отъ лица крещеныхъ татаръ и инородцевъ за безконечное благодѣяніе—дарованіе имъ Христіанскаго просвѣщенія и за утвержденіе этого просвѣщенія.

Служба кончилась. Тѣло покойнаго вынесено изъ храма на „одрѣ", который какъ и гробъ былъ сдѣланъ для Николая Ивановича руками учениковъ, и похоронное шествіе тронулось къ городскому кладбищу. Послѣ литій у Семинаріи и на площади у церкви 4-хъ евангелистовъ, отслуженныхъ на татарскомъ языкѣ въ вразумленіе окружавшей толпѣ зрителей-мусульманъ, въ которой каждый, конечно, зналъ Николая Ивановича, литіи были отслужены у Университета и у всѣхъ попутныхъ церквей. Казанская духовная академія вмѣстѣ съ своимъ маститымъ ректоромъ вышла на встрѣчу своему Почетному члену и проводила покойнаго мимо крещено-татарской школы до самой могилы. Послѣдняя литія была совершена у любимаго дѣтища усопшаго, осиротѣвшей и горько плачущей Крещено-татарской школы. Какъ бы сама судьба оставила Николаю Ивановичу могилу въ наилучшемъ мѣстѣ на кладбищѣ г. Казани—у входа въ храмъ и при придѣлѣ во имя Св. Николая. Лучшій другъ покойнаго, А. П. Владимірскій, благословилъ предать тѣло землѣ, и могила была засыпана...

Осталось теперь отъ незабвеннаго Николая Ивановича только то, что не умираетъ и не можетъ умереть, но что должно и будетъ расти „дондеже день есть". Остались его дѣла и его примѣръ въ руководство и поученіе другимъ. Пройдутъ годы и десятки лѣтъ, умрутъ нынѣ живущіе люди, умрутъ ихъ дѣти и внуки, но не умретъ свѣтлое имя христіанскаго просвѣтителя инородцевъ и великаго учителя, можетъ быть, теперь еще даже мало понятаго и оцѣненнаго въ образованномъ рус-

---

[1]) Пѣніемъ руководилъ Ст. В. Смоленскій.

скомъ мірѣ. Но давно уже живо и благоговѣйно поминается это дивное имя „Николай Ивановичъ“, даже безъ фамиліи, среди тысячъ инородцевъ и будетъ вѣчно живо оно, будетъ свято въ грядущія времена среди тѣхъ же простыхъ безхитростныхъ сердецъ инородцевъ, отъ нихъ появившихъ великія и незабвенныя заслуги покойнаго. Ни въ чьихъ молитвахъ не помянется Николай Ивановичъ Ильминскій усерднѣе и чаще, чѣмъ въ задушевныхъ молитвахъ этой меньшей братіи.

Ст. Смоленскій.

Москва,
20 марта 1892 г.

Письмо Высокопреосвященнѣйшаго Павла, Архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго, члена Святѣйшаго Сунода къ Е. Ст. Ильминской.

Многоуважаемая Екатерина Степановна!

Прошу Васъ принять мое искренѣйшее и глубочайшее соболѣзнованіе, по случаю смерти многочтимаго супруга Вашего Николая Ивановича. Потеря громадная, можно сказать невознаградимая не для Васъ только, и не для Казанскаго только края, которому посвящена была, главнымъ образомъ, многосторонняя плодотворная дѣятельность почившаго, но и для церкви Русской вообще, и для нашего отечества. Глубокій и многосторонній ученый, глубоко убѣжденный православный Христіанинъ, истинный сынъ православной церкви, горячо заботившійся о благѣ и чести ея, ревностный и мудрый миссіонеръ, своимъ вліяніемъ и своею дѣятельностію сохранившій для Казанской церкви многихъ чадъ-инородцевъ, готовившихся къ отпаденію, христіанинъ—воспитатель, приготовившій великое множество прекрасныхъ учителей народныхъ, изъ которыхъ многіе сдѣлались образцовыми священниками среди своихъ единоплеменниковъ-инородцевъ,—Николай Ивановичъ оказалъ Церкви и Отечеству великія услуги своею неутомимою, живою дѣятельностію на разнообразныхъ поприщахъ. Всѣ честные и добрые люди, взирая на его труды, воздавали ему дань хвалы, глобокаго уваженія, благодарности и любви. Но несравненно высшее воздаяніе ждетъ его на небѣ,—отъ десницы Господа, вѣнчающаго подвижниковъ не увядаемыми вѣнцами вѣчной славы и вѣчнаго блаженства. Подобно великому Апостолу св. Павлу, Николай Ивановичъ „подвигомъ добрымъ подвизался, теченіе скончалъ, вѣру соблюлъ; а теперь готовится ему вѣнецъ правды, который дастъ ему Господь, Праведный Судія, въ день оный“.

Эта увѣренность въ томъ, что Николай Ивановичъ несомнѣнно послѣдуетъ блаженство вѣчное, должна умѣрить нашу скорбь о нашей потерѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ порождать радость о благой участи мирно почившаго во Господѣ, вѣрнаго раба Божія, входящаго въ радость Господа своего.

Оспротѣли Всѣ, многоуважаемая Екатерина Степановна, со смертію Николая Ивановича; оспротѣлъ и я, лишившійся въ лицѣ почившаго добраго руководителя и совѣтника по многимъ отраслямъ управленія Казанскою епархіей. Много мудрыхъ руководственныхъ указаній для своей дѣятельности почерпнулъ я изъ бесѣдъ съ Николаемъ Ивановичемъ, очень иногда продолжительныхъ; многихъ по его указаніямъ добрыхъ священниковъ пріобрѣлъ я для Казанской паствы. Съ глубокою благодарностію вспоминаю я все это. И, къ моему глубокому сожалѣнію, моя болѣзнь, удерживающая меня въ домѣ, не позволяетъ мнѣ отдать послѣдній долгъ досточтимому почившему,—помолиться за него при гробѣ его, дать ему послѣднее цѣлованіе, по принесеніи за него Безкровной Жертвы, и сказать ему слово хвалы и благодарности за его вниманіе ко мнѣ и любовь. Остается молиться за него въ своей моленной, что и буду совершать съ любовію. Васъ да утѣшитъ Господь!

Призывая на Васъ благословеніе Божіе, съ глубокимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть.

Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою

Павелъ Архіепископъ Казанскій.

Оглавленіе.

Статьи Н. И. Ильминскаго.

Стран.

О примѣненіи русскаго алфавита къ инородческимъ языкамъ . 5

Объ образованіи инородцевъ. 16

Православное богослуженіе на татарскомъ языкѣ. 22

О церковномъ богослуженіи на инородческихъ языкахъ . . . 30

Открытіе учительской семинаріи въ Казани 41

Бесѣды о народной школѣ:

Какая задача народной школы. 50

Болѣе подробное разъясненіе понятія о воспитаніи. . 53

Какими свойствами отличается отроческій — школьный возрастъ. 57

Изъ воспоминаній объ Алтынсаринѣ 82

Николай Ивановичъ Ильминскій, **епископа Никонора** 91

Памяти Николая Ивановича Ильминскаго, **И. А. Износкова** . . 95

Изъ воспоминаній о Н. И. Ильминскомъ, **К. П. Побѣдоносцева** . 106

Послѣдніе дни жизни и кончина Николая Ивановича **С. В. Смоленскаго** 118

Письмо Высокопреосвященнѣйшаго Павла, Архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго, члена Святѣйшаго Синода къ Е. Ст. Ильминской. 132